

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

Двѣ полумѣсячныя книжки его за Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1915 г. будутъ объединять собою содержаніе слѣдующихъ двухъ журналовъ:

№ 23.

ДЕКАБРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ЖУРНАЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. (Продолж.). Проф.-прот. Т. И. Буткевича	419—471
По поводу рецензентской замѣтки о нашей книгѣ М. Тарѣва. Проф.-прот. Н. Стеллецкаго.	472—522
Очерки по исторіи христіанской иконописи. (Продолженіе). Прот. П. Воинна	523—536
Школа и общество. (Продолженіе). Павла Красина	537—550
Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси. (Окончаніе). Н. М. Гальковского	551—556

II. ЖУРНАЛА „НАСТЫРЬ и ПАСТВА“.

Новый журналъ этотъ замѣняетъ собою прежнія Извѣстія и Замѣтки по Харьковской Епархіи. Содержаніе каждой отдельной книжки его будетъ обозначено въ самомъ журналѣ.

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1915.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

ВРЕМЕННО БУДЕТЬ СОСТОЯТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

1) Журнала богословско-философскаго и 2) Журнала „Пастырь и Паства“.

Сохраняя апологетическое направлєніе, первый журналъ попрежнему дастъ статьи научно-церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться излѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Въ журналъ же „Пастырь и паства“ войдутъ статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера. До 1916 года онъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць вмѣстѣ съ журналомъ „Вѣра и Разумъ“, а съ 1916 г.— 4 раза въ мѣсяць.

Оба журнала, не уменьшая количества печатныхъ листовъ, попрежнему дадутъ по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждомъ выпускѣ, т. е. годовое изданіе ихъ до 1916 г. останется прежнее, изъ 24 выпусковъ, съ текстомъ богословско-философскаго и пастырскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе ихъ внутри Россіи 10 руб., за границу 12 руб. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. и 1914 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архієпископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

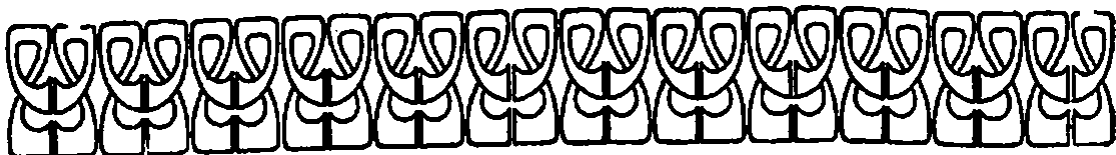
Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1915 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

2. *Религіозныя конгрегаціи* ¹⁾. Религіозныя конгрегаціи суть тѣ же мужскіе и женскіе католическіе монастыри, только—съ ослабленною и значительно упрощенною дисциплиною, при чемъ они преслѣдуютъ просвѣтительныя, миссіонерскія, благотворительныя и другія цѣли въ большей степени, чѣмъ орденскіе монастыри. Онѣ также имѣютъ свои особыя уставы или ордены, утвержденныя папами; въ болѣе же обширномъ смыслѣ конгрегаціями называются объединенія или союзы монастырей или, какъ выражаются католическіе канонисты,—*домовъ* (обителей), организованныхъ въ своемъ устройствѣ, управленіи и жизни или занятіяхъ по однимъ и тѣмъ же правиламъ (уставамъ). Кромѣ главныхъ или основныхъ домовъ, служащихъ административными центрами конгрегацій, конгрегація устраиваетъ еще въ различныхъ мѣстностяхъ и странахъ, въ видѣ своихъ отдѣленій, множество колоній, філіаловъ и стацій или домовъ подчиненныхъ. Какъ мужскія, такъ и женскія конгрегаціи учреждаются не иначе, какъ по разрѣшеніи епархіальныхъ епископовъ, съ согласія свѣтскихъ правительствъ. Женскія конгрегаціи, въ отличіе отъ женскихъ монастырей—*clausurae parales*, поэтому часто называются—*clausurae episcopales* (епископскими монастырями). Свѣтскія правительства *нѣсколько* благосклоннѣе относятся къ католическимъ конгрегаціямъ, чѣмъ къ монастырямъ, но только по-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1915 г.

¹⁾ Тамъ же § 155, стр. 554—561.

тому, что многія изъ нихъ еще пока нуждаются въ этихъ инстигутахъ, такъ какъ конгрегаціонные монахи и монахини очень много приносятъ пользы въ нѣкоторыхъ государствахъ своимъ уходомъ за больными и престарѣлыми и своими школьными занятіями. Впрочемъ, есть конгрегація, которая, за свою близость по цѣлямъ и тактикѣ къ іезуитамъ, во многихъ государствахъ уже объявлены нетерпимыми. Къ такимъ конгрегаціямъ принадлежатъ, напр., *редемптористы* или *орденъ святого Искупителя*, а также *лигуоріанцы*, посредствомъ своихъ духовниковъ и школьныхъ наставниковъ ведущіе упорную борьбу съ протестантствомъ, *лазаристы*, *священники Святаго Духа* и *общество св. сердца Іисуса*. Эти конгрегаціи изгнаны изъ всѣхъ протестантскихъ государствъ.

Приемъ членовъ въ конгрегаціонные дома и отдѣленія происходитъ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ принимаются и желающіе поступить въ монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что искусы въ конгрегаціяхъ продолжается всего нѣсколько недѣль и не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а монашескіе обѣты произносятся чрезъ годъ или два послѣ искуса. Торжественныхъ обѣтовъ въ конгрегаціяхъ совсѣмъ не бываетъ. Въ женскихъ конгрегаціяхъ обѣты можно давать и на всю жизнь, и лишь на опредѣленное время. Правомъ собственности члены католическихъ конгрегацій пользуются въ такой же мѣрѣ, какъ въ монастыряхъ новиціи и регуляры, давшіе простые обѣты. Деньги, заработанныя членами конгрегацій личнымъ трудомъ, поступаютъ въ общую кассу конгрегаціоннаго дома. Въ женскихъ конгрегаціяхъ вновь вступившія дѣвицы вручаютъ свое „приданое“ настоятельницѣ, но при выходѣ изъ конгрегаціи онѣ, если не давали обѣтовъ на всю жизнь, получаютъ его обратно, полностью и безъ затрудненій; а давшія обѣты на всю жизнь получаютъ его обратно, полностью и безъ затрудненій; а давшія обѣты на всю жизнь получаютъ свое „приданое“ обратно, при оставленіи конгрегаціи, только по испрошеніи диспенсаци у папы. Выходъ изъ конгрегацій, въ смыслѣ совершеннаго оставленія ихъ, можетъ быть свободный и вынужденный: послѣдній бываетъ какъ наказаніе за дурное и неисправимое поведеніе.

Мужскія конгрегаціи, дѣятельность которыхъ ограничена однимъ діэцезомъ, подчинены управленію и власти епископа этого діэцеца; тѣмъ не менѣе на внутреннія дѣла ихъ его юрисдикція не распространяется, какъ, напр., на пересмотръ и измѣненіе утвержденныхъ папою статутовъ ихъ, на принятіе или увольненіе членовъ, на избраніе начальниковъ и замѣщеніе остальныхъ административныхъ должностей и на управленіе конгрегационнымъ имуществомъ. Высшее наблюденіе за мужскими конгрегациями папа Иннокентій XII своею конституціею „Christi fidelium“ въ 1694 году поручилъ особому кардиналу—протектору. Но и протекторъ не долженъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь и дѣла конгрегаций. Мужскія конгрегации, дѣятельность которыхъ простирается на многіе діэцезы, управляются особымъ генераль-начальникомъ, который на извѣстное число лѣтъ или пожизненно избирается генеральнымъ капитуломъ и утверждается въ Римѣ конгрегациею по епископскимъ и монашескимъ дѣламъ (*Congregatio super negotiis episcoporum et regulatorium*); а при немъ состоитъ совѣтъ изъ двухъ, трехъ или четырехъ ассистентовъ, также избираемыхъ генеральнымъ капитуломъ. Члены конгрегаций находятся въ такомъ же отношеніи къ генераль-начальнику, въ какомъ въ монастыряхъ регуляры—къ аббату: воля его для нихъ священна.

Во главѣ женскихъ конгрегаций поставляется генераль-начальница. Она должна имѣть отъ роду не менѣе 40 лѣтъ. Избирается она большею частію только на опредѣленное число лѣтъ особою избирательною коллегіею или генеральнымъ капитуломъ сестеръ, подъ руководствомъ генерала-протектора или мѣстнаго епископа, и имъ же утверждается. Въ случаѣ затрудненій или несогласія сестеръ при избраніи генераль-начальницы дѣло поступаетъ на окончательное рѣшеніе папы. Начальница должна быть избираема изъ сестеръ, уже много лѣтъ пробывшихъ въ конгрегации. Въ каждомъ конгрегационномъ главномъ домѣ при начальницѣ, въ помощь ей, существуетъ совѣтъ, состоящій изъ 3—6 сестеръ, называемыхъ ассистентками и также избираемыхъ генеральнымъ капитуломъ на такой же срокъ, какъ и начальница. Ассистентками могутъ быть сестры, имѣющія отъ роду не менѣе 30-лѣтъ. Одна изъ нихъ считается замѣсти-

тельницею генераль-начальницы. Начальница въ своемъ конгрегаціонномъ домѣ и его колоніяхъ имѣетъ такое же значеніе, какъ аббатисса въ монастырѣ. Священники и духовники въ женскія конгрегаціи назначаются епископомъ, которому принадлежитъ надзоръ и за дѣлами конгрегаціонныхъ колоній. Для наблюденія за религіозно-нравственною жизнію въ женскихъ конгрегаціяхъ епископомъ назначается особое лицо—*pater spiritualis*. Представителемъ женскихъ конгрегацій по общимъ дѣламъ въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ служитъ генераль-протекторъ. Онъ же предсѣдательствуетъ въ генеральномъ собраніи конгрегацій; въ случаѣ смерти генераль-начальницы онъ назначаетъ ея временную замѣстительницу, ведетъ дѣло о смѣщеніи неудобной начальницы, объ удаленіи изъ конгрегаціи сестеръ дурного поведенія и т. п.

Изъ конгрегацій мужскихъ и женскихъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, кромѣ названныхъ выше, заслуживаютъ упоминанія еще: конгрегація *св. сердца Маріи*, конгрегація *Божественнаго Слова*, конгрегація *св. дѣтства Іисуса*, конгрегація *непорочнаго зачатія Маріи*, конгрегація *Паллотинской миссіи*, *маристы*, *трапписты*, Бельгійская конгрегація *непорочнаго сердца св. Дѣвы Маріи*, *пассіонисты*, конгрегація *св. Семейства*, *братья св. Петра*, *братья милосердія* (*fratres B. M. V. de misericordia*), конгрегація *священниковъ воскресенія Іисуса Христа*, конгрегація *святѣйшаго Сердца Іисуса и Маріи*, *урсулистки*, *целлиты*, *дщери Добраго Пастыря*, *сестры-кюнички*, *дщери Маріи*, *дщери Креста*, *христіанскія сестры*, *сестры Маріи*, *вѣстрицы бѣдныхъ*, *дамы святѣйшаго Господа Іисуса*, *бѣдныя служанки Іисуса Христа*, *сестры христіанской любви*, *сестры милосердія*, *сестры бѣднаго дитяти Іисуса* и т. д. и т. п.

Съ конгрегаціями близко родственны *религіозные институты*. Существенное различіе между ними состоитъ лишь въ томъ, что въ институтахъ совсѣмъ не даются монашескіе обѣты.

3. *Братства и союзы* (*confraternitates et sodalitates*) отличаются отъ конгрегацій тѣмъ, что они не имѣютъ твердо установившейся организаци и преслѣдуютъ только одну какую либо и при томъ не монашескую, а житейско-прак-

тическую цѣль. Католическія братства, по своему составу, бываютъ и церковными, и гражданскими, хотя и тѣ и другіе въ одинаковой степени подчинены духовной власти. Удивительно, что римско-католическіе канонисты ставятъ свои братства и союзы въ связь еще съ римскимъ и франко-германскимъ язычествомъ. Такъ, Вальтеръ, напр., утверждаетъ (§ 334, стр. 724): „Братскіе союзы, цѣхи, скрѣпляемые торжественною клятвою, безспорно, *какъ остатокъ язычества*, упоминаются еще въ законахъ Карла Великаго и его преемниковъ. Этотъ духъ ассоціаціи церковь восприняла въ себя и дала ему достойное питаніе и направленіе, при чемъ, конечно, она должна была бороться съ нѣкоторыми унаслѣдованными злоупотребленіями“. Въ настоящее время католическія братства учреждаются обыкновенно съ разрѣшенія епископа и согласія свѣтскаго правительства, хотя въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ, напр., въ Саксоніи, учрежденіе ихъ воспрещено закономъ. Дѣятельностію ихъ руководятъ католическіе священники, по статутамъ, утверждаемымъ епископами. Отчеты о своей дѣятельности и своихъ капиталахъ они представляютъ епископамъ на ревизію и утвержденіе. Тѣмъ не менѣе католическіе канонисты относятся къ братствамъ и союзамъ не особенно сочувственно за ихъ вмѣшательства въ церковныя дѣла и за ихъ частыя злоупотребленія папскими индульгенціями или „отпусками“. Между тѣмъ братства чаще всего и охотно учреждаются монашескими орденами.

Въ лоиѣ католической церкви и подъ ея покровительствомъ были еще особаго рода братства, извѣстныя подъ названіемъ *духовныхъ рыцарскихъ орденовъ*, такъ сказать, боевыя воинскія товарищества, какъ, напр., темпліеры или храмовники, рыцари меча св. Іакова, тевтоны (нѣмецкій орденъ), меченосцы, орденъ св. Маріи, св. Георгія, св. Стефана Мученика и др. Но теперь они принадлежатъ уже исторіи, а не дѣйствительности нашей жизни.

4. *Римско-католическіе монастыри въ Россіи*. Съ присоединеніемъ къ Россіи части бывшаго царства польскаго въ предѣлахъ нашего отечества сразу оказалось 448 римско-католическихъ монастырей съ 13,442 монашествующими. Особенно много было мужскихъ и женскихъ католическихъ монастырей въ городахъ: Вильнѣ (30 монастырей) Луцкѣ

(7 монастырей), Брестъ Литовскомъ (5 монастырей), Минскъ (10 монастырей), Несвижскъ (4 монастыря), Новогрудскъ (4 монастыря), Оршанскъ (5 монастырей), Полоцкъ (5 монастырей), Пинскъ (3 монастыря), Слонимъ (5 монастырей), Слуцкъ (3 монастыря), Каменецкъ (4 монастыря), Ковнъ (8 монастырей), Витебскъ (5 монастырей), Гроднъ (5 монастырей) и т. д. Къ сожалѣнію, въ Россіи римско-католическіе монастыри, при своемъ нравственномъ упадкѣ и ослабленіи церковной дисциплины, не служили своему прямому назначенію, а, увлекшись политикою, занялись революціонною пропагандою и обратились въ притоны бунтовщиковъ и повстанцевъ, стали преступнымъ очагомъ, воспламенявшимъ политическія страсти и непримиримую враждебность польскихъ католиковъ къ Россіи; во время польскихъ возстаній въ ихъ стѣнахъ, подземныхъ погребахъ и склепахъ, были устраиваемы конфедератами склады оружія и боевыхъ запасовъ; въ монастырскихъ зданіяхъ и даже въ костелахъ происходили засѣданія и совѣщанія заговорщиковъ и бунтарей; вожаки повстанья находили въ нихъ для себя преступное укрывательство. Такое крайнее и непримиримовраждебное отношеніе римско-католическаго монашества къ Россіи и вредная политическая дѣятельность католическихъ монаховъ были истинными и единственными причинами того, что русское правительство скоро увидѣло себя вынужденнымъ обратиться къ рѣшительной мѣрѣ-закрытію громаднаго количества римско-католическихъ монастырей въ западномъ краѣ¹⁾. Архивныя дѣла о закрытіи римско-като-

¹⁾ Еще въ 1780 году былъ закрытъ за вредную пропаганду минскій іезуитскій пріютъ св. Маріи. Затѣмъ, за вредную Россіи политическую дѣятельность было закрыто въ Россіи въ 1830 году восемь монастырей, а именно: 1. брестъ-литовскій мужской августинскій монастырь, 2. брестъ-литовскій мужской бернардинскій монастырь, 3. брестъ-литовскій мужской монастырь тринитаровъ, 4. брестъ-литовскій женскій бернардинскій монастырь, 5. брестскій женскій монастырь бригидокъ, 6. минскій женскій монастырь маріавитокъ, 7. минскій женскій монастырь сестеръ милосердія и 8. минскій мужской францисканскій монастырь. Въ 1831 году было закрыто пять монастырей, а именно: 1. березскій мужской монастырь картузовъ, 2. летичевскій мужской доминиканскій монастырь, 3. овручскій мужской доминиканскій монастырь, 4. полоцкій мужской монастырь піаровъ и 5. домбровицкій мужской монастырь піаровъ. Въ 1832 году было закрыто двѣсти

лическихъ монастырей въ царствѣ польскомъ представляють обильный, живою и интересный историческій матеріалъ, дающій возможность заглянуть во внутреннюю, закулисную жизнь католическаго монашества прошлаго вѣка и ясно увидѣть, кому оно служило долгое время на Руси—Богу или міру. Закрытіе громаднаго количества римско-католическихъ монастырей, какъ фактъ, взятый самъ по себѣ, можетъ вы-

шесть монастырей, а именно: 1. аннопольскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 2. антоселитскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 3. бабиновицкій мужской монастырь тринитаровъ, 4. барскій мужской доминиканскій монастырь, 5. барскій мужской францисканскій монастырь, 6. бередзовскій мужской монастырь маріановъ, 7. березинскій мужской бернардинскій монастырь, 8. берестечскій мужской монастырь тринитаровъ, 9. бербенскій мужской монастырь миссіонеровъ, 10. боцковскій мужской монастырь реформатовъ, 11. брайловскій мужской монастырь тринитаровъ, 12. буховицкій мужской доминиканскій монастырь, 13. быховскій мужской доминиканскій монастырь регулярныхъ латеранскихъ канониковъ, 14. бышовскій мужской доминиканскій монастырь, 15. бѣлицкій мужской доминиканскій монастырь, 16. бялыничскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 17. василишскій мужской доминиканскій монастырь, 18. велижскій мужской бернардинскій монастырь, 19. веліовскій мужской доминиканскій монастырь, 20. воньковецкій мужской францисканскій монастырь, 21. видзенскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 22. виленскій мужской бернардинскій монастырь, 23. виленскій мужской монастырь св. Терезіи кармелитовъ босыхъ, 24. виленскій мужской св. Казимира монастырь миссіонеровъ, 25. крожскій мужской кармелитскій монастырь, 26. кржичевскій мужской доминиканскій монастырь, 27. кульчинскій мужской доминиканскій монастырь, 28. кустинскій мужской бернардинскій монастырь, 29. кунятскій мужской капуцинскій монастырь, 30. купинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 31. кургянскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 32. вшешипскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 33. лидскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 34. линковскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 35. лисянскій мужской францисканскій монастырь, 36. лопеницкій мужской францисканскій монастырь, 37. лабунскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 38. лукомльскій мужской францисканскій монастырь, 39. лунскій мужской монастырь піаровъ, 40. любешевскій мужской капуцинскій монастырь, 41. любешевскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 42. лужецкій монастырь піаровъ, 43. мазыкинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 44. малятицкій мужской доминиканскій монастырь, 45. ходоржовскій мужской доминиканскій монастырь, 46. холопенический мужской доминиканскій монастырь, 47. хорошанскій мужской доминиканскій монастырь, 48. хо-

звать понятное недоумѣніе и людей, незнакомыхъ съ жизнію и характеромъ католическихъ монаховъ, и они могутъ поставить вопросъ: кому или чему мѣшали эти люди, которые по своимъ обѣтамъ, должны были отречься отъ міра, забыть житейскія тревоженія, замкнуться въ созерцательную жизнь и уже не интересоваться тѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ? Въ свое время въ Европѣ и частныя лица, и прави-

тавицкій мужской доминиканскій монастырь, 49. чарнобыльскій мужской доминиканскій монастырь, 50. чарторійскій мужской доминиканскій монастырь, 51. чаусовскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 52. чашницкій мужской доминиканскій монастырь 53. чудновскій мужской бернардинскій монастырь, 54. шаровецкій мужской доминиканскій монастырь, 55. пейбакпольскій мужской францисканскій монастырь, 56. шеметовскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 57. шумскій мужской монастырь тринитаровъ, 58. шумскій мужской францисканскій монастырь, 59. щучинскій мужской монастырь піаровъ, 60. южинтскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 61. юревичскій мужской бернардинскій монастырь, 62. яновецкій мужской бернардинскій монастырь, 63. яновскій мужской бернардинскій монастырь, 64. яновскій мужской монастырь тринитаровъ, 65. ярмолинецкій мужской бернардинскій монастырь, 66. межиславскій мужской монастырь кармелитовъ другихъ правилъ, 67. меречскій мужской доминиканскій монастырь, 68. микулинъ мужской доминиканскій монастырь, 69. минскій мужской доминиканскій монастырь, 70. михалитскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 71. мозырскій мужской бернардинскій монастырь, 72. молодечинскій мужской монастырь тринитаровъ, 73. мстиславскій мужской бернардинскій монастырь, 74. мѣдниковскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 75. микулинскій мужской бернардинскій монастырь, 76. мозыкинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 77. нарвимѣнскій мужской францисканскій монастырь, 78. невѣрковскій мужской доминиканскій монастырь, 79. нововишневецкій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 80. олевскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 81. олькенинскій мужской францисканскій монастырь, 82. ольшанскій мужской францисканскій монастырь, 83. оршанскій мужской бернардинскій монастырь, 84. оршанскій мужской монастырь тринитаровъ, 85. острогскій мужской капуцинскій монастырь, 86. пацковскій мужской доминиканскій монастырь, 87. островскій мужской доминиканскій монастырь 88. пинскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 89. пивско-каролинскій мужской бернардинскій монастырь, 90. пожайскій мужской монастырь камельдуловъ, 91. пожинскій мужской доминиканскій монастырь, 92. полонковскій мужской доминиканскій монастырь, 93. полоцкій мужской бернардинскій монастырь, 94. полоцкій мужской францисканскій монастырь, 95. помпянскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 96. поневѣжскій мужской монастырь

тельства, и „народные вѣтѣи шумѣли, анаемой грозили Россіи“ и осуждали русское правительство, объясняя произведенное имъ почти „огульное“ закрытіе католическихъ монастырей религіозною нетерпимостію, отсутствіемъ свободы религіозной совѣсти, фанатизмомъ, преслѣдованіемъ пновѣрцевъ, хотя у себя эти строгіе судьи то же сдѣлали раньше... Но думаемъ, недалеко то время, когда архивныя

піаровъ, 97. понемунскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 98. попельскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 99. поставскій мужской францисканскій монастырь, 100. пошемянскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 101. пошолтунскій женскій бенедиктинскій монастырь, 102. прикомаргородскій мужской францисканскій монастырь, 103. принцьянскій мужской капуцинскій монастырь, 104. проворовскій мужской францисканскій монастырь, 105. радзиховскій мужской августинскій монастырь, 106. радомысльскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 107. раковскій мужской доминиканскій монастырь, 108. ржицевскій мужской монастырь тринитаровъ, 109. рогаческій мужской бернардинскій монастырь, 110. росіенскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 111. росіенскій мужской монастырь піаровъ, 112. рушонскій мужской доминиканскій монастырь, 113. рѣчицкій мужской доминиканскій монастырь, 114. свичлоческій мужской францисканскій монастырь, 115. селицкій мужской бернардинскій монастырь, 116. семяницкій мужской монастырь миссіонеровъ, 117. серажимскій мужской францисканскій монастырь, 118. скемянтскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 119. скопнтскій мужской доминиканскій монастырь, 120. слуцкій мужской бернардинскій монастырь, 121. каменецкій мужской доминиканскій монастырь, 122. камепнокоширскій мужской доминиканскій монастырь, 123. карегинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 124. кветскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 125. кейданскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 126. киселинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 127. кіевскій мужской доминиканскій монастырь, 128. клецкій мужской доминиканскій монастырь, 129. климовичскій мужской доминиканскій монастырь, 130. княжицкій мужской доминиканскій монастырь, 131. княжицкій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 132. коднянскій мужской августинскій монастырь, 133. козинскій мужской доминиканскій монастырь, 134. колесницкій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 135. колтынянскій мужской францисканскій монастырь, 136. комарджодскій мужской доминиканскій монастырь, 137. конюховскій мужской доминиканскій монастырь, 138. корецкій мужской францисканскій монастырь, 139. кременецкій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ латеранскихъ, 140. кременецкій францисканскій монастырь, 141. криживицкій мужской монастырь тринитаровъ, 142. смоловенскій мужской монастырь кано-

дѣла о закрытіи католическихъ монастырей въ Россіи ни для кого не будутъ секретомъ,—и тогда, по крайней мѣрѣ, судьи безпристрастные произнесутъ приговоръ иного рода. Тогда увидятъ всѣ, имѣющіе очи, чтобы видѣть, что не одни ясновельможные паны, сеймы и сеймики погубили царство польское, вынудивъ лишеніе его самостоятельнаго политическаго существованія, но что ускоренію печальной

никовъ регулярныхъ отъ покаянія, 143. смолянскій мужской доминиканскій монастырь, 144. смотрицкій мужской доминиканскій монастырь, 145. смеловицкій мужской монастырь миссіонеровъ, 146. сокулецкій мужской доминиканскій монастырь, 147. солонскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 148. сокольниковскій мужской францисканскій монастырь, 149. сольбкецкій мужской доминиканскій монастырь, 150. станьковскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 151. старонстантиновскій мужской доминиканскій монастырь, 152. старомядзюпольскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 153. старо-столпецкій мужской доминиканскій монастырь, 154. субочскій мужской монастырь миссіонеровъ, 155. сувейлищскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 156. табарисскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 157. торговицкій мужской доминиканскій монастырь, 158. тверечскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 159. теофильпольскій мужской монастырь тринитаровъ, 160. топоржинскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 161. тринитопольскій мужской монастырь тринитаровъ, 162. тульчинскій мужской доминиканскій монастырь, 163. тыровскій мужской доминиканскій монастырь, 164. столпецкій мужской доминиканскій монастырь, 165. устилугскій мужской капуцинскій монастырь, 166. ушацкій мужской доминиканскій монастырь, 167. ушомирскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 168. винницкій мужской доминиканскій монастырь, 169. вистицкій мужской монастырь цистеровъ, 170. витебскій мужской бернардинскій монастырь, 171. витебскій мужской доминиканскій монастырь, 172. витебскій мужской монастырь піаровъ, 173. витебскій мужской монастырь тринитаровъ, 174. владимирскій мужской капуцинскій монастырь, 175. варковецкій мужской бернардинскій монастырь, 176. высокодворскій мужской доминиканскій монастырь, 177. гельванскій мужской францисканскій монастырь, 178. глинциншискій мужской монастырь миссіонеровъ, 179. головчинскій мужской доминиканскій монастырь, 180. гольшанскій мужской францисканскій монастырь, 181. грудецкій мужской францисканскій монастырь, 182. городышскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 183. гржичевскій мужской доминиканскій монастырь, 184. гродненскій мужской доминиканскій монастырь, 185. губинскій мужской францисканскій монастырь, 186. гудогайскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 187. двѣтѣнскій мужской монастырь миссіонеровъ, 188. деречинскій мужской доминиканскій монастырь, 189. дис-

судьбы его энергично содѣйствовали и католическіе монахи и монахини—доминиканцы, бонифратеры, босые и обутые кармелиты, бернардины и францисканцы, маріавитки, бригидки, визитки и сестры милосердія... Ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ, даже въ средніе вѣка, не было такого громаднаго количества римско-католическихъ монастырей, какъ въ небольшомъ, по количеству населенія

ненскій мужской францисканскій монастырь, 190. дорогастайскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 191. дрогичинскій мужской францисканскій монастырь, 192. друйскій мужской доминиканскій монастырь, 193. дружкопольскій мужской францисканскій монастырь, 194. дудаковицкій мужской доминиканскій монастырь, 195. дунаевецкій мужской капуцинскій монастырь, 196. добровинскій мужской монастырь піаровъ, 197. эльпинскій мужской доминиканскій монастырь, 198. жогинскій мужской францисканскій монастырь, 199. жолудскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 200. жорницкій мужской монастырь реформатовъ, 201. заславскій мужской доминиканскій монастырь, 202. затуржецкій мужской августинскій монастырь, 203. збржинскій мужской капуцинскій монастырь, 204. зембинскій мужской доминиканскій монастырь, 205. ивенецкій мужской францисканскій монастырь и 206. ивницкій мужской францисканскій монастырь. *Въ 1837 году* былъ закрытъ второй олькенинскій францисканскій мужской монастырь. *Въ 1838 году* было закрыто три монастыря, а именно: 1. минскій мужской бенедиктинскій монастырь, 2. минскій мужской монастырь бонифратровъ и 3. метиславскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ. *Въ 1842 году* было закрыто двенадцать монастырей, а именно: 1. бѣлостокскій мужской монастырь миссіонеровъ, 2. луцкій мужской монастырь бонифратровъ, 3. лыковскій мужской монастырь миссіонеровъ, 4. новогрудскій мужской монастырь бонифратровъ, 5. освѣйскій мужской монастырь бонифратровъ, 6. каменецкій мужской монастырь тринитаровъ, 7. краславскій мужской монастырь миссіонеровъ, 8. високолитовскій мужской монастырь бонифратровъ, 9. гродненскій мужской монастырь бонифратровъ, 10. житомирскій мужской бернардинскій монастырь, 11. заславскій мужской монастырь миссіонеровъ и 12. илукетскій мужской монастырь миссіонеровъ. *Въ 1843 году* былъ закрытъ виленскій мужской монастырь бонифратровъ. *Въ 1844 году* было закрыто десять монастырей, а именно: 1. виленскій мужской доминиканскій монастырь Св. Духа, 2. виленскій мужской доминиканскій монастырь св. Іакова, 3. виленскій мужской монастырь Остробрамскихъ кармелитовъ босыхъ, 4. виленскій мужской миссіонерскій монастырь горы Спасителя, 5. виленскій мужской монастырь піаровъ, 6. виленскій женскій, сестеръ милосердія, монастырь св. Іакова, 7. виленскій женскій Савичъ монастырь сестеръ милосердія, 8. виленскій женскій, сестеръ милосердія, монастырь Младенца Іисуса, 9 оршанскій мужской доминиканскій монастырь и 10. оршанскій мужской

и территоріи, царствѣ польскомъ. Къ сожалѣнію, монахи, имѣя сильное вліяніе на населеніе, злоупотребляли имъ, всячески возбуждая народъ къ „повстаньямъ“, бунтамъ и революціонному движенію. И имъ пришлось увидѣть горькіе плоды своей преступной дѣятельности. Въ архивныхъ дѣлахъ не найдется только много матеріала для осужденія русскаго правительства въ несправедливости и жестокости:

францисканскій монастырь. Въ 1845 году было закрыто двадцать два монастыря, а именно: 1. балыничскій женскій монастырь маріавитокъ, 2. вилькомирскій мужской монастырь піаровъ, 3. лидскій мужской монастырь піаровъ, 4. чашницкій женскій монастырь маріавитокъ, 5. мстиславскій женскій монастырь маріавитокъ, 6. озеранскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ латеранскихъ, 7. новогрудскій мужской францисканскій монастырь, 8. оршанскій женскій монастырь маріавитокъ, 9. островнянскій мужской доминиканскій монастырь, 10. ошмянскій мужской францисканскій монастырь, 11. ржаностокскій мужской доминиканскій монастырь, 12. слонимскій мужской доминиканскій монастырь, 13. слонимскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ латеранскихъ, 14. ковенскій мужской доминиканскій монастырь, 15. ковенскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 16. ковенскій женскій монастырь сестеръ милосердія, 17. ковенскій мужской францисканскій монастырь, 18. старо-трокскій мужской бенедиктинскій монастырь, 19. сѣннинскій мужской францисканскій монастырь, 20. трокскій мужской бенедиктинскій монастырь, 21. гродненскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ и 22. грудецкій женскій монастырь сестеръ милосердія. Въ 1846 году были закрыты дрогичинскій мужской монастырь піаровъ. Въ 1850 году было закрыто двадцать четыре монастыря, а именно: 1. бердичевскій женскій монастырь маріавитокъ, 2. верковскій мужской доминиканскій монастырь, 3. крупчицкій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 4. луцкій мужской доминиканскій монастырь, 5. луцкій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 6. луцкій мужской монастырь тринитаровъ, 7. яловицкій мужской доминиканскій монастырь, 8. мозырскій женскій монастырь маріавитокъ, 9. мурарфовскій мужской доминиканскій монастырь, 10. ошмянскій мужской доминиканскій монастырь, 11. пинскій мужской доминиканскій монастырь, 12. пинскій женскій монастырь маріавитокъ, 13. слободекій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 14. слонимскій женскій бенедиктинскій монастырь, 15. слонимскій женскій доминиканскій монастырь, 16. слуцкій мужской доминиканскій монастырь, 17. слуцкій женскій монастырь маріавитокъ, 18. ковенскій мужской бернардинскій монастырь, 19. владимірскій мужской доминиканскій монастырь, 20. глусскій мужской бернардинскій монастырь, 21. глусскій мужской доминиканскій монастырь, 22. глусскій женскій монастырь маріавитокъ, 23. друйскій мужской бернардинскій монастырь и 24. дуниловичскій мужской доминиканскій монастырь. Въ 1851 году

скорѣе встрѣтится много основаній—удивляться его терпѣнiю и снисходительности.

былъ закрытъ удзяльскій мужской францисканскій монастырь. Въ 1852 году было закрыто три монастыря, а именно: 1. бѣлостокскій женскій монастырь сестеръ милосердія, 2. бѣниціскій мужской бернардинскій монастырь и 3. виленскій мужской августинскій монастырь. Въ 1853 году было закрыто десять монастырей, а именно: 1. виленскій мужской монастырь цистеровъ, 2. луцкій мужской бернардинскій монастырь, 3. межерицкій мужской монастырь пiаровъ, 4. цѣхановецкій женскій монастырь сестеръ милосердія, 5. минскій женскій бернардинскій монастырь, 6. новогрудскій мужской доминиканскій монастырь, 7. пинскій мужской францисканскій монастырь, 8. тельшевскій мужской бернардинскій монастырь, 9. гродненскій мужской бернардинскій монастырь и 10. гродненскій женскій бернардинскій монастырь. Въ 1854 году было закрыто два монастыря: 1. щучинскій женскій монастырь сестеръ милосердія и 2. дубенскій мужской бернардинскій монастырь. Въ 1856 году былъ закрытъ дрогичинскій женскій бенедиктинскій монастырь. Въ 1857 году было закрыто два монастыря: 1. ляховецкій мужской доминиканскій монастырь и 2. ивейскій мужской бернардинскій монастырь. Въ 1858 году было закрыто три монастыря: 1. буцлавскій мужской бернардинскій монастырь, 2. минскій мужской бернардинскій монастырь и 3. забяльскій мужской доминиканскій монастырь. Въ 1860 году былъ закрытъ воложинскій мужской бернардинскій монастырь. Въ 1861 году было закрыто два монастыря: 1. шумскій мужской доминиканскій монастырь и 2. глембоцкій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ. Въ 1863 году былъ закрытъ островенскій мужской доминиканскій монастырь. Въ 1864 году было закрыто тридцать монастырей, а именно: 1. виленскій мужской второй бернардинскій монастырь, 2. виленскій зарѣчный женскій бернардинскій монастырь, 3. виленскій мужской св. Петра и Павла монастырь канониковъ регулярныхъ латеранскихъ, 4. виленскій мужской монастырь канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, 5. виленскій женскій монастырь маріавитокъ, 6. виленскій мужской монастырь тринитаровъ, 7. виленскій мужской францисканскій монастырь, 8. любарскій мужской доминиканскій монастырь, 9. цитовянскій мужской бернардинскій монастырь, 10. минскій мужской второй бернардинскій монастырь, 11. могилевскій мужской бернардинскій монастырь, 12. несвижскій мужской бенедиктинскій св. Креста монастырь, 13. несвижскій мужской бернардинскій монастырь, 14. новогрудскій женскій доминиканскій монастырь, 15. оевѣйскій женскій монастырь сестеръ милосердія, 16. полавенскій мужской доминиканскій монастырь, 17. полоцкій мужской доминиканскій монастырь, 18. попороцкій мужской доминиканскій монастырь, 19. распянскій мужской монастырь маріановъ, 20. слонимскій мужской бернардинскій монастырь, 21. кимбаровскій мужской монастырь цистеровъ, 22. ковенскій мужской августинскій монастырь, 23. ковенскій женскій бернардинскій монастырь, 24. ковенскій мужской монастырь цистеровъ,

Въ настоящее время католическихъ монастырей въ Россіи немного ¹⁾, и они не отличаются ни богатствомъ, ни

25. краславскій женскій монастырь сестеръ милосердія, 26. трашкунскій мужской бернардинскій монастырь, 27. трокскій мужской доминиканскій монастырь, 28. хвайлонскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 29. засвирскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ и 30. дашковский мужской бернардинскій монастырь. Въ 1865 году было закрыто семь монастырей: 1. брусилловскій мужской капуцинскій монастырь, 2. виленскій женскій монастырь визитокъ, 3. виленскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 4. луцкій женскій монастырь сестеръ милосердія, 5. городышскій мужской бенедиктинскій монастырь, 6. житомирскій женскій монастырь сестеръ милосердія и 7. каменецкій женскій монастырь визитокъ. Въ 1866 году было закрыто четыре монастыря: 1. бердичевскій мужской монастырь кармелитовъ босыхъ, 2. межерицкій мужской францисканскій монастырь, 3. каменецкій женскій доминиканскій монастырь и 4. каменецкій мужской кармелитскій монастырь. Въ 1867 году былъ закрытъ полоцкій женскій маріавитскій монастырь. Въ 1872 году былъ закрытъ мицскій бенедиктинскій монастырь. Въ 1873 году было закрыто два монастыря: 1. могилевскій женскій маріавитскій монастырь и 2. несвижскій мужской доминиканскій монастырь. Въ 1874 году былъ закрытъ витебскій женскій маріавитскій монастырь, а въ 1876 году—теплицкій женскій монастырь сестеръ милосердія. Въ 1877 году закрытъ несвижскій женскій бенедиктинскій монастырь, въ 1878 году—луцкій женскій монастырь бригидокъ, а въ 1883 году—любеповскій мужской монастырь піаровъ. Въ 1886 году было закрыто шесть монастырей, а именно: 1. виленскій женскій св. Михаила бернардинскій монастырь, 2. виленскій мужской монастырь кармелитовъ древнихъ правилъ, 3. ходорковскій мужской капуцинскій монастырь, 4. росіенскій мужской доминиканскій монастырь, 5. кимбаровскій женскій монастырь цистерокъ и 6. старо-константиновскій мужской капуцинскій монастырь. Въ 1888 году былъ закрытъ винницкій мужской капуцинскій монастырь. Въ 1889 году былъ закрытъ кальварійскій мужской доминиканскій монастырь. Въ 1890 году было закрыто три монастыря: 1. крожскій женскій бенедиктинскій монастырь, 2. додержальскій мужской монастырь реформатовъ и 3. дубенскій женскій кармелитскій монастырь.

¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ за 1914 годъ, католическіе монастыри существуютъ въ слѣдующихъ римско-католическихъ епархіяхъ въ Россіи: а, въ *могилевской архіепископствѣ*—аглонскій доминиканскій монастырь, съ приходскою въ Аглонѣ церковію въ честь Успенія Пресв. Дѣвы Маріи (костель каменный, сооруженный въ 1780 году на средства доминиканскаго ордена и освященный въ 1800 году); настоятель этого монастыря есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятель прихода; при немъ состоятъ два штатныхъ викарія. б. Въ *виленской епархіи*. I. Въ г. Вильнѣ существуетъ третье-классный женскій монастырь бенедиктинскаго ордена; костель во имя св. Екатерины; настоятельница въ

многолюдствомъ. Число монашествующихъ въ нихъ ниже штатной нормы; процвѣтають лишь конгрегационныя обители или дома сестеръ милосердія, устраиваемыя по правиламъ Викентія Паольскаго. Посвящая себя по-преимуществу заботамъ о больныхъ, престарѣлыхъ и сиротствующихъ, католическія сестры милосердія пользуются большимъ уваженіемъ и симпатіями католическаго населенія. Во внутрен-

монастырѣ—1, сестеръ—8, капелланъ—1, духовниковъ—2: штатный и сверхштатный. II. Женскій первоклассный монастырь ордена св. Бригиды въ Гродно: настоятельница—1, сестеръ—4, капелланъ—1, духовниковъ—2. III. Второклассный мужской францисканскій монастырь: настоятель—1, викарій—1. IV. Третьеклассный женскій бернардинскій монастырь въ Слонимѣ: настоятельница—1, сестеръ—5, капелланъ—1, духовниковъ—2. в. *Во слацславской епархіи*: I. мужской монастырь реформатскаго ордена во Влацславскѣ (костелъ каменный, во имя всѣхъ святыхъ, сооруженъ въ 1624 году): настоятель—1, отцовъ—3. II. Въ Ченстоховѣ мужской монастырь паулинскаго ордена, съ базиликой Пресв. Дѣвы, основанный въ 1312 году въ честь чудотворной иконы Ченстоховской и Коденской Божіей Матери. Братства: Рожанцево (1617 г.), кармелитское (1787 г.) и свв. ангеловъ (1626 г.); настоятель 1—инфулагъ (митрофорный), отцовъ—8, клериковъ—2, новиціевъ—5. III. Бернардинскій монастырь въ Колѣ; братство непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы (1672 г.): отецъ—1. Женскіе монастыри: I. святой Анны дѣвичій доминиканскій монастырь (костелъ во имя св. Анны, каменный, сооруженъ въ 1668 году для отцовъ бернардиновъ; въ 1869 году въ этотъ монастырь переведены изъ Петрокова дѣвицы доминиканки): настоятельница—1, сестеръ—10, капелланъ—1, духовниковъ—2. II. Въ Велюни дѣвичій бернардинскій монастырь (костелъ каменный, во имя св. Николая, сооруженъ въ 1399 году; монастырь основанъ въ 1612 году): настоятельница—1, сестеръ—9, капелланъ—1, духовниковъ—2.—III. 1. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ св. Троицы въ Калишѣ (основанъ въ 1862 году): настоятельница—1, сестеръ—10, капелланъ—1, духовниковъ—2;—2. Свято-Духовскій домъ сестеръ милосердія—Призрѣніе старцевъ (основанъ въ 1745 году) въ Калишѣ: настоятельница—1, сестеръ—4; 3. Домъ сестеръ милосердія при благотворительномъ обществѣ въ Калишѣ (основанъ въ 1910 году): настоятельница—1, сестеръ—3, капелланъ—1, духовниковъ—2; 4. Домъ сестеръ милосердія св. Антонія Падеванскаго для дѣтей въ Калишѣ (основанъ въ 1902 г.): сестра—1; 5. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ Св. Духа въ Конинѣ (основанъ въ 1906 году): сестеръ—4; 6. Домъ Общества вспоможенія бѣднымъ въ Конинѣ (27 іюня 1909 года): сестеръ—3; 7. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ св. Троицы въ Петроковѣ (основанъ ксендзомъ Францискомъ Итнеромъ въ 1897 году); сестеръ—6; 8. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ св. Іосифа въ Сѣрадзѣ (основанъ въ 1878 году): сестеръ—4; 9. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ Всѣхъ Святыхъ въ Велюни (основанъ въ 1898 году): се-

ней своей жизни римско-католическіе монастыри управляются правилами и уставами своей церкви; внѣшнее же ихъ устройство и управленіе точно урегулировано гражданскими законами.

По законамъ Россійской Имперіи, всѣ римско-католическіе монастыри въ западномъ краѣ раздѣляются на штатные и нештатные, а въ имперіи штатные монастыри под-
 стеръ—5; 10. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ св. Павла въ Турекѣ: сестеръ—3; 11. Домъ сестеръ милосердія при больницѣ св. Антона во Влоцлавскѣ (основанъ въ 1877 году): настоятельница—1, сестеръ—5, капелланъ—1, духовникъ—1; 12. Домъ сестеръ милосердія для паралитиковъ въ Ченстоховѣ: сестеръ—3; 13. Домъ сестеръ милосердія св. Казимира для дѣтей въ Ченстоховѣ: настоятельница—1, сестеръ—5, капелланъ—1.—г., *Въ варшавской архіепископствѣ*: 1. штатный мужской капуцинскій монастырь въ Новомъ Мѣстѣ: настоятель—1, отцовъ—0; 2. женскій монастырь ордена визитокъ въ Варшавѣ: настоятельница—1, помощница настоятельницы—1, сестеръ—9, капелланъ—1; 3. женскій монастырь ордена сакраментокъ въ Варшавѣ: настоятельница—1, помощница настоятельницы—1, сестеръ—11, капелланъ—1; 4. конгрегация непокалянокъ въ приходѣ Шимановѣ: настоятельница—1, сестеръ—10, сестеръ 2-го разряда—14. Дома сестеръ милосердія: 1. главный домъ сестеръ милосердія подъ названіемъ св. Казимира (въ Варшавѣ по ул. Тамкѣ): настоятельница—1, сестеръ—59; 2. домъ сестеръ милосердія при больницѣ Младенца Іисуса: сестеръ—58; 3. при воспитательномъ домѣ (на ул. Старышкевича): сестеръ—24; 4. при больницѣ Св. Духа (на Электоральной ул.): сестеръ—21; 5. при больницѣ св. Роха (Краковское предмѣстье): сестеръ—10; 6. при офтальмическомъ институтѣ (Смольная ул.): сестеръ—7; 7. при дѣтской больницѣ (ул. Коперника): сестеръ—11; 8. при больницѣ въ Предмѣстьѣ Прагѣ: сестеръ—22; 9. при больницѣ по Вольской ул.: сестеръ—9; 10. при больницѣ св. Станислава (за Вольскою заставою): сестеръ—18; 11. при Запасной больницѣ (на Золотой ул.): сестеръ—8; 12. при больницѣ св. Іоанна Божьяго (на Бонифратской ул.): сестеръ—8; 13. при больницѣ по Спокойной улицѣ: сестеръ—5; 14. при институтѣ дѣтской гигиены: сестеръ—3 (на Литовской ул.); 15. домъ милосердія св. Викентія а Пауло (на Ординацкой ул.): сестеръ—6; 16. домъ милосердія св. Людовика (на ул. Новолипки): сестеръ—7; 17. при пріютѣ святого Станислава Костки (на Дзельной ул.): сестеръ—5; 18. при пріютѣ св. Франциска Салезія (ул. Солецъ): сестеръ—7; 19. при пріютѣ въ Краковскомъ Предмѣстьѣ: сестеръ—14; 20. при пріютѣ для сиротъ-дѣвицъ (на Раковецкой ул.): сестеръ—9; 21. при пріютѣ для сиротъ мальчиковъ (на ул. Фрета): сестеръ—15; 22. при пріютѣ Марки (въ деревнѣ Древница): сестеръ—2; 23. при пріютѣ и швальнѣ для дѣвочокъ (на Старой ул.): сестеръ—10; 24. при пріютѣ Цеглова (въ деревнѣ Игнацовѣ): сестеръ—4; 25. при пріютѣ „Бетанія“ для старыхъ женщинъ: сестеръ—2; 26. при пріютѣ и швальнѣ для дѣвочекъ (на ул. Лешон):

раздѣляются еще и на классы. Въ каждомъ изъ штатныхъ монастырей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ Варшавской архіепископіи полагается по штату 14 монашествующихъ лицъ, за исключеніемъ Ченстоховскаго монастыря ордена Паулиновъ, въ которомъ, по штату, полагается 24 монаха. Въ число штатныхъ монашествующихъ лицъ входятъ настоятели и настоятельницы монастырей и вся вообще

сестеръ—7; 27. при пріютѣ и швальнѣ для дѣвочекъ (на Липовой ул.): сестеръ—4; 28. при пріютѣ для бѣдныхъ дѣвочекъ въ Черняковѣ: сестеръ—3; 29. Гора Кальверія, при богадѣльнѣ: сестеръ—9; 30. въ Гроецѣ, при больницѣ св. Петра: сестеръ—3; 31. въ Кутнѣ, при больницѣ св. Валента: сестеръ—4; 32. въ Ловичѣ, при больницѣ св. Фаддея: сестеръ—4; 33. въ Ленчицѣ, при больницѣ св. Николая: сестеръ—3; 34. въ Мѣнѣ, при больницѣ св. Юзефа: сестеръ—5; 35. въ Орышевѣ, при дѣтскомъ пріютѣ: сестеръ—2; 36. въ Равѣ, при больницѣ Св. Духа: сестеръ—5; 37. въ Рудкѣ, при санаторіи для чахоточныхъ: сестеръ—4; 38. въ Скерневицахъ, при больницѣ св. Станислава: сестеръ—3; 39. въ Сохачевѣ, при больницѣ: сестеръ—3; 40. въ Творкахъ, при лѣчебницѣ для душевно больныхъ: сестеръ—15.—д., *Въ Сандомирской епархіи*: Монастырь ордена св. Франциска Ассизскаго, при костелѣ Екатерины Мученицы, у горы Лысица, въ приходѣ Бодзентынъ, для дѣвицъ—бернардинокъ: суперіорисса—1, сестеръ—10, капелланъ—духовникъ—1, экстраординарный духовникъ—1. Дома сестеръ милосердія: 1. домъ сестеръ милосердія св. Викентія и Паули, при больницѣ Св. Духа (костелъ того же названія) въ Сандомирѣ: настоятельница—1. сестеръ—6, духовникъ—1 и капелланъ—1; 2. домъ сестеръ милосердія св. Викентія и Паули въ деревнѣ Кобылянахъ, въ приходѣ Стржижовице: настоятельница—1, сестеръ—4, духовникъ—1 и капелланъ—1; 3. домъ сестеръ милосердія св. Викентія и Паули при больницѣ св. Казимира въ Радомѣ: настоятельница—1, сестеръ—7, духовникъ 1 и капелланъ—1; 4. при домѣ бѣдныхъ въ г. Радомѣ: настоятельница—1, сестеръ—4, духовникъ—1 и капелланъ—1; 5. при больницѣ въ г. Становѣ: сестеръ—3; 6. при больницѣ въ г. Апатовѣ: сестеръ—4; 7. при больницѣ въ г. Опочкѣ: настоятельница—1, сестеръ—2.—с. *Въ Плоцкой епархіи*: 1. штатный кармелитскій монастырь ордена св. Иліи въ дедовнѣ Оборы: настоятель—1, отцовъ—3, новиціевъ—3; 2. женскій фелиціанскій монастырь ордена св. Клары въ г. Праснышѣ: настоятельница—1, сестеръ—7, духовникъ штатный—1, сверхштатный—1 и капелланъ—1. Дома сестеръ милосердія: 1. при больницѣ Св. Троицы въ г. Плоцкѣ: суперіорисса—1, сестеръ—8, капелланъ—1; 2. при пріютѣ для дѣтей св. Станислава Костки; сестеръ—3; 3. при пріютѣ для дѣтей Плоцкаго благотворительнаго общества: сестеръ—2; 4. при пріютѣ для мальчиковъ въ Плоцкѣ: сестеръ—2; 5. при больницѣ св. Викентія въ Пултускѣ: суперіорисса—1, сестеръ—4; 6. при госпиталѣ св. Іосифа въ г. Остроленкѣ: суперіорисса—1, сестеръ—2; 7. при госпиталѣ св. Станислава Костки въ г. Праснышѣ: сестеръ—3; 8. при госпиталѣ св.

монашествующая братія. Въ частности число монашествующихъ лицъ въ каждой обители опредѣляется посредствомъ точной переписи. Составленные по такой переписи списки полагаются въ основаніе для всѣхъ расчетовъ при назначеніи и выдачѣ содержанія монашествующимъ и для другихъ распоряженій, могущихъ касаться тѣхъ или другихъ монастырей. Переводъ монашествующихъ лицъ изъ штат-

Иоанна Хризостома (Златоуста) въ Липнѣ: сестеръ—3; 9. при госпиталѣ св. Войсеха въ г. Млавѣ: сестеръ—3.—ж., *Въ Тельшевской епархіи*: 1. Кретингенскій бернардинскій мужской монастырь (каменный, построенъ въ 1610 году литовскимъ гетманомъ, виленскимъ воеводою, графомъ Іоанномъ Карловичемъ Ходкевичемъ): настоятель—1, отцовъ—2, бѣльцовъ—2, инвалидовъ—3; ковенскій первоклассный дѣвичій бенедиктинскій монастырь: настоятельница—1, сестеръ—14, послушницъ—2, духовникъ—1; 3. крокскій второклассный дѣвичій монастырь екатеринокъ (деревянный, построенъ въ 1615 году самогитскимъ епископомъ Тышкевичемъ): настоятельница—1, монахинь—8, духовникъ—1.—3., *Въ Житомирской епархіи*: Изяславскій бернардинскій мужской монастырь: настоятель—1, монахъ—1 и послушникъ—1; но въ немъ проживаютъ обыкновенно епитимійные ксендзы; кромѣ того, къ нему причислено 8 іеромонаховъ, не имѣющихъ монастырей своего ордена и пребывающихъ въ разныхъ мѣстахъ епархіи: францисканскаго ордена—2, реформатскаго ордена—1 и капуцинскаго ордена—5.—и., *Въ Августовской епархіи*: женскій бенедиктинскій монастырь въ г. Ломжѣ (построенъ изъ дерева и кирпича въ 1764 году, перестроенъ въ 1853 году костель во имя Св. Троицы, каменный, сооруженъ въ 1863 году): настоятельница—1, сестеръ—11. Обители (дома) сестеръ милосердія: 1. при больницѣ Св. Духа въ Ломжѣ: настоятельница—1, сестеръ—3; 2. при пріютѣ старцевъ въ Ломжѣ: настоятельница—1, сестеръ—2, капелланъ—1; 3. при больницѣ св. Станислава въ Щучинѣ: настоятельница—1, сестеръ—3; 4. при сиротскомъ домѣ въ Щучинѣ: сестеръ—2. *Въ Кълецкой епархіи*: дѣвичій монастырь ордена норбертанокъ, въ приходѣ села Имбрамовице, олькутскаго деканата: настоятельница—1, сестеръ—9, капелланъ—1, духовный отецъ—1 и экстраординарный духовный отецъ—1. Обители сестеръ милосердія по правиламъ св. Викентія Паольскаго: 1. при больницѣ св. Александра въ г. Кѣльцахъ: настоятельница—1, сестеръ—10; 2. при домѣ ксендзовъ—эмеритовъ: сестеръ—2; 3. при больницѣ въ селеніи и приходѣ Курозвенки Стопницкаго деканата: настоятельница—1, сестеръ—5, капелланъ—1; 4. при больницѣ въ селеніи Погонь Бендинскаго деканата: настоятельница—1; сестеръ—4, капелланъ—1; 5. при больницѣ въ Домбровѣ: настоятельница—1, сестеръ—3, капелланъ—1, 6. при больницѣ св. Анны въ г. Мѣховѣ: настоятельница—1, сестеръ—6; 7. при больницѣ святаго Блазія въ Олькупшѣ: настоятельница—1, сестеръ—4; 8. при больницѣ въ Челядзи: настоятельница—1, сестеръ—3; 9. при больницѣ въ Пинчовѣ: настоятельница—1, сестеръ—2.

ныхъ обителѣй въ нештатные русскими законами безусловно воспрещенъ. До 26-го декабря 1905 года въ отношеніи римско-католическихъ монастырей царства польскаго дѣйствовалъ слѣдующій законъ, изданный въ 1864 году и повторенный въ 1870 году; „Какъ скоро въ какомъ-либо изъ нештатныхъ монастырей число монашествующихъ лицъ, вслѣдствіе постепенной убыли, уменьшится до семи чело-вѣкъ, такой монастырь упраздняется, а монашествующіе размѣщаются, въ предѣлахъ губерній царства польскаго, въ прочіе монастыри того же ордена. При избраніи для этого монастырей, тщательно принимаются въ соображеніе ихъ мѣстное положеніе, удобства къ помѣщенію вновь прибывающихъ лицъ и самыя средства къ приличному ихъ содержанію. Если-бы, по какимъ-либо причинамъ, оказалось совершенно невозможнымъ перевести монаховъ упраздняемыхъ и закрываемыхъ монастырей въ другіе монастыри того же самаго ордена, то разрѣшается размѣстить ихъ по монастырямъ прочихъ орденовъ“. При этомъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право, по соглашенію съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ закрывать даже и штатные римско-католическіе монастыри въ тѣхъ случаяхъ, если въ монастырѣ останется меньше восьми монаховъ или же если будетъ предстоять необходимость—обратить зданія монастыря въ какія-либо общепользныя учрежденія. Теперь этотъ законъ отмѣненъ,—и существованіе католическихъ монастырей такимъ образомъ не зависитъ ни отъ числа монашествующихъ въ нихъ лицъ, ни отъ министерскаго усмотрѣнія. И въ настоящее время, дѣйствительно, есть такіе католическіе монастыри, въ которыхъ весь наличный штатъ состоитъ только изъ одного монаха. Впрочемъ, и по дѣйствующему нынѣ закону въ царствѣ польскомъ, если въ какомъ-либо изъ штатныхъ монастырей, вслѣдствіе убыли монашествующихъ, откроется штатная вакансія прежде, чѣмъ будутъ упразднены всѣ нештатные монастыри, то вакансія эта замѣщается переводомъ на нее монашествующаго лица изъ монастыря нештатнаго.

Въ число монашествующихъ въ римско-католическіе монастыри въ имперіи могутъ поступать лица всѣхъ состояній, принадлежація къ римско-католическому исповѣданію, для чего они обязаны предварительно обратиться къ своему

начальству съ просьбою о засвидѣтельствovanіи того, что они не состоятъ ни подѣ судомъ, ни подѣ уголовнымъ слѣдствіемъ. Губернское начальство, произведя надлежащее дознаніе, сообщаетъ полученныя имъ свѣдѣнія по этому дѣлу католическому епархіальному ординарію для представленія въ римско-католическую духовную коллегію вмѣстѣ съ поступившею просьбою о принятіи въ монастырь и метрическимъ свидѣтельствомъ о рожденіи просителя или просительницы. Коллегія представляетъ это прошеніе съ своимъ заключеніемъ на окончательное разрѣшеніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ. При этомъ закономъ трѣбуется, чтобы желающій вступить въ монашество имѣлъ не менѣе 19-ти лѣтъ отъ роду и три года пробылъ въ монастырѣ на испытаніи или искусь, въ качествѣ новиція. Только по истеченіи этого срока искуса, онъ можетъ быть допущенъ къ произнесенію торжественныхъ обѣтовъ (*solemnia vota*), достигнувъ уже 22-лѣтняго возраста и получивъ первое высшее, т. е., субдіаконское, посвященіе. Во время искуса могутъ быть произносимы только простые монашескіе обѣты (*simplicia vota*).

Нѣсколько иной порядокъ установленъ русскимъ законодателемъ для пріема желающихъ поступить въ монастыри царства польскаго. Здѣсь могутъ вступать въ число регуляровъ римско-католическихъ монастырей только коренные жители губерній царства польскаго, принадлежащіе къ католическому исповѣданію, безъ различія состояній, но также съ разрѣшенія гражданской власти и согласія мѣстнаго епархіальнаго начальства, наблюдающихъ тщательно за тѣмъ, чтобы поведеніе лица, желающаго принять монашество, соотвѣтствовало важности духовнаго сана, и чтобы ко вступленію въ монашество также не было никакихъ, по установленіямъ церкви или по гражданскому закону, препятствій. Какъ и въ имперіи, желающій вступить въ монастырь предварительно обращается о томъ съ просьбой къ губернатору, въ вѣдѣніи котораго состоитъ этотъ монастырь, при чемъ представляетъ и свое метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи. По принятіи прошенія, губернаторъ собираетъ по нему надлежащія свѣдѣнія и удостовѣренія въ томъ 1) что проситель не обвиняется ни въ какихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, 2) что онъ не связанъ

брачными узами, 3) что вступленію его въ монастырь не можетъ препятствовать воинская повинность, 4) что онъ имѣеть не менѣе 24 лѣтъъ отъ роду. Собравъ эти свѣдѣнія, губернаторъ по содержанію прошенія постановляетъ свое заключеніе и представляетъ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ, прилагая при немъ свидѣтельство о рожденіи и крещеніи просителя, а равно и свѣдѣнія о наличномъ числѣ монаховъ и новиціевъ въ томъ монастырѣ, въ который проситель желаетъ поступить. Получивъ представленіе губернатора и удостовѣрившись въ отсутствіи препятствій, со стороны гражданской власти, ко вступленію просителя или просительницы въ монастырь, министерство внутреннихъ дѣлъ сносятся съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ и испрашиваетъ формальное удостовѣреніе его въ томъ, что съ духовной стороны также не встрѣчается препятствій къ принятію въ монастырь новаго послушника или послушницы. По полученіи этого удостовѣренія, министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшаетъ просителю вступить въ монастырь и сообщаетъ объ этомъ епархіальному епископу и губернатору съ просьбою наблюдать, чтобы торжественныя обѣты (*vota solemnia*) не были произносимы вступающими въ монастырь раньше достиженія ими 30-лѣтняго возраста. Обыкновенно же торжественныя обѣты произносятся принимающими монашество въ царствѣ польскомъ не иначе, какъ въ присутствіи лицъ, отряжаемыхъ духовнымъ начальствомъ, и двухъ депутатовъ, назначаемыхъ губернаторомъ, въ качествѣ свидѣтелей со стороны духовнаго и гражданского начальствъ.

Пріемъ новиціевъ въ нештатные монастыри русскими законами безусловно воспрещенъ какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ польскомъ, а въ штатные допускается лишь по совершенномъ упраздненіи всѣхъ нештатныхъ обителей того же ордена. Въ каждомъ монастырѣ обязательно должна быть заведена шнуровая книга, за печатью консисторіи и скрѣпою одного изъ членовъ ея и секретаря. Въ нее записываются всѣ принимаемые въ монастырь и въ повиціатъ, съ означеніемъ даты министерскаго разрѣшенія на поступленіе въ монастырь; въ ней же отмѣчаются въ хронологическомъ порядкѣ отлучки монаховъ изъ монастыря, увольненія и исключенія ихъ, командировки, занимаемыя ими

въ монастырѣ должности и т. п. Эта книга должна быть ведена съ такою исправностію, точностію и аккуратностію, какъ и приходо-расходныя книги монастырскихъ суммъ. Въмѣстѣ въ этомъ монастырскимъ властямъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность доставлять мѣстной полиціи подлинныя документы о личности всѣхъ вновь принимаемыхъ въ монастырь для ихъ разсмотрѣнія и засвидѣтельствованія. Наблюденіе за законностію и порядкомъ приѣма въ монастыри принимающихъ монашество закономъ возлагается на епархіальное начальство, а еще болѣе и непосредственно на монастырскихъ визитаторовъ. Если визитаторы, при посѣщеніи монастыря, откроютъ, что въ зданіяхъ его, въ новиціатѣ или при другихъ учрежденіяхъ его, проживаютъ лица, принятыя въ монастырь съ нарушеніемъ предписаннаго закономъ порядка или безъ надлежащей осмотрительности, они обязаны безъ замедленія сообщить объ этомъ своему епархіальному епископу или его замѣстителю, а епископъ объ оказавшемся, по его изслѣдованію, долженъ довести до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ. Но если само епархіальное начальство стало бы покрывать или умалчивать о бывшемъ въ его монастырѣ нарушеніи требованій закона, то о поведеніи его сообщается духовной коллегіи на ея усмотрѣніе и заключеніе.

Принадлежность къ монашескому званію доказывается: а) даннѣмъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніемъ о принятіи просителя или просительницы въ монастырь, б) монастырскими книгами, въ которые должны быть записываемы всѣ принимаемые въ монастырь монахи и новиціи съ указаніемъ числа и № министерскаго разрѣшенія объ ихъ принятіи и в) законными свидѣтельствами, выдаваемыми отъ монастырскихъ начальствъ.

Монашествующіе обоюга пола, отрекшисъ отъ міра и давъ обѣтъ совершенной нищеты, и по русскимъ законамъ, уже не могутъ, по постриженіи, владѣть недвижимымъ имѣніемъ. Поэтому поступающіе въ какой бы то ни былъ изъ римско-католическихъ монастырей, еще до произнесенія торжественнаго обѣта, т. е., немедленно по окончаніи искуса, должны распорядиться, на законномъ основаніи, принадлежащимъ имъ имуществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отречься отъ всякаго вообще имѣнія, которое можетъ перейти къ

нимъ по наслѣдству въ будущемъ. Этимъ отреченіемъ поступающій въ монастырь не лишается, впрочемъ, права требовать объ отдѣленіи ему для вклада въ монастырь или для другого какого либо, по его волѣ, назначенія девятой доли съ приходящагося на его часть имущества послѣ родителей, съ обращеніемъ его въ деньги, если только наслѣдство этого имущества открылось раньше произнесенія имъ торжественнаго обѣта. Но если принимающій монашество до произнесенія обѣта не распорядился, на законномъ основаніи, отчужденіемъ принадлежащаго ему недвижимаго имущества, то оно переходитъ уже къ его законнымъ наслѣдникамъ. По смерти монаховъ ихъ наслѣдники не могутъ требовать ни вкладовъ ихъ въ пользу монастыря, ни другого оставшагося послѣ нихъ движимаго имущества—все оно остается въ собственность монастыря, въ которомъ подвизался умершій. Иначе русскій законодатель смотритъ на вклады монахинь. По его требованію, при поступленіи въ монастырь лицъ женскаго пола, ихъ вклады или такъ называемыя „приданныя деньги“ должны быть вносимы въ государственныя кредитныя установленія, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію епархіальнаго начальника, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы поступали въ пользу монастыря во все продолженіе жизни монахини, а послѣ ея смерти удостовѣренные надлежащимъ образомъ какъ капиталъ, такъ и выросшіе съ того времени проценты отдаются ей законнымъ наслѣдникамъ, и только тогда, когда въ назначенный закономъ срокъ наслѣдники не явятся, деньги поступаютъ въ собственность монастыря.

На содержаніе cadaго штатнаго монастыря и положенныхъ въ немъ, по штату, четырнадцати монаховъ изъ казны ежегодно отпускается по тысячѣ семисотъ пятидесяти рублей. На Ченстоховскій же монастырь, въ которомъ, по штату, можетъ быть двадцать четыре монаха, ежегодно отпускается изъ государственнаго казначейства три тысячи рублей. Въ 1864—1867 г. г. былъ изданъ законъ слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ вслѣдствіе упраздненія и закрытія нѣкоторыхъ обителей, многія монашествующія лица переведены въ монастыри штатныя, такъ что число дѣйствительно проживающихъ въ нихъ монашествующихъ лицъ временно превосходитъ то число, которое для этихъ

обителѣй полагаются по штату, то сверхъ указанной суммы казна ежегодно отпускаетъ на содержаніе такихъ сверхштатныхъ монаховъ или монахинь денежное пособіе до сорока рублей, при чемъ изъ этого общаго правила не исключаются и монахи такъ называемыхъ нищенствующихъ орденовъ. Съ постепеннымъ уменьшеніемъ таковыхъ сверхштатныхъ въ штатныхъ обителѣяхъ монаховъ и монахинь уменьшается въ той же соразмѣрности и указанное дополнительное штатнымъ монастырямъ пособіе“. Законъ этотъ формально еще не отмѣненъ, но практическаго примѣненія онъ въ настоящее время уже не имѣетъ, такъ какъ ни въ одномъ изъ существующихъ нынѣ монастырей нѣтъ даже и штатнаго числа монашествующихъ. Но зато дѣйствуетъ законъ, по которому если въ какомъ-либо изъ штатныхъ монастырей не оказывается въ дѣйствительности полного числа монашествующихъ лицъ, положенныхъ въ немъ по штату, то отпускаемая изъ казны на такой монастырь ежегодная сумма уменьшается на сто рублей на каждое недостающее лицо, пока не замѣщается свободная вакансія. Для обезпеченія тѣхъ монаховъ и монахинь, которые подвизаются въ нештатныхъ монастыряхъ, отпускается ежегодно на каждое лицо по сорока рублей. Кромѣ этого, если окажется нужнымъ, министерство внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право назначать въ пользу нештатныхъ монастырей, еще и дополнительное отъ казны пособіе, которое однако же, въ общей сложности на всѣ такіе монастыри, не должно превышать каждый годъ суммы, равняющейся тысячѣ рублей, помноженной на число наличныхъ въ томъ году нештатныхъ монастырей.

Всѣ суммы, выдаваемые на содержаніе римско-католическихъ монастырей и монашествующихъ лицъ, отпускаются изъ доходовъ съ бывшихъ монастырскихъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ. Выдаются онѣ по третямъ года впередъ, въ первыхъ числахъ каждой трети, изъ ближайшихъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ, подъ росписки монастырскихъ настоятелей, по числу лицъ, состоящихъ въ монастырѣ, на основаніи подробныхъ распоряженій департамента духовныхъ дѣлъ и приложенныхъ къ нимъ именныхъ списковъ монашествующихъ. Но такъ такъ въ этихъ спискахъ должно быть показываемо число

лицъ, состоявшихъ въ монастырѣ въ дѣйствительности въ продолженіи истекшей трети, а между тѣмъ послѣ изданія такихъ распоряженій и до дѣйствительной выдачи денегъ наличное число монашествующихъ можетъ уменьшиться, то казначейства обязаны отпускать слѣдующую сумму по прилагаемымъ къ роспискамъ настоятеля или настоятельницы монастыря именованнымъ спискамъ монашествующихъ лицъ, дѣйствительно состоящихъ въ монастырѣ и имѣющихъ право на полученіе содержанія. Эти списки составляются монастырскими настоятелями и должны быть засвидѣтельствованы мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ предъ самымъ отпускомъ слѣдующей суммы. Кромѣ пособія отъ казны, въ пользу каждаго монастыря, какъ штатнаго, такъ и нештатнаго, обращается сполна доходъ отъ такъ называемыхъ *jura stolae* (плата за требоисправленія). Доходъ этотъ употребляется на покрытіе расходовъ по отправленію богослуженій и содержанію монастырскаго храма и зданій.

Всѣ мужскіе и женскіе римско-католическіе монастыри, какого бы ордена они ни были, въ Россіи состоятъ подъ главнымъ надзоромъ и въ вѣдѣніи епархіальнаго архіепископа или епископовъ какъ въ отношеніи личности монашествующихъ, такъ и по управленію принадлежащими монастырямъ имуществами. На этомъ основаніи всѣ монастырскія власти вполнѣ подчиняются своему епархіальному начальнику. Назначеніе монашествующихъ на службы въ пользу церкви или для блага общественнаго, равно какъ и другія распоряженія, относящіяся къ мужскимъ и женскимъ монастырямъ, также зависятъ отъ мѣстнаго епархіальнаго начальника, дѣйствующаго согласно съ католическими правилами римско-католической церкви и безъ нарушенія законовъ и постановленій гражданской власти. Поэтому всѣ монахи и монахини, безъ исключенія, обязаны ему подчиняться и имѣть къ нему должное уваженіе. Еще въ 1864 году былъ изданъ законъ, по которому всякая зависимость монастырей и монашествующихъ лицъ римской церкви отъ орденскихъ генераловъ и другихъ орденскихъ властей, гдѣ бы они ни проживали, — въ царствѣ Польскомъ или внѣ его, — отмѣнена, и воспрещены всякія сношенія съ ними монашествующему духовенству. Равнымъ образомъ упразднены орденскіе монашескіе провинціалы, монастыр-

скіе капитулы и всѣ другія должности — дефиниторовъ, кустошей и т. п. Въ Россіи мужскіе и женскіе католическіе монастыри управляются по ихъ правиламъ и уставамъ, насколько однако же послѣдніе не противорѣчатъ общимъ государственнымъ законамъ, постановленіямъ и распоряженіямъ. Епархіальный начальникъ имѣетъ право посѣщать и обозрѣвать въ своей епархіи всѣ монастыри такъ же, какъ и церкви, во всякое время лично или поручая это дѣло какому-либо довѣренному лицу. Для болѣе близкаго завѣдыванія и наблюденія надъ всѣми епархіальными монастырями епархіальному начальнику предоставлено право избирать благочинныхъ или визитаторовъ, по одному на каждую епархію, изъ достойнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ лицъ *блага* духовенства, безъ опредѣленія срока ихъ службы. Утвержденіе же монастырскихъ визитаторовъ въ должностяхъ производится въ имперіи — министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ Польшѣ — генераль-губернаторомъ. Каждый монастырскій визитаторъ, по должности своей, обязательно состоитъ членомъ епархіальной консисторіи и участвуетъ во всѣхъ ея засѣданіяхъ съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, поступающимъ на разсмотрѣніе консисторіи. Находясь въ вѣдѣніи епископа, онъ непосредственно завѣдываетъ всѣми монастырями въ епархіи, какъ мужскими, такъ и женскими, безъ различія орденовъ, наблюдая, чтобы монашествующими лицами не были нарушаемы монастырскіе уставы, гражданскіе законы и правительственныя распоряженія. Въ случаѣ же обнаруженія нарушеній закона онъ самъ обязанъ принять немедленно надлежащія мѣры къ ихъ пресѣченію и затѣмъ донести о томъ епархіальному начальству, которое, въ свою очередь, безъ замедленія, должно сообщить министру внутреннихъ дѣлъ какъ о бывшихъ безпорядкахъ, такъ и о принятыхъ къ прекращенію ихъ мѣрахъ. Визитаторъ обязанъ составлять каждый разъ, по обозрѣніи того или другого монастыря, визитаціонную опись ясно и обстоятельно, означая въ ней служеніе каждаго монашествующаго лица, по его званію, особою статьею, состояніе каждой церкви, монастыря, его строеній и имущества, прихода и расхода денежныхъ суммъ, не упуская ничего заслуживающаго вниманія. Одинъ экземпляръ такого акта долженъ быть оставляемъ въ монастырскомъ ар-

хивѣ, другой — отсылается епархіальному начальнику, который, по повѣркѣ, представляетъ его, при своемъ отзывѣ о состояніи монастыря, въ духовную коллегію. Монастырскій визитаторъ—въ царствѣ Польскомъ—каждый годъ, а въ имперіи—по истеченіи пяти лѣтъ—къ назначенному министерствомъ сроку и по установленной формѣ составляетъ общую визитаціонную опись, ясно и обстоятельно означая въ ней по каждому монастырю особо, происшедшія въ личномъ составѣ его измѣненія, наличный къ новому году составъ монастыря, служебныя обязанности каждаго лица, состояніе монастыря, его церквей, строеній и имущества, приходъ и расходъ денежныхъ суммъ и т. п. Одинъ экземпляръ такого акта представляется епархіальному начальнику, который, по повѣркѣ, сообщаетъ его, при своемъ отзывѣ о положеніи монастырей епархіи, министерству внутреннихъ дѣлъ. Такую же опись визитаторъ долженъ составлять каждый разъ и при смѣнѣ монастырскихъ настоятелей. Вообще же визитаторъ есть ближайшій посредникъ между епархіальнымъ начальствомъ и монашествующими. Всѣ дѣла, касающіяся монастырей, чрезъ визитатора восходятъ на усмотрѣніе епархіальнаго начальства, равно и всѣ распоряженія начальства, относящіяся къ монастырскому управленію, чрезъ него передаются монастырямъ. Онъ ведетъ подробные списки всѣмъ монашествующимъ лицамъ въ епархіи и наблюдаетъ какъ за строгимъ исполненіемъ правилъ о новиціатѣ, такъ и за тѣмъ, чтобы вакантныя мѣста въ штатныхъ монастыряхъ пополнялись только указаннымъ въ законѣ порядкомъ. Визитаторы получаютъ изъ государственнаго казначейства жалованье въ размѣрѣ четырехсотъ рублей. Кромѣ того, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право опредѣлять визитаторамъ размѣръ разъѣздныхъ денегъ, отпускаемыхъ изъ того же источника. Жалованье свое, вмѣстѣ съ разъѣздными деньгами, монастырскіе визитаторы получаютъ, по истеченіи каждой трети года, изъ ближайшаго къ мѣсту ихъ жительства губернскаго или уѣзднаго казначейства, подъ росписки, засвидѣтельствованныя губернаторами или уѣздными начальниками.

Непосредственное управленіе каждымъ монастыремъ ввѣряется лицу, избираемому епископомъ и утверждаемому—въ имперіи и Холмской епархіи—министромъ внутрен-

нихъ дѣлъ, а въ царствѣ Польскомъ—варшавскимъ генераль-губернаторомъ. Это лицо въ мужскихъ монастыряхъ называется настоятелемъ, а въ женскихъ—настоятельницею. Въ царствѣ Польскомъ настоятели и настоятельницы монастырей назначаются безъ срока, а въ имперіи—только на три года. Они суть ближайшіе блюстители внутренняго порядка и церковной дисциплины въ монастыряхъ. Управляя монастырями по правиламъ своей церкви и въ согласіи съ гражданскими законами, они содержатъ въ надлежащемъ послушаніи и повиновеніи всѣхъ монашествующихъ; но употребленіе для этого тѣлесныхъ наказаній воспрещается. Въ помощь настоятелю или суперіору могутъ быть назначаемы помощникъ или викарій и прокураторъ, а настоятельница—помощница, которые избираются епархіальнымъ начальствомъ изъ среды монашествующихъ, при чемъ должны быть принимаемы во вниманіе лѣта, поведеніе и заслуги избираемыхъ.

Настоятели и настоятельницы римско-католическихъ монастырей въ Россіи, по требованію русскаго законодателя, совершенно согласному съ католическою каноникою, завѣдываютъ и распоряжаются монастырскими доходами и имуществами подъ главнымъ надзоромъ епархіальнаго начальства; а потому, съ его вѣдома, при вступленіи въ управленіе монастырями, принявъ движимое и недвижимое имущество по описи, они обязаны донести ему объ этомъ, вмѣстѣ съ своими соображеніями о дальнѣйшемъ управленіи всею монастырскою жизнію. По управленію хозяйственными дѣлами монастырей имъ содѣйствуютъ ихъ помощники и помощницы, которые также обязаны смотрѣть за тѣмъ, чтобы монастырскіе доходы были употребляемы только на самыя нужныя и законныя потребности. Для храненія монастырскихъ суммъ, для записыванія ихъ въ приходо-расходныя книги и вообще для соблюденія порядка въ употребленіи монастырскихъ денегъ монашествующимъ разрѣшается избирать изъ своей среды чрезъ каждые три года особое довѣренное лицо. Деньги, отпускаемыя на содержаніе монастырей изъ казны, настоятели и настоятельницы распредѣляютъ между монашествующими по своему усмотрѣнію, обращая часть ихъ на поддержаніе и исправленіе монастырскихъ строеній и церквей. Если бы какой-либо настоятель

не вписалъ въ шнуровую книгу всѣхъ, принятыхъ имъ, церковныхъ или монастырскихъ доходовъ или растратилъ ихъ не на нужды монастыря и братіи, то монастырскій прокураторъ обязанъ немедленно донести объ этомъ визитатору или епархіальному начальству. Каждый монастырскій настоятель и каждая монастырская настоятельница, при увольненіи ихъ отъ должности, сдаютъ назначеннымъ на мѣсто ихъ лицамъ, по описи, вмѣстѣ съ отчетомъ по приходу и расходу монастырскихъ суммъ, также монастырскія и церковныя вещи всякаго рода, архивъ и бібліотеку, подъ наблюдениемъ ближайшаго духовнаго начальства.

Что касается внутренней жизни римско-католическихъ монастырей въ Россіи, то въ отношеніи къ монастырямъ, находящимся въ имперіи, русскій законодатель совершенно довольствуется требованіями католической каноники. Онъ даже готовъ, по-видимому, допустить имъ и нѣкоторое послабленіе. Такъ, 88 статья т. XI св. зак. изд. 1896 гласитъ: „Въ случаѣ недостатка блага духовенства, въ должности приходскихъ священниковъ могутъ быть употребляемы и монашествующіе священнослужители. При семъ они обязаны сохранять приличные знаки монашеской одежды и наблюдать правила своего ордена, поколику сіе будетъ совмѣстно съ должностію приходского священника“. Такого дозволенія монашествующимъ католическая каноника, вѣрная постановленіямъ Тридентскаго собора, не даетъ. Никакихъ особыхъ требованій, лично относящихся къ монахамъ и монахинямъ въ обителяхъ имперіи, русскій законодатель не предъявляетъ. Иное отношеніе его къ монастырямъ царства Польскаго. Преступное и огульное участіе этихъ монастырей въ неоднократно бывшихъ польскихъ возстаніяхъ и бунтахъ, а также и въ революціонныхъ движеніяхъ вынудило его озаботиться тѣмъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ такое поведение ихъ въ будущемъ. Вотъ почему онъ и предъявляетъ къ нимъ, относительно ихъ внутренней жизни, особыя требованія.

Въ монастыряхъ царства Польскаго, по русскимъ законамъ не могутъ быть учреждаемы студіи, семинаріи, начальныя училища, пансіоны и другого рода учебныя заведенія, какъ мужскія, такъ и женскія. Далѣе. Не дозволяется мірскимъ ксендзамъ устраивать въ монастыряхъ

такъ называемыя реколлекціи („разсужденія о духовныхъ предметахъ“), конгрегаціи („сходки духовныхъ лицъ“) и другія подобныя собранія, безъ особеннаго на то разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ въ Польшѣ, по мнѣнію русскаго законодателя, католическіе монастыри и монашествующія въ нихъ лица вполнѣ обезпечиваются отпускаемымъ изъ государственнаго казначейства ежегоднымъ штатнымъ окладомъ и доходами, то собраніе монашествующими лицами милостыни или такъ называемой *квесты* въ отдаленныхъ отъ обители мѣстахъ, какъ отвлекающее монашествующихъ отъ благочестивыхъ упражненій въ обителяхъ и подающее поводъ къ злоупотребленіямъ и соблазнамъ, русскими законами воспрещено. Квеста допускается лишь въ стѣнахъ самой обители и въ томъ городѣ или въ предѣлахъ того сельскаго прихода, гдѣ находится обитель. Монастырское начальство заблаговременно извѣщаетъ мѣстную полицію о всѣхъ монастырскихъ праздникахъ и торжествахъ, по случаю которыхъ богомольцы стекаются въ обители съ благочестивою цѣлію, чтобы гражданская власть могла съ своей стороны принять надлежащія мѣры для охраненія полицейскаго порядка.

Монахи и монахини не могутъ быть переводимы изъ одной обители въ другую безъ предварительнаго испрошенія на это разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, которое въ подобныхъ случаяхъ собираетъ отъ губернскаго начальства подробныя свѣдѣнія о тѣхъ основаніяхъ, по какимъ признается нужнымъ перевести монаха или монахиню въ другую обитель. Монастырское начальство обязано немедленно увѣдомлять мѣстную гражданскую власть о всякой перемѣнѣ въ личномъ составѣ монастыря. Въ обителяхъ запрещается проживать кому бы то ни было, кромѣ а) монашествующихъ лицъ, дѣйствительно, принадлежащихъ къ обители и въ ней числящихся по оффиціальнымъ спискамъ, и б) людей совершенно необходимыхъ въ качествѣ монастырской прислуги. Но число монастырской прислуги для каждаго монастыря опредѣляется постоянными штатами, составляемыми епархіальнымъ начальствомъ и утверждаемыми губернаторами.

Настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей вмѣняется въ обязанность строжайше наблюдать, чтобы мона-

шествующія лица не дозволяли себѣ ничего противнаго дѣйствующимъ законамъ, постановленіямъ и распоряженіямъ правительственныхъ властей, и не принимали никакого, хотя бы и косвеннаго, участія въ дѣйствіяхъ, могущихъ нарушить порядокъ и общественное спокойствіе. Каждое монашествующее лицо обязано всегда имѣть при себѣ легитимационную (установленную закономъ порядкомъ) книжку съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ необходимыхъ о немъ свѣдѣній, по установленной формѣ. Порядокъ разрѣшенія монашествующимъ лицамъ временныхъ отлучекъ изъ монастыря, выдача имъ въ этихъ случаяхъ паспортовъ, пребывания въ монастырѣ постороннихъ лицъ и вообще наблюденія мѣстной полицейской власти за строгимъ исполненіемъ монашествующими лицами общихъ гражданскихъ законовъ и постановленій опредѣляется правилами и инструкціями, составляемыми и издаваемыми министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Отвѣтственность за точное соблюденіе этихъ правилъ возлагается въ особенности на визитаторовъ и настоятелей и настоятельницъ обителей. За нарушеніе ихъ монастырь можетъ быть подвергаемъ штрафу отъ трехъ до трехсотъ рублей, не иначе, впрочемъ, какъ по постановленію министерства внутреннихъ дѣлъ, состоявшемуся по заключенію мѣстнаго губернатора и по истребованію въ опредѣленный срокъ миѣнія епархіальнаго начальника. Опредѣленіе размѣра и постепенности такихъ денежныхъ взысканій, сообразно важности нарушенія правилъ, предоставляется министерству внутреннихъ дѣлъ. Взысканіе этихъ денежныхъ штрафовъ производится посредствомъ вычета ихъ изъ штатныхъ окладовъ и денежныхъ пособій, ежегодно выдаваемыхъ изъ казны въ пользу монастырей, съ обращеніемъ ихъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія для усиленія средствъ народныхъ училищъ. За болѣе важные проступки и преступленія, лично или сообща совершенные, монашествующія лица подвергаются уголовному суду.

Въ случаѣ учиненія въ монастырѣ какого либо преступленія или важнаго полицейскаго проступка, равно и въ случаѣ укрывательства въ немъ лицъ безъ надлежащихъ видовъ, мѣстное гражданское начальство и полиція входятъ въ монастырь, съ вѣдома, впрочемъ, настоятеля. Если окажется нужнымъ произвести въ стѣнахъ монастыря обыскъ

или дознаніе, то это дѣлается также съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ святынѣ и въ присутствіи начальствующихъ въ монастырѣ лицъ, которыя обязаны безотговорочно находиться при этомъ и способствовать къ открытію истины всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Наибольшую осторожность въ этихъ случаяхъ законъ предписываетъ соблюдать въ женскихъ обителяхъ. Жалобы на неправильныя дѣйствія гражданскихъ властей по надзору за монастырями приносятся министерству внутреннихъ дѣлъ, которому вообще предоставлено попеченіе и высшее наблюденіе за католическими монастырями. На мѣстахъ оно дѣйствуетъ чрезъ губернаторовъ и подчиненныхъ имъ гражданскихъ и полицейскихъ чиновъ. Въ губернскихъ же управленіяхъ ведутся подробные списки всѣмъ мужскимъ и женскимъ католическимъ монастырямъ, съ распредѣленіемъ ихъ на штатные и нештатные и съ указаніемъ средствъ, опредѣленныхъ на содержаніе каждаго изъ нихъ, размѣра приходовъ, гдѣ таковыя имѣются, и числа монашествующихъ лицъ. Губернаторы ежегодно представляютъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ точные и подробные отчеты о дѣйствительномъ положеніи монастырей съ своими по этому предмету соображеніями и заключеніями. О всѣхъ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ монашествующихъ губернаторы доносятъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ опредѣленные сроки, не дозволяя при томъ монашествующимъ ни малѣйшаго уклоненія отъ дѣйствующихъ правилъ безъ подлежащаго разрѣшенія.

Католики и ихъ друзья въ Европѣ и Россіи, враждебно настроенные къ послѣдней, обвиняютъ русское правительство въ чрезмѣрной строгости его надзора надъ католическими монастырями. Но изъ сказаннаго нами видно, насколько это обвиненіе и ложно, и тенденціозно. Съ этимъ долженъ согласиться каждый, кто способенъ безпристрастно судить о дѣлѣ. Русское правительство, конечно, вынуждено было принять мѣры, но—не противъ католическихъ монастырей, а противъ бунтарскихъ и революціонныхъ бандъ, въ которыя въ Польшѣ были обращены католическіе монастыри. Противъ монастырей *въ имперіи* такихъ мѣръ никогда не было предпринимаемо. Кромѣ того, легко видѣть, что правительственныя „строгія“ мѣры вовсе не касаются церковно-

религіозной жизни и *польскихъ* католическихъ монастырей, и что религіозная жизнь монаховъ и монашескіе подвиги могутъ свободно развиваться при существующихъ условіяхъ.—Истинный монахъ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій не боится: онъ ихъ самъ ищетъ.

Е. Церковь и государство.

I. Теорія или системы отношенія между церковію и государствомъ въ оцѣнкѣ католическихъ канонистовъ.

Существенный интересъ всей средневѣковой западно-европейской исторіи представляетъ то положеніе, какое съ удивительною энергіею стремилась занять римско-католическая церковь по отношенію къ государству, равно какъ и тѣ средства, какими она пользовалась при осуществленіи своихъ стремленій и, наконецъ, та форма, какую, дѣйствительно, приняло отношеніе римско-католической церкви къ тогдашнимъ западно-европейскимъ государствамъ. Римско-католическая церковь, какъ мы видѣли, не только олицетворена, но и поглощена папствомъ, и притомъ—въ такой степени, что не возможно даже говорить о ней отдѣльно отъ папства. Мы знаемъ, какого могущества и власти достигли папы Григорій VII Гильдебрандтъ (1073—1085), Иннокентій III (1198—1216) и Бонифацій VIII (1294—1303); но съ другой стороны извѣстно и то, что съ момента именно достиженія своего необычайнаго величія этими папами начался и тотъ прогрессивный параличъ, который привелъ современныхъ намъ папъ къ „ватиканскому узничеству“. Небезынтересенъ поэтому вопросъ: отказалось ли папство хотя теперь отъ той теоріи объ отношеніи церкви къ государству, которую оно выработало, защищало и въ значительной степени осуществило въ средніе вѣка?

Католическіе канонисты (Гиншіусъ Филлипсъ, Лянгентъ, Вальтеръ, Зильбернагель и др.) утверждаютъ, что объ отношеніи церкви къ *государству* вообще говорить нельзя, такъ какъ государство, какъ таковое, не существуетъ, а существуютъ только *государства*, что „государство вообще“ есть абстракція, съ которою въ философіи права можно дѣлать и дѣлали все, что кому угодно. Эмпирическое отношеніе

церкви къ государственной власти,—говорятъ католическіе канонисты,—опредѣляется духомъ, образованіемъ и условіями общественной жизни каждой эпохи, а потому оно и можетъ имѣть лишь историческій характеръ. Всѣ научныя теоріи по этому вопросу также въ большей или меньшей степени суть отраженія духа времени и потому принадлежатъ, собственно, исторіи и безотносительнаго значенія, сами по себѣ, не имѣютъ. Жизнь всегда идетъ своимъ чередомъ, а не по теоріямъ, и матеріалъ для теорій черпается изъ опыта, т. е., изъ пережитого и отошедшаго въ область исторіи. Въ виду этого католическіе канонисты, забывающіе, что исторія изъ прошлаго даетъ уроки будущему, находятъ, что можно говорить не объ отношеніи церкви къ государству, а только объ отношеніи ея къ *государствамъ* и при томъ—къ опредѣленнымъ, фактически существовавшимъ или существующимъ. „Церковь, появившись, есть институтъ нашего спасенія, установленный Христомъ для того, чтобы чрезъ ученіе и таинства ея всѣ люди могли быть участниками обѣтованій искупленія, изъ своего нравственнаго паденія возвысились до высоты христіанской жизни и жизнепониманія и чрезъ то удостоились стать членами непреходимаго царствія небснаго“. Эту миссію свою церковь выполняла и выполняетъ среди различныхъ народовъ, въ различныхъ царствахъ и при различныхъ условіяхъ; а потому, по мнѣнію католическихъ канонистовъ, рѣчь и можетъ быть только объ отношеніи церкви къ тѣмъ государствамъ, на которыя „она уже излила свое благословеніе“. Говорить же объ отношеніи церкви къ государству вообще (или абстрактно, по мнѣнію тѣхъ же канонистовъ, значить витать въ бесплодныхъ гаданіяхъ о будущемъ или играть схоластическими формулами.

Католическая логика для насъ понятна. Но мы должны добавить съ своей стороны, что представлять отношеніе между церковію и государствомъ только въ конкретной и индивидуалистической формѣ католическіе канонисты вынуждены и по другой причинѣ. Если они утверждаютъ, что государство, какъ таковое, не существуетъ, а существуютъ только государства, что государство вообще есть лишь абстракція и т. п., то съ такимъ же правомъ можно утверждать, что католическая церковь не существуетъ, что она

есть абстракція, ибо поглощена папствомъ, которое тоже есть абстракція, и что отношеніе даже къ государству устанавливается не церковію и не папствомъ, а только *папами*. Такъ какъ каждый папа, по католическимъ канонамъ, можетъ отмѣнять и измѣнять конституціи всѣхъ своихъ предшественниковъ и слѣдовать своей собственной „политикѣ“, то поэтому, при избраніи каждаго папы, и возбуждается понятный интересъ вопросомъ: въ какіе отношенія къ государствамъ поставить себя новоизбранный папа? Послѣ этого понятно, почему католическіе канонисты, признающіе справедливымъ въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи церкви къ государству идти по пути, указываемому исторіею, въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, не выдерживаютъ этого принципа и съ своей стороны также указываютъ тѣ общія теоретическія начала, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, должно основываться отношеніе между церковію и государствомъ вообще.

1. *Византійская система отношеній между церковію и государствомъ*. Мы согласны съ католическими канонистами въ томъ, что объ отношеніи церкви къ государству въ первые три вѣка ея существованія говорить не приходится. Римское языческое государство не признавало за церковію права даже на самое существованіе ея: оно преслѣдовало ее, какъ недозволенное закономъ общество, и стремилось къ совершенному ея уничтоженію. При такомъ положеніи церковь, конечно, не могла заявлять государству о своихъ правахъ: ей оставалось страдать и терпѣть. Въ иное положеніе стала церковь, когда римскіе императоры приняли христіанскую вѣру. Тогда—то появилась, а впоследствии была развита и детально разработана стройная система отношеній между церковію и государствомъ, извѣстная подъ именемъ *византійской*. Эта система однако-же не правится католическимъ канонистамъ, и они (Гиншіусъ, Вальтеръ, Филлипсъ и др.) говорятъ о ней слѣдующее: „Принявъ христіанскую вѣру, императоры съ ревностію и усердіемъ ко славѣ Божіей объявили себя сначала защитниками ея, и сами папы часто, во имя императорскаго авторитета, требовали сохраненія въ церкви единенія и порядка. Религіозныя дѣла были причислены къ важнѣйшимъ дѣламъ государственнымъ. Явилось мудрое и для всѣхъ вре-

менъ цѣнное ученіе о двухъ властяхъ, которые должны управлять міровою жизнію и поддерживать взаимно одна другую для блага человѣчества, одна—молитвою, другая—вѣрою и преданностію. Но въ послѣдствіи, руководясь этимъ ученіемъ, а еще вѣрнѣе—по искуссительному стремленію къ многовластію, восточные императоры все глубже вторгались въ церковное законодательство и управленіе, а послѣ того какъ прекратилось противодѣйствіе, которое еще стойко оказывали имъ, для спасенія церковной свободы, только одни папы (?), особенно послѣ схизмы, тамъ церковь, какъ и все остальное (?), впало въ оковы въ высшей степени утонченнаго, но оцѣпенѣлаго въ своихъ формахъ, правительственнаго механизма. Этому тяжелому состоянію положило конецъ лишь завоеваніе Константинополя турками (1453)“.

Изъ сказаннаго видно, что католическіе канонисты не довольны, собственно, не византійскою системою отношеній между церковію и государствомъ, которую они сами называютъ „мудрою“ и „навсегда цѣнною“, а лишь нарушеніемъ ея со стороны императоровъ, т. е., начальственными злоупотребленіями. Но католическіе канонисты забываютъ, что рѣчь идетъ о системѣ, о правѣ и законѣ, а не о злоупотребленіяхъ ими: злоупотребленія возможны всегда и вездѣ, и они будутъ всегда только исключеніями, хотя часто и прискорбными. Въ частности мы согласны съ католическими канонистами, что нѣкоторые изъ византійскихъ императоровъ, какъ, напр., Левъ Исавръ или Константинъ Копронимъ, не отвергая основныхъ законовъ церковнаго управленія и не довольствуясь заботами о внѣшнихъ дѣлахъ церкви, дерзали высказывать притязанія и на вторженіе въ церковное законодательство, даже въ догматическое ученіе церкви. Но вѣдь были и другіе императоры, которые создали эту систему и иначе рассуждали о своемъ отношеніи къ церкви, напр., Константинъ Великій, отказавшійся добровольно отъ императорскаго права законодательствовать *по внѣшнимъ дѣламъ культа* въ пользу автономіи и не признававшій себя въ правѣ принимать аппеляціи на церковный судъ, Валентиніанъ I, признавшій торжественно полную независимость церкви и объявившій недозволительнымъ вмѣшательство государства и его законовъ въ дѣла церковнаго управленія,—Маркіанъ, Юстиніанъ и мн. др. Наиболѣе

полно и точно изложилъ „византійскую систему“ отношеній между церковію и государствомъ послѣдній императоръ изъ династіи Комненовъ Іоаннъ, при томъ—уже послѣ „схизмы“, т. е., послѣ отпаденія западной церкви отъ союза съ восточною. Но вотъ что онъ писалъ папѣ Григорію: „Во всемъ моемъ управленіи я призналъ двѣ вещи, какъ существенно отличныя одна отъ другой: первая есть духовная власть, которую Верховный Первосвященникъ міра, Царь міра, Христосъ, даровалъ святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ, какъ ненарушимое благо, посредствомъ котораго они, по божественному праву, обладаютъ властію вязать и разрѣшать всѣхъ людей; вторая же есть свѣтская власть, завѣдующая дѣлами временными и обладающая, по божественному установленію, одинаковымъ правомъ въ своей сферѣ, вслѣдствіе заповѣди Господа: кесарю воздадите кесарево. Обѣ эти власти, управляющія жизнью людей, отдѣльны и отличны одна отъ другой“. Въ подобномъ же духѣ у насъ, въ древней Руси, рассуждалъ преемникъ византійскихъ воззрѣній—царь Грозный; „я занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами, не толкуя церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего богомольца — митрополита“.

Напрасно католическіе канонисты утверждаютъ, будто бы только одни папы противодѣйствовали попыткамъ нѣкоторыхъ самоуправныхъ византійскихъ императоровъ вторгнуться во внутреннія дѣла церкви. Чаще папѣ дѣлали это константинопольскіе патріархи, греческіе епископы и даже благочестивые міряне и монахи—ревнители и защитники церковныхъ правъ. Максимъ Исповѣдникъ утверждалъ: „Не дѣло императора вмѣшиваться въ дѣла церкви. Отцы ясно высказали, что изслѣдованіе и опредѣленіе церковнаго ученія принадлежитъ священникамъ. Можетъ быть, ты скажешь: развѣ каждый христіанскій императоръ не священникъ? Я утверждаю: нѣтъ! Онъ не стоитъ у престола, онъ не носитъ знаковъ священнаго достоинства—омофора и евангелія, но знаки царя—вѣнецъ и діадему“.—Въ своей грамотѣ объ отреченіи отъ патріаршества Николай Мистикъ писалъ, что „сей великій и небесный даръ (патріаршій санъ) онъ получилъ не отъ царя, а „единой милостью Божіей“ и что „покидаетъ свой престолъ потому, что импе-

раторъ своими неканоническими дѣйствіями дѣлаеть невозможнымъ управленіе церковію“, а императору (Льву VI Мудрому) онъ говорилъ лично: „императоръ не выше калонь: онъ долженъ чтить ихъ“. Осія Кордубскій писалъ императору Констанцію: „Не вступайся въ дѣла существенно церковныя и не давай намъ приказанія о нихъ. Воздайте, написано, кесарево кесареви. а Божіе—Богу. Ни намъ не позволено начальствовать на землѣ, ни ты, царь, не имѣешь власти воскурять еиміамъ“. Въ томъ же духѣ говорили и писали византійскимъ императорамъ св. Аванасій Александрійскій, Иларій и др. Сущность же византійской системы изложена въ Эпаногоѣ (tit. II, § 8 срв. у Властаря, въ переводѣ Ильинскаго, стр. 340; Слав. Кормч. ч. II. гл. I и 32) такимъ образомъ: „Величайшія и необходимѣйшія части государства, состоящаго, подобно человѣку, изъ частей и частицъ, суть царь и патріархъ: посему миръ и счастье подчиненныхъ, и по душѣ, и по тѣлу, заключаются въ единомысліи и согласіи во всемъ власти царской и патріаршей“.

Нельзя, наконецъ, согласиться съ тѣмъ, что византійская система отношенія между церковію и государствомъ создана византійскими императорами. Основаніе для нея заключается въ ученіи Самого Іисуса Христа, на которое, какъ мы видѣли, ссылаются и сами императоры, и христіанскіе епископы. Христось, объявивъ, что царство Его не отъ міра сего, повелѣлъ воздавать кесарево кесарю и Божіе Богу. Но эта заповѣдь, конечно, не исключаетъ обязанности христіанъ, какъ подданныхъ, кто бы они ни были, повиноваться царской власти, чтить царя и молиться за него, о чемъ ясно учили апостолы. Даже другая заповѣдь—повиноваться Богу больше, чѣмъ земнымъ властямъ, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго этой обязанности, потому что она относится одинаково какъ къ свѣтскимъ, такъ и къ духовнымъ властямъ, требующимъ отъ христіанъ того, что несогласно съ волею Божіею. Въ „византійскую“ систему императоры могли внести отъ себя только покровительство церкви и провозглашеніе христіанства господствующею или государственною религіею, что, конечно, могло имѣть основаніе для себя и въ римскомъ законодательствѣ языческаго времени, по которому *jus sacrum* неотдѣлімо отъ *juris pub-*

ісі, какъ его составная часть, или—что, несомнѣнно, вѣрнѣе—въ убѣжденіи, что христіанство есть единственно истинная религія и потому должно стать основой государственной жизни и государственнаго законодательства.

2. *Иерократическая система отношеній между церковію и государствомъ.* На западѣ, гдѣ католической церковіи пришлось дѣйствовать среди такихъ полудикихъ народовъ, какъ остготы, вестготы, свевы и лангобарды, отношенія между церковію и государствомъ или—вѣрнѣе—между властями церковною и гражданскою не были первоначально точно опредѣлены. Но несомнѣнно, что папы уже и тогда руководствовались идеями, которыя ими были заимствованы изъ творенія блаж. Августина *De civitate Dei*, гдѣ рѣзко проводится параллель между церковію и государствомъ и при томъ—съ явнымъ признаніемъ преимуществъ первой предъ послѣднимъ. Христіанская церковь, по Августину, есть *civitas Dei*—царство Божіе, а государство—*civitas terrena*—царство земное и предоставленное само себѣ, можетъ стать даже—*civitas diaboli*—царствомъ діавола, каковы царства языческія. Послѣднее возможно и съ христіанскимъ государствомъ въ томъ случаѣ, когда оно перестаетъ подчиняться церковіи, не пользуется ея благословеніями, молитвою и руководствомъ, а подпадаетъ власти діавола, терпя у себя ложное богочтеніе, ереси и раскалы. Заповѣди Божіи, по изъясненію Августина, выше законовъ государственныхъ, издаваемыхъ людьми, хотя бы то и императорами, и если гражданскіе законы не согласны съ заповѣдями Божіими, то они не могутъ быть обязательными для подданныхъ государства—христіанъ. Но императоры могутъ знать волю Божію и заповѣди только отъ епископовъ, а потому и въ управленіи государственными дѣлами они обязаны руководствоваться епископскими совѣтами и наставленіями. Принимая же отъ церковіи благословенія, находя для себя поддержку въ ея молитвахъ и пользуясь ея руководствомъ и постановленіями, они, изъ чувства благодарности, должны заботиться какъ объ обезпеченіи внѣшняго благосостоянія ея, такъ и объ охранѣ ея внутренняго мира чрезъ преслѣдованіе осужденныхъ ею безбожниковъ, еретиковъ, раскольниковъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Франкскіе короли—мировинги,—принявъ христіанство, еще не раздѣляли вполнѣ этой теоріи, ставя авторитетъ византійскихъ императоровъ выше папскаго даже въ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе — по управленію государствомъ; впрочемъ, иногда, начиная съ Хлодвига (481—511), нѣкоторые изъ нихъ съ уваженіемъ относились и къ совѣтамъ римскаго епископа, отъ котораго находилась въ іерархической зависимости ихъ церковь. Возвышенію папской власти, какъ извѣстно, много способствовалъ Пипинъ Короткій, подарившій (въ 752 году) папѣ Стефану II раввенскій экзархатъ. Но опредѣленные отношенія между церковію и государствомъ были точно опредѣлены только Карломъ Великимъ. Въ возстановленной римской имперіи Карлъ хотѣлъ имѣть такое же значеніе, какое на востокѣ имѣли византійскіе императоры—Константинъ Великій и Юстиніанъ. Не было у него однако же для власти такихъ историческихъ основъ, на какихъ покоилась власть византійскихъ императоровъ, и онъ искалъ для себя опоры въ церкви — въ своемъ коронованіи руками папы. Такимъ образомъ, Карлъ Великій, быть можетъ, не сознавая и не желая того, далъ папамъ поводъ смотрѣть на себя, какъ на раздавателей императорскихъ и королевскихъ коронъ, а слѣдовательно, и государствъ. Естественно, возникъ вопросъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія должны быть поставлены папы и императоры. Другъ и совѣтникъ Карла Великаго, извѣстный ученый VIII вѣка, Алкуинъ (735—804), думалъ разрѣшить этотъ вопросъ перенесеніемъ на западъ уже испытанной системы византійской: онъ создалъ теорію о двухъ мечахъ—духовномъ и вещественномъ (*gladius spiritualis et gladius materialis*), но отдавалъ эти мечи въ руки императора, какъ защитника церкви (*advocatus ecclesiae*). Католическіе богословы не согласились съ такою теоріею Алкуина: имъ понравилась его мысль о мечахъ, приписанная апостолу Петру невѣрно. (Лук. 22, 38), но имъ захотѣлось вырвать эти мечи изъ рукъ императора и передать папѣ. Предъ ихъ глазами ясно выступалъ выводъ исторіи: папская власть выше императорской, ибо если папы раздаютъ императорскія короны, то они могутъ и отнимать ихъ; ясно, что императоры суть только вассалы папскаго пре-

стола. „По ихъ изъясненіямъ, говоритъ Вальтеръ¹⁾, священство и царство представляются какъ-бы двумя членами великаго освященнаго тѣла христіанственности (опредѣленіе парижскаго собора), какъ бы двумя мечами сообща защищающими его и управляющими имъ (изреченіе св. Бернарда), какъ бы солнцемъ и луною освѣщающими фирманентъ²⁾ церкви (выраженіе папы Григорія VII), при томъ — такъ, что духовное, какъ принадлежащее къ высшимъ небеснымъ вещамъ, должно превосходить своими лучами свѣтское (выраженіе папы Иннокентія III). Во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, въ обычаяхъ и законахъ, въ наукѣ и искусствѣ, даже въ сложныхъ и спорныхъ вопросахъ публичнаго права и политикѣ (по Иннокентію III) христіанское ученіе должно быть принимаемо за масштабъ и ему долженъ быть подчиненъ интересъ всего временнаго (выраженіе папы Бонифація VIII). Руководясь этой точкой зрѣнія, папы и епископы признавали своею священнѣйшею обязанностію—своими протестами противодѣйствовать нарушеніямъ божественнаго права, обнаруживаемымъ въ управленіи земными дѣлами, и, какъ стражи христіанскаго закона, защищали его господство противъ кого-бы то ни было предоставленнымъ имъ для этого авторитетомъ“.

Изъ области „ученыхъ“ споровъ и литературныхъ препирательствъ эта борьба между церковію и государствомъ перешла въ жизнь. Въ ней приняли участіе такіе папы, какъ Григорій VII Гильдебрандъ и Иннокентій III. Побѣда осталась за ними. Папа Бонифацій VIII въ своей знаменитой буллѣ *Unam Sanctam* въ 1302 году (за годъ до своей смерти) уже торжественно обнародовалъ выработанную ими теорію объ отношеніи церкви къ государству, которая въ римско-католической наукѣ стала извѣстна подъ именемъ *иерократической* системы и получила каноническое значеніе. Католическіе канонисты (Гиншіусъ, Филлипсъ, Вальтеръ, Зильбернагель и др.), признавая ее единственно истинною, согласною съ ученіемъ Божественнаго Откровенія и соотвѣтствующею достоинству церкви, хотя и неосуществимою при настоящихъ условіяхъ, и слѣдуя папской буллѣ, излагаютъ ея основныя положенія въ слѣдующихъ четырнад-

1) § 44 а, стр. 92.

2) Твердь, сводъ небесный.

цати пунктахъ. I. Разсматриваемыя въ своемъ естественномъ порядкѣ, гражданское общество и его правительство, подобно тому какъ и церковь, установлены непосредственно Богомъ. Поэтому обѣ власти одна отъ другой независимы и каждая въ своей области—высочайшая. II. Послушаніе, вѣрность и преданность свѣтскому правительству обязательны даже и по совѣсти; его законы, служащіе къ поддержанію земного порядка, должны быть принимаемы съ благоговѣніемъ: ихъ признаетъ и папскій престолъ, насколько они могутъ его касаться. III. Но надъ духовными дѣлами и ихъ представителями свѣтское правительство не имѣетъ никакой власти: его законы по церковнымъ дѣламъ, изданные самочинно и въ противорѣчіе съ божественнымъ правомъ и каноническими постановленіями, ничтожны и ни для кого обязательной силы не имѣютъ. IV. Обѣ власти, хотя онѣ и самостоятельны, каждая въ своей области, нуждаются однако же одна въ другой, и должны поддерживать одна другую: одна—оружіемъ духа, другая—свѣтскимъ мечемъ. V. Свѣтская власть и гражданскіе законы должны быть направляемы на защиту церкви: для всякаго христіанскаго правительства такая защита церкви есть обязанность совѣсти. VI. Надъ гражданскими законами въ чисто мірскихъ дѣлахъ церковь сама по себѣ также не имѣетъ никакой власти. Но самому духу христіанскаго правительства свойственно, чтобы его законы согласовались съ канонами, къ чему церковь относится съ благодарностію. VII. Относительно того, какъ и насколько обѣ власти должны поддерживать одна другую своими законами и постановленіями, равно какъ о правахъ, которыя одна власть уступаетъ въ своей области другой, и о способѣ, какъ должны быть устраняемы возможныя недоразумѣнія и столкновенія, онѣ должны согласиться между собою посредствомъ договоровъ. VIII. Полное согласіе съ ученіемъ и канонами церкви со стороны государственной власти находить свое выраженіе въ присягѣ, произносимой императорами и королями при церковномъ коронованіи ихъ и въ сообщаемомъ имъ церковію овященіи и помазаніи, чрезъ что императорское и королевское достоинства надѣляются какъ-бы священническимъ характеромъ и возвышаются въ священный рангъ христіанственности. IX. Единеніе и взаимная поддержка

обѣихъ властей доказываются въ особенности тѣмъ, что церковные отщепенцы подвергаются наказанію и со стороны свѣтской власти, такъ что за церковнымъ отлученіемъ, по истеченіи извѣстнаго времени, должно слѣдовать и соответствующее отношеніе гражданскаго правительства къ ожесточеннымъ бывшимъ членамъ церкви, равно какъ и наоборотъ—гражданское осужденіе нѣкоторыхъ преступленій должно влечь за собою и церковное отлученіе. X. Князья не выше законовъ. Въ свѣтской области они подчиняются свѣтскому закону, за нарушеніе котораго даже самъ императоръ можетъ быть обвиняемъ на судѣ князей и лишаемъ царства. Въ духовныхъ дѣлахъ императоры, какъ члены церкви, подчиняются церковнымъ законамъ, за нарушеніе которыхъ они могутъ быть отлучаемы и, согласно сказанному выше, лишаемы своего царства: впрочемъ, императоръ, коронованный папою, можетъ быть отлучаемъ отъ церкви и лишаемъ короны не иначе, какъ только папою. XI. Хотя обѣ власти въ своихъ областяхъ высочайшія, но, по сравненію предметовъ ихъ воздѣйствія, духовную власть слѣдуетъ почитать болѣе высокою, такъ какъ она имѣетъ попеченіе о душеспасеніи и вѣчной, непреходящей жизни. XII. Гдѣ рѣчь идетъ о грѣхѣ и душеспасеніи, хотя бы и въ вопросахъ, собственно, гражданскаго права, напр., при клятвенно засвидѣтельствованныхъ обязательствахъ, тамъ церковь и папа, какъ стражи душеспасенія, должны быть авторитетными судьями даже и для князей христіанскихъ. XIII. А такъ какъ съ точки зрѣнія христіанской морали всякое явленіе гражданской жизни заключаетъ въ себѣ нравственный моментъ, то въ христіанскомъ государствѣ всѣ установленія должны быть согласны съ духомъ христіанскаго ученія и всѣ общественныя дѣла должны быть устрояемы въ духѣ и съ одобренія церкви. XIV. Изъ сказаннаго ясно, что только христіанство есть то идеально мыслимое единство, въ духѣ котораго должны быть управляемы, по закону Христа, какъ духовныя, такъ и гражданскія дѣла; слѣдовательно, тамъ, гдѣ императоры и подданные состоятъ членами христіанской церкви, оба меча—и свѣтскій, и духовный—должны находиться во власти церкви: свѣтскій мечъ долженъ быть подчиненъ духовному, имъ онъ долженъ направляться и за ненадлежащее употребленіе

долженъ подлежать его суду.—Въ XVI и XVII вѣкахъ ультрамонтаны превратили эту систему прямо въ *теократическую* („государство въ церкви“). Иезуиты въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ *De potestate summi pontificis* категорически утверждали, что единственный монархъ на всемъ земномъ шарѣ есть папа, государи—его агенты и въ своихъ дѣйствіяхъ обязаны руководствоваться его указаціями...

3. *Епископальная система.* Созданная средневѣковыми папами и католическими богословами іерократическая система отношенія между церковію и государствомъ нашла однако-же для себя практическое осуществленіе только на непродолжительное время¹⁾. Достигнувъ своего зенита въ XIV вѣкѣ, папская власть быстро начала падать. Причинами ея паденія прежде всего были сами папы, интригами достигавшіе своего избранія и не могшіе поддерживать своего авторитета ни своею жизнію, ни своею дѣятельностію. Уже преемникъ Бонифація VIII, папа Климентъ V, бѣжавшій въ Авиньонъ подъ защиту французскаго короля, объявилъ буллу Бонифація VIII, а вмѣстѣ съ нею и всю іерократическую систему отношенія между церковію и государствомъ, не имѣющими значенія для Франціи. Государи Англіи и Скандинавскихъ странъ потребовали того-же и для себя. Но дѣло пошло дальше: противъ папскихъ притязаній возстали даже соборы католическихъ епископовъ: пизанскій (1409 г.), константскій (1414—1418 г. г.) и базельскій (1431 г.) Впослѣдствіи же появилась такъ называемая *епископальная система*, на которую мы уже указывали и которая была выработана главнымъ образомъ французскими и нѣмецкими епископами. По этой системѣ, верховная власть въ католической церкви должна была перейти отъ папъ къ собору епископовъ, папа же провозглашался только какъ *caput ministeriale*, т. е., только какъ главный исполнитель соборныхъ постановленій. По увѣренію католическихъ канонистовъ за епископальную систему энергично дѣйствовали не только епископы, но и все католическое духовенство, даже португальское, надѣявшееся чрезъ ослабленіе папскаго авторитета достигнуть въ большемъ размѣрѣ сво-

¹⁾ На несогласіе ея съ ученіемъ Божественнаго Откровенія уже въ XII вѣкѣ указывалъ итальянскій монахъ Арнольдъ Брецинскій.

ихъ собственныхъ правъ и свободы. И, дѣйствительно, только при поддержкѣ католическаго духовенства, король Карль VII во Франціи могъ издать еще въ 1438 году свой законъ, извѣстный подъ именемъ *прагматической санкціи*; въ слѣдующемъ (1439 г.) такой же законъ и подъ тѣмъ же названіемъ былъ изданъ и въ нѣмецкой имперіи. Къ этимъ законамъ какъ королю, такъ и императору было предоставлено широкое право церковнаго законодательства и верховнаго церковнаго управленія, а папа былъ лишенъ права—безъ предварительнаго разрѣшенія короля и императора (*placet*)—посылать въ предѣлы ихъ государствъ даже своихъ легатовъ, публиковать свои буллы, принимать аппеляціи и т. п. Право созывать помѣстные соборы, назначать епископовъ и производить надъ ними судъ отъ папъ также перешло къ представителямъ государственной власти. Такимъ образомъ освободившись отъ власти, католическіе епископы подпали подъ власть королей и императоровъ.

Всѣ тренія XV вѣка по вопросу объ отношеніи между церковію и государствомъ теперешніе католическіе канонисты признаютъ прискорбными случайностями и успокаиваютъ вѣрующихъ католиковъ тѣмъ, что папа Пііі II (1458—1464) осудилъ епископальную систему, а папа Левъ X (1513—1521), отвергнувъ прагматическую санкцію, снова утвердилъ іерократическую систему Бонифація VIII. Но въ дѣйствительности тренія продолжались и далѣе—въ XVI—XVIII вѣкахъ и епископальная система находила для себя все большее и большее число приверженцевъ: въ XVIII вѣкѣ явились еще: фебронизмъ или жезефинизмъ Гонтгейма, отвергавшій папскій абсолютизмъ и приматство и проновѣдавшій равенство всѣхъ католическихъ епископовъ, эмская пунктуація зальцбургскаго архіепископа, галликанскія свободы (*liberté de l'église Gallicane*)... Рядомъ съ этими движеніями католической церкви пришлось встрѣтиться еще съ болѣе серьезными затрудненіями: протестантствомъ, ученіемъ, крайне враждебныхъ католичеству французскихъ матеріалистовъ Вольтера, Руссо, Дидро и мн. др., съ противодѣйствіями императоровъ Іосифа II и Леопольда, мечтавшихъ о „національной церкви“ и, наконецъ, съ революціоннымъ движеніемъ во Франціи и во многихъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Протестантство

провозгласило главою своей церкви каждого государя въ его страцѣ (сuius regio-ejus religio) и такимъ образомъ оба меча сразу вручило представителю свѣтской власти. Оно добровольно и безусловно отняло у своего духовенства его іерократическія права и подчинило его власти государственной. А что сдѣлало протестантство, почему того же не могло бы сдѣлать католичество, если оставить его безъ папы? И не только французскіе, но и итальянскіе „католики“ кричали правительствамъ на своихъ митингахъ: „долой папу!“, Защитники такъ называемаго естественнаго права (Руссо и его единомышленники)¹⁾ требовали отъ государствъ, что бы они отказались отъ „прославленія Бога на землѣ“, а поставили бы своею задачею—получше заботиться о земномъ благосостояніи и нравственности своихъ подданныхъ, пользуясь для этого религіею только какъ средствомъ обузданія грубыхъ страстей; католическую же церковь они низвели на степень простой ассоціаціи или религіознаго общества, которое должно быть безусловно подчинено государственной власти и законамъ. Революціонеры на мѣсто католической церкви поставили свою „религію Разума“, церковныя имущества секуляризировали, священниковъ, не принявшихъ гражданской присяги, изгнали изъ страны. Только въ 1801 году 15 іюля римско-католическая церковь снова получила право на свое существованіе во Франціи, но, по заключенному конкордату папы Пія VII съ Наполеономъ Бонапартомъ (тогда еще только первымъ консуломъ), католичество было признано не господствующею или государственною религіею, а лишь „религіею большинства“. Въ самомъ конкордатѣ рѣчь шла не о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою, а лишь о признаніи за католическою церковію нѣкоторыхъ незначительныхъ правъ. Право назначать епископовъ было предоставлено первому консулу, т. е. Наполеону, папа же едва удержалъ за собою право „каноническаго утвержденія“ ихъ. Назначаемые консуломъ епископы должны были клясться предъ Евангеліемъ, что они

¹⁾ Христіанъ Томазій (1655—1728) и Самунль Пуфендорфъ (1632—1694), первый-юристъ, второй-естествоиспытатель и государственный сановникъ, ссылаясь на „естественное право“, требовали полной свободы совѣсти для воѣхъ религіозныхъ вѣрованій, не исключая и суевѣрій (судебные процессы о вѣдьмахъ).

будутъ вѣрными республикѣ и во всѣхъ церквахъ будутъ пѣть: „Domine, salvam fac rempublicam!“ „Domine, salvos fac consules!“ („Господи, спаси республику!“ „Господи, спаси консуловъ!“). Конкордаты этотъ Наполеонъ называлъ „религіознымъ оспопрививаніемъ“ и не безъ основанія предсказывалъ, что „черезъ пятьдесятъ лѣтъ во Франціи не будетъ больше религіи“¹⁾. Между тѣмъ конкордаты этотъ былъ распространенъ и на Италію. Только послѣ изгнанія Наполеона онъ былъ замѣненъ новымъ 11-го іюля 1817 года; но объ іерократической системѣ, кромѣ Ватикана, уже нигдѣ не было слышно...

4. *Система государственной церковности.* Еще раньше французской революціи, подъ указаннымъ выше вліяніемъ философскаго ученія объ естественномъ правѣ и протестантскихъ движеній въ западно-европейскихъ государствахъ учеными юристами въ университетахъ и законодателями въ парламентахъ была разработана особая система отношеній между церковію и государствомъ, не утратившая своего значенія еще и въ наше время извѣстная преимущественно подъ именемъ системы правъ государства относительно церкви (*jura majestatis circa sacra*) или системы государственной церковности. Эти права государства сводятся къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: а) *jus protectionis vel advocatiae*—право государства оказывать церкви покровительство и защиту, б) *jus inspiciendi cavendi* или *jus inspectionis supremum*—право контроля надъ дѣятельностію церкви ради охраненія интересовъ государства, в) *jus reformandi*—право государства по своему усмотрѣнію избирать религію для своихъ подданныхъ, реформировать ихъ религіозную жизнь и не допускать въ свои предѣлы вреднаго вѣроученія, наконецъ, г) право верховнаго владѣнія церковнымъ имуществомъ. Католическіе канонисты относятся къ этой системѣ отрицательно и указываютъ для этого ничтожныя, по ихъ мнѣнію, достаточныя основанія.

а) Мысль о защитѣ и покровительствѣ церкви (*jus advocatiae*) сама по себѣ, говорятъ католическіе канонисты, вѣрна и приемлема. Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности этому понятію даютъ чуждый ему смыслъ и защиту

¹⁾ Лопухинъ. Исторія Христіанской Церкви въ XIX вѣкѣ. 1900 г. т. I. стр. 73.

превращаютъ въ оскорбительный надзоръ, а покровительство—въ унижительную опеку, чѣмъ стѣсняется дѣятельность даже епископовъ и церковное управленіе фактически переходитъ въ руки государственныхъ чиновниковъ. Словомъ, это—даръ Данайцевъ. Католической церкви, по словамъ ея канонистовъ, хорошій урокъ дадутъ какъ современная дѣйствительность, такъ и исторія: послѣ Карла Великаго покровительство церкви, какъ право, стало переходить не только къ князьямъ, но и къ ихъ намѣстникамъ и войтамъ, въ видѣ покровительства монастырямъ, приходскимъ церквамъ, школамъ и разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, и въ ихъ рукахъ оно превратилось въ тяжелое порабощеніе церкви.

б) По поводу предоставляемаго государству права оберегать себя отъ ущерба и вреда, которые могла бы причинить ему церковь, и принимать противъ этого мѣры предосторожности (*jus cavendi*) католическіе канонисты замѣчаютъ, что самая точка зрѣнія, отъ которой при этомъ исходятъ, ложна. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, если государственная власть признала за церковь право существованія въ предѣлахъ государства, зная, безъ сомнѣнія, то, что цѣль и дѣятельность церкви, по самому основному ея принципу, могутъ быть направляемы только къ высшему благу человѣчества, что совпадаетъ и съ ея собственными интересами и ради чего она выставляетъ себя защитницею и покровительницею церкви, то она впала бы въ самопротиворѣчіе, если бы одновременно съ этимъ предпринимала еще особыя предохранительныя мѣры противъ церкви, какъ бы каждую минуту ожидая отъ нея какихъ—то опасныхъ для себя злоупотребленій. Къ древней церкви, говорятъ католическіе канонисты, такого отношенія со стороны государства не бывало: это—продуктъ позднѣйшаго государственнаго законодательства, которое, руководясь недовѣріемъ, положило основаніе глубокому внутреннему раздвоенію между обѣими властями. Конечно, государственная власть имѣетъ право грозить и церковнымъ должностнымъ лицамъ гражданскими наказаніями и преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ. Но какъ въ отношеніи ко всякому неопороченному гражданину, такъ и въ отношеніи къ церкви, цѣлому обществу неопороченныхъ гражданъ, она не имѣетъ

права устанавливать системы предупредительныхъ мѣропріятій, имѣющую характеръ безпричиннаго заподозриванія ихъ.

Такъ думаютъ католическіе канонисты. Между тѣмъ профессоръ юридическихъ наукъ и государственные законодатели изъ указаннаго выше положенія—*jus savendi*—выводятъ еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ правъ государства по отношенію къ церкви и прежде всего—право верховнаго надзора (*jus supremae inspectionis*). По поводу этого права католическіе канонисты говорятъ слѣдующее. Во-первыхъ, церковныя должностныя лица, какъ и всѣ другіе подданные государства, подлежатъ общему полицейскому надзору, —что понятно само собою; но каждое, направленное противъ нихъ, какъ таковыхъ, исключительное мѣропріятіе какъ основывающееся на безпричинномъ недовѣріи, есть оскорбленіе церкви и нѣкоторымъ образомъ—посягательство на ея свободу. Во-вторыхъ, все относящееся къ законному церковному управленію должно быть свободно отъ полицейскаго наблюденія тамъ, гдѣ церкви предоставлена автономія и гдѣ она, по издавна призванному установленію, имѣетъ право совершать богослуженіе по своимъ законамъ и уставамъ, подъ угрозой наказанія за то, что признается гражданскимъ преступленіемъ; но ограниченіе сношенія съ духовными начальниками также противно свободѣ церкви. Въ-третьихъ, за чрезвычайными церковными дѣйствіями и церковными соборами государственная власть вправѣ устанавливать наблюденіе полицейскаго характера, насколько однако же этимъ не причиняется препятствія свободнымъ дѣйствіямъ церкви и насколько это наблюденіе производится въ такой формѣ, которая соотвѣтствуетъ достоинству какъ государственной власти, такъ и церкви. Католическіе канонисты не возражаютъ и противъ того, когда государственная власть вмѣняетъ въ обязанность церковнымъ должностнымъ лицамъ или учрежденіямъ увѣдомлять указываемыя ею гражданскія присутственныя мѣста о какомъ-либо предполагаемомъ чрезвычайномъ собраніи; почитаетъ нарушеніемъ права свободныхъ собраній, если вмѣстѣ съ тѣмъ государственная власть поставляетъ въ зависимость отъ ся позволенія самое устроеніе этого собранія.

Далѣе, — изъ права верховнаго надзора государства надъ церковію юристы и законодатели выводятъ въ частности еще право государственной власти ознакомляться съ церковными распоряженіями, не исключая папскихъ буллъ и энцикликъ, до ихъ обнародованія и исполненія и объявлять ихъ дозволенными только послѣ засвидѣтельствованія чиновниковъ о сдѣланномъ просмотрѣ ихъ (*jus placeti regii*) католическіе канонисты рѣшительно осуждаютъ присвоеніе этого права государственною властію. Очевидно, говорятъ они, этимъ правомъ все законодательство церкви и ея управленіе поставляются въ зависимость отъ свѣтской власти страны, — и папы поэтому всегда и энергично протестовали противъ такого поведенія свѣтскихъ властей: это сдѣлано было, напр., папою Иннокентіемъ VIII въ 1486 году въ Португаліи, Иннокентіемъ X — въ 1651 году въ Австріи, Александромъ VII — въ 1658 году въ Испаніи, папскимъ нунціемъ — въ 1682 и 1708 г. г. въ Бельгіи, папою Климентомъ XIII — въ 1763 году вторично въ Испаніи, Григоріемъ XVI — въ 1839 году въ Пруссіи. Захватъ такого права, по мнѣнію католическихъ канонистовъ, объясняется только крайнимъ и обиднымъ недоувѣріемъ правительства къ честности и благоразумію церковныхъ установленій и должностныхъ лицъ, но право это совершенно несоединимо съ свободою церкви и соотвѣтствующимъ ея достоинству положеніемъ ея въ государствѣ. Впрочемъ, отъ *jus placeti regii* нужно отличать то, когда государственная власть подтверждаетъ и обнародываетъ какой либо церковный законъ, чтобы чрезъ это сообщить ему, какъ закону страны, обязательную силу государственныхъ законовъ. Такое поведеніе государства вытекаетъ не изъ права *Placet*, а есть результатъ благожелательнаго отношенія государственной власти къ церкви, объясняется не подозрительностію и недоувѣріемъ правительства къ должностнымъ церковнымъ лицамъ, а напротивъ желаніемъ его оказать церкви поддержку и защиту въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя могутъ имѣть благія послѣдствія и для государства. Въ подтвержденіе сказаннаго католическіе канонисты ссылаются на исторію римскихъ императоровъ и германскихъ королей, представляющую многочисленныя примѣры такого благожелательнаго поведенія государственной власти по отношенію

къ церкви. Впрочемъ, для избѣжанія всякаго рода недоразумѣній, о которыхъ свидѣтельствуется та же исторія, они признаютъ необходимымъ, чтобы и такія благожелательныя отношенія между церковію и государствомъ были детально опредѣлены взаимнымъ соглашеніемъ обѣихъ властей.

На правѣ государственной власти гарантировать себя отъ вреда со стороны церкви многіе юристы и законовѣды стараются обосновать также и притязаніе свѣтскихъ правительствъ принимать рѣшающее участіе въ назначеніи церковныхъ должностныхъ лицъ. Католическіе канонисты относятся отрицательно и къ этому праву. Само собою понятно,—говорятъ они,—что назначеніе церковныхъ должностныхъ лицъ есть одно изъ существеннѣйшихъ правъ церкви, и оно неотдѣлимо отъ ея самостоятельности. Поэтому она должна рѣшительно протестовать противъ того, когда государственная власть, какъ таковая, претендуетъ на указанное право. Тѣмъ не менѣе церковь признаетъ, что для согласія обѣихъ властей очень много значитъ личность тѣхъ, которые занимаютъ ту или другую должность. Въ виду этого, церковь, при назначеніи должностныхъ лицъ, уже въ собственныхъ интересахъ, естественно, будетъ останавливаться на такихъ людяхъ, которые угодны правительству. И она, дѣйствительно, обнаруживала (будто-бы) всегда готовность, особенно при замѣщеніи епископскихъ кафедръ, имѣющимъ, несомнѣнно, очень важное значеніе, уступать, по договору, правительствамъ право активнаго участія.

Наконецъ, изъ *jus savendi* юристы и законовѣды выводятъ также право частныхъ лицъ обращаться къ свѣтскому правительству съ жалобами на распоряженія церковныхъ властей и на злоупотребленія должностнаго духовенства—*jus appellationis ad principem*, *jus ex abusu*. Католическіе канонисты возражаютъ и противъ этого притязанія, хотя и съ нѣкоторыми оговорками. Конечно, говорятъ они, если злоупотребленіе духовнаго должностнаго лица состоитъ въ чемъ-либо такомъ, что признается законами какъ гражданское преступленіе, то само собою понятно, что, помимо исправительнаго церковнаго наказанія, оно должно подлежать и свѣтскому суду (каково, напр., злоупотребленіе, ради подлога, церковною печатью). Затѣмъ если духов-

ное должностное лицо, по злоупотребленію своимъ положеніемъ, самоуправно вторгнется въ область свѣтской власти, то послѣдняя тотчасъ, по полученіи жалобы или по собственной инициативѣ, обязана остановить его, а объ его поведеніи сообщить духовному начальству, а если потребуется, то и свѣтскому суду. Но если совершенное злоупотребленіе есть дѣяніе должностное, учинено въ предѣлахъ церковнаго вѣдомства и не нарушаетъ правъ гражданской власти, то оно должно подлежать только вѣдѣнію церковнаго начальства и должно быть разсматриваемо въ установленныхъ церковію инстанціяхъ. Свѣтская власть въ этихъ случаяхъ можетъ оказывать содѣйствіе духовной, но и то лишь тогда, когда ее о томъ просятъ. Присваивая себѣ право суда надъ дѣйствіями должностного духовенства, свѣтская власть можетъ увидѣть себя въ такомъ положеніи, что ея приговоры будутъ оставаться безъ исполненія или же сопровождаться ничѣмъ неоправдываемымъ насиліемъ. За государствомъ можетъ быть признано только право требовать отъ церкви наказанія ея должностныхъ лицъ за допущенныя ими злоупотребленія по должности.

в. Реформаціонное право государства (*ius reformandi*)¹⁾, т. е., право опредѣлять, можетъ ли церковь функционировать въ странѣ и при какихъ условіяхъ, католическіе канонисты признаютъ, какъ фактъ, безспорнымъ, но оно, по ихъ мнѣнію, утрачиваетъ свою силу послѣ того, какъ государство уже однажды дозволило своимъ подданнымъ быть членами церкви. О правилахъ церкви и тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она функционировала, государство, несомнѣнно, знало еще при допущеніи ея въ свою страну, и, конечно, признавало ихъ, по меньшей мѣрѣ, терпимыми. Правда, со времени раздѣленія христіанской церкви на различныя исповѣданія и съ появленіемъ разнаго рода сектантствъ, всегда можетъ возникать вопросъ, возможно ли для госу-

¹⁾ Право это было признано за государями еще 24 октября 1648 года на вестфальскомъ конгрессѣ: „Praeter religiones supra nominatas nulla alia in sacro imperio Romano recipiatur vel toleretur“. Подданные должны исповѣдывать ту вѣру, какую исповѣдуетъ государь (*cujus est regio, ejus religio*), а кто не хочетъ этому слѣдовать, долженъ оставить предѣлы государства. Избирать вѣру можетъ только государь. Эту систему, называемую обыкновенно *территориальною* особенно энергично защищалъ Гоббесъ въ своемъ

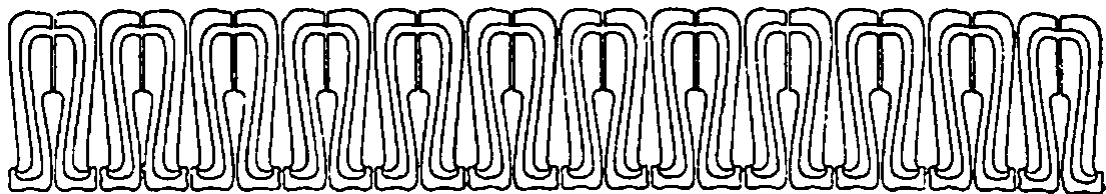
дарственной власти терпѣть въ своихъ предѣлахъ то или другое исповѣданіе, ту или другую секту. Но и въ этомъ случаѣ она должна поступать не по праву господства, а по соображеніямъ политическимъ, по оцѣнкѣ исповѣданій и сектъ, предполагаемыхъ къ допущенію, по началамъ вѣротерпимости и по уваженію къ исповѣданію, къ которому она сама принадлежитъ и т. п. Но это уже не право, а обязанность...

г. Усвояя государству право не только надзора, но и верховнаго владѣнія церковнымъ имуществомъ, юристы и государственные законодатели, по мнѣнію католическихъ канонистовъ, имѣютъ въ виду двоякую цѣль: во-первыхъ, вывести отсюда право государственной власти налагать на церковное имущество подати, а во-вторыхъ, въ благовидномъ свѣтѣ представить секуляризацию церковныхъ имуществъ. Но что касается, прежде всего, указаннаго права, самаго по себѣ, то оно должно быть признано или фиктивнымъ, или насильственнымъ. Церковь, какъ общество правоспособныхъ гражданъ, всегда и вездѣ должна являться правомощнымъ юридическимъ лицомъ, а ея имущество есть такая же частная собственность, какъ и всякая собственность частныхъ правомощныхъ лицъ и обществъ. Католическіе канонисты не отрицаютъ того, что государственная власть имѣетъ право налагать подати на церковное имущество такъ же, какъ она налагаетъ ихъ и на всякую другую частную собственность. Но это право, по ихъ мнѣнію, вытекаетъ не изъ верховнаго права владѣнія, а изъ общаго права государственной власти—отъ тѣхъ, которые пользуются выгодами своего положенія въ предѣлахъ государства, требовать опредѣленныхъ податей на его нужды и погашеніе его расходовъ. Что же касается секуляризации церковныхъ имуществъ, то она ничѣмъ не можетъ быть оправдываема, никогда не можетъ быть признана актомъ права и навсегда останется дѣломъ грубаго насилія. Всѣ софизмы, направленные къ оправданію этой мѣры, повторяемые еще и теперь съ ораторскихъ подмостковъ, можно находить уже въ рѣчи, которую произнесъ во французскомъ національномъ собраніи 1789 года епископъ Антуанскій Талейранъ.

Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПО ПОВОДУ

рецензентской замѣтки о нашей книгѣ М. Тарѣева.

Въ октябрьской книжкѣ ж. „Христіанинъ“, за истекающій годъ, стр. 323—330, напечатана безпощадно жестокая, до крайности рѣзкая, проникнутая дикою нетерпимостію, рецензентская замѣтка проф. М. Тарѣева о нашей книгѣ: „Опытъ нравственнаго Православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“. Томъ первый: общій или основоположительный. Харьковъ, 1914 годъ. Въ этой крайне рѣзкой, необычной „для серьезной, уважающей себя, журналистики“, критической замѣткѣ г. Тарѣевъ заинтересованъ, повидимому, совершенно опредѣленною цѣлью—представить нашу работу въ глазахъ читающей публики въ наиболѣе неблагоприятномъ для нея свѣтѣ. Поэтому, мы не можемъ не высказать по поводу ея тѣхъ или другихъ соответствующихъ замѣчаній. Рецензія г. Тарѣева сколько обидна для насъ, столько же удивительна и странна. Это послѣднее именно потому, что въ его собственныхъ сочиненіяхъ оказываются такіе дефекты, которые, по сравненію съ указанными имъ въ нашей книгѣ, касаются предметовъ неизмѣримо большей цѣнности и важности. Очевидно, нашъ *пристрастный*, какъ увидимъ ниже, критикъ забылъ предостерегающій завѣтъ Спасителя: „врачу, исцѣлися самъ“ (Лук. 4, 23); „лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего: и тогда узриши взяти сучецъ изъ очесе брата твоего“ (Мѣ. 7, 5).

Нашъ рецензентъ — М. Тарѣевъ считается у насъ рьянымъ представителемъ пресловутой теоріи „абсолютнаго индивидуализма“ въ богословіи, „самодержавнаго“ религіознаго творчества. И вотъ, съ точки зрѣнія этого-то своего личнаго, *субъективнаго* богословскаго творчества, онъ, обык-

новенно, и судить, конечно, съ рѣшительностію, яко бы, общепризнаннаго авторитета, о работахъ рецензируемыхъ имъ авторовъ, излагающихъ не свои собственныя—*субъективно*-человѣческія воззрѣнія, а *объективно* раскрываемое божественное ученіе православной Церкви, на твердомъ основаніи опредѣленныхъ первоисточниковъ и лучшихъ пособій. И въ этомъ случаѣ г. Тарѣевъ, обычно, обвиняетъ такихъ авторовъ въ широкомъ или сплошномъ *плагіатѣ*, въ недобросовѣстномъ вообще отношеніи къ источникамъ. При этомъ онъ тенденціозно сгущаетъ краски въ дурныхъ характеристикахъ неугодныхъ ему авторовъ¹⁾, до необычайныхъ размѣровъ, разумѣется, съ исключительною цѣлью—возможно болѣе дискредитировать ихъ сочиненія въ общественномъ мнѣніи. Такъ, это имѣло мѣсто въ критикѣ г. Тарѣева на книгу (объ „Аскетизмѣ“) извѣстнаго профессора петроградской академіи С. М. Зарина²⁾; это же повторилось съ „Догматикой“ почтеннаго протоіерея Н. Малиновскаго, удостоившейся „безпощаднаго“ отзыва со стороны нашего рецензента; то же, наконецъ, случилось теперь и съ нами.

Что, такъ называемое, „индивидуальное религиозное творчество“ г. Тарѣева именно обусловливаетъ собою обвиненіе рецензируемыхъ имъ авторовъ въ литературной зависимости или несамостоятельности, какъ „излюбленный пріемъ“ его богословской критики,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всего яснѣе это выступаетъ въ критической статьѣ его, посвященной книгѣ проф. Зарина. По словамъ г. Тарѣева, „рѣшительное пренебреженіе къ *личному* (курсивъ нашъ) началу богословской систематизаціи приводитъ г. Зарина къ печальнымъ слѣдствіямъ и въ опытѣ собственной системы. Здѣсь мы наблюдаемъ неудержимое стремленіе сказать все обо всемъ, соединить всѣ святоотеческія мысли, всѣ начала, всѣ типы. Но, конечно, до конца этого стремленія провести невозможно: механической конгломератъ всего и обо всемъ поражалъ бы своимъ дикимъ видомъ и самый невзыскательный ваяльдъ. И г. Заринъ „неволей“ прибѣгъ къ единственному, остававшемуся ему выходу: къ

¹⁾ По отзыву воспитанниковъ Москов. дух. академіи, г. Тарѣевъ особенно не терпитъ авторъ, работающихъ въ области *правственнаго* богословія не въ духѣ его „Основъ христіанства“.

²⁾ См. его „О книгѣ г. Зарина Аскетизмѣ“. „Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г., май—іюнь.

плагіату (к. н.). Всю принципіальную часть онъ взялъ изъ *чужихъ рукъ*“ (к. н.)¹⁾. „Интуитивное начало, *личное творчество* (к. н.),—пишетъ г. Тарѣевъ,—рѣшительно отсутствуетъ въ работѣ г. Зарина²⁾. Онъ обнаруживаетъ „рѣшительную неспособность свою понять значеніе личнаго элемента въ дѣлѣ богословской систематизаціи“³⁾. „Заринъ сумѣлъ не дать ни одного штриха *своего личнаго* (к. н.) міровоззрѣнія. Его трудъ безъ души, его этико-богословское изслѣдованіе не имѣетъ печати личности человѣческой, печати Божьяго дара“⁴⁾. И каковы же результаты того, что проф. Заринъ поставилъ задачей своей работы не „субъективное творчество“, а объективное изслѣдованіе православно-христіанской истины? Результаты эти очевидны: „хитро задуманный и ловко выполненный маневръ *заметанія слѣдовъ, плагіаторское*“ (к. н.) отношеніе его къ сочиненіямъ г. Тарѣева и другихъ авторитетовъ⁵⁾. „Если мнѣ“,—говоритъ г. Тарѣевъ,—„выписать сейчасъ всѣ взятыя у меня г. Заринымъ части моихъ сочиненій, то пришлось бы заполнить нѣсколько десятковъ страницъ“⁶⁾.

Что же касается насъ съ о. прот. Малиновскимъ, то проф. Тарѣевъ, точно также съ легкимъ сердцемъ обзывая наши работы сплошнымъ плагіатомъ, отказываетъ намъ даже въ самомъ *minimum'ѣ личнаго*, индивидуальнаго начала, каковымъ *minimum'-омъ* у cadaго болѣе или менѣе здравомыслящаго человѣка является, конечно, его человѣческое

1) „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., іюнь, стр. 334.

2) Тамъ же, стр. 328.

3) Тамъ же, стр. 331.

4) Тамъ же, стр. 332.—Само собою разумѣется, что профессоръ С. М. Заринъ въ своей антикритикѣ далъ надлежащій отвѣтъ по данному пункту обвиненія его со стороны г. Тарѣева. (См. „Отвѣтъ на критику профессора М. М. Тарѣева“. „Христ. Чтеніе“ 1909 г., апрѣль).

5) Тамъ же, стр. 315—321.

6) Тамъ же, стр. 322.—На эти послѣднія слова г. Тарѣева проф. С. М. Заринъ отвѣчаетъ: „Я еще удивляюсь, какъ проф. М. М. Тарѣевъ не сказалъ: *нѣсколько сотъ страницъ...* Ужъ—гипербола, такъ—гипербола... Однако я рѣшительно протестую противъ такого утвержденія... Два—три сходныхъ выраженія, нѣсколько близко совпадающихъ положеній проф. М. М. Тарѣевъ, быть можетъ, и укажетъ еще, но не больше“ („Христ. Чит.“ 1909 г., февраль, стр. 303). Вообще же и по этому пункту обвиненія проф. Заринъ далъ здѣсь достойный отвѣтъ.

слово. „Мнѣ уже пришлось“,—говорить г. Тарѣвъ,—„написать отзывъ о догматической системѣ о. Малиновскаго, у котораго на протяженіи четырехъ большихъ томовъ *нѣтъ ни одного своего слова*. Что Малиновскій въ догматикѣ, то Стеллецкій въ нравственномъ богословіи. Въ *Опытъ нравственнаго богословія въ апологетическомъ освѣщеніи*—предполагается три тома, вышелъ 1-й въ Харьковѣ (1914), какъ оттискъ изъ журнала В. и Р., гдѣ продолжается въ 1915 году печатаніе второго тома,—*нѣтъ ни одного своего слова*“¹⁾. „Трудъ о. Малиновскаго“,—добавляетъ г. Тарѣвъ,—„не лучше, и я нынѣ не настаиваю на болѣе мягкомъ прежнемъ отзывѣ объ этомъ трудѣ: съ плагиатомъ нужна борьба всѣми силами“²⁾. Въ заключеніе же своей рецензентской замѣтки о нашей книгѣ г. Тарѣвъ пишетъ, что „для вытѣсненія со сцены русской исторіи доморощенныхъ паяцевъ (?) богословія, нужна широкая дорога *оригинальному богословскому творчеству*“³⁾. Такимъ образомъ несомнѣнно, что обвиненіе и насъ съ о. прот. Малиновскимъ въ литературной зависимости стоитъ въ причинной связи съ пресловутой теоріей тарѣвскаго „оригинальнаго“, т. е. личнаго, субъективнаго „религіознаго творчества“.

Что же это за теорія, съ точки зрѣнія которой г. Тарѣвъ съ такою силою обрушивается на тѣхъ, рецензируемыхъ имъ авторовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ онъ не обрѣтаетъ никакой „печати Божьяго дара“, именуемаго „самодержавнымъ“ богословскимъ творчествомъ? Заранѣе можемъ предупредить, что принципъ абсолютнаго индивидуализма религіозной мысли г. Тарѣва мало полезенъ для православной богословской науки, а вѣрнѣе онъ приноситъ ей больше вреда, чѣмъ пользы.

Для того же, чтобы составить совершенно опредѣленное представленіе о теоріи „личнаго религіознаго творчества“ г. Тарѣва, мы воспользуемся готовыми уже мыслями извѣстныхъ духовныхъ писателей, послужившими образованію такого именно представленія о ней. При этомъ считаемъ необходимымъ заявить, что, во избежаніе всякихъ недоразумѣній, перетолкованій и подозрѣній въ тенденціоз-

¹⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 321.

²⁾ Тамъ же, стр. 327.

³⁾ Тамъ же, стр. 330.

ности, мысли этихъ писателей мы будемъ излагать, съ неизбѣжными, конечно, сокращеніями, по возможности ихъ *подлинными* словами.

Въ богословской системѣ проф.-прот. П. Я. Свѣтлова, выдающагося нашего догматиста-апологета ¹⁾, излагается, между прочимъ, такъ называемая имъ, „методика православнаго научнаго мышленія“ ²⁾, которою требуется гармоническое равновѣсіе въ богословіи Божественнаго и человѣческаго элементовъ. „Христіанское знаніе“,—говоритъ проф. Свѣтловъ,—„слагается изъ органическаго взаимодѣйствія... двухъ элементовъ: *божесивеннаго* и *человѣческаго*, откровенія и разума, ученія церкви или догматовъ и частныхъ богословскихъ мнѣній или изъясненій ихъ вѣрующею мыслию. Первый элементъ въ христіанскомъ знаніи есть *объективный*—Божественная истина, взятая сама по себѣ, независимо отъ сознанія вѣрующихъ; второй элементъ есть *субъективный*, представляетъ собою Божественную истину въ томъ видѣ, въ какомъ она отражается въ разумномъ сознаніи... вѣрующаго“ ³⁾.

Итакъ, „христіанское знаніе“,—по словамъ проф. Свѣтлова,—„дается гармоническимъ сочетаніемъ... обоихъ основныхъ его элементовъ: *божественнаго* и *человѣческаго*, *объективнаго* и *субъективнаго*. Однако на дѣлѣ гармонія или равновѣсіе между этими элементами „большею частію нарушается усиленіемъ одного элемента въ ущербъ другому, иногда до степени совершеннаго его поглощенія. Въ зависимости отъ того, какой элементъ болѣе выдвигается въ христіанскомъ знаніи... мы получаемъ два типа... богословствованія съ ихъ разновидностями. *Латинскій* типъ богословія получается поглощеніемъ человѣческаго элемента Божественнымъ, путемъ ихъ смѣшенія и сведеніемъ знанія къ одному объективному элементу. *Протестантскій* типъ богословія, наоборотъ, дается рѣзкимъ раздѣленіемъ обоихъ элементовъ, стремленіемъ богословствующаго разума ставить себя въ независимое положеніе отъ ученія церкви и отсюда стремленіемъ человѣческаго элемента, если не къ поглощенію

¹⁾ „Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи“, т. I. Кіевъ, 1910 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 334.

³⁾ Тамъ же, стр. 320—321.

нію собою Божественнаго элемента, то къ подчиненію его себѣ“¹⁾). Хотя, по мнѣнію проф. Свѣтлова, „протестантскимъ типомъ богословія, открывающимъ путь къ широкому индивидуализму въ знаніи“²⁾), обеспечивается „возможность“ и болѣе широкаго развитія самой „науки“, чѣмъ латинскимъ типомъ богословія, однако отрицаніемъ въ протестантскомъ богословіи „безусловной обязательности церковнаго ученія, какъ нормы религіозной мысли“, здѣсь „отводится широкій просторъ“ не только „личности въ знаніи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и субъективизму“. Вслѣдствіе своего освобожденія отъ церкви богословская наука здѣсь не только теряетъ подъ собою твердую почву, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то главное, ради чего она существуетъ—...вести вѣрующихъ подъ сѣнью церкви къ возможной полнотѣ разумѣнія... Христовой истины и служить руководительницею въ вѣрѣ и благочестіи“³⁾). Въ этомъ случаѣ, она, „въ отрѣшеніи отъ церкви, проведенномъ послѣдовательно, до конца“, становится ни чѣмъ болѣе, какъ „наукою для науки, пустымъ упражненіемъ ума“. „На почвѣ православія“,—замѣчаетъ проф. Свѣтловъ,—„отдѣленіе богословія отъ церкви особенно недопустимо“⁴⁾).

Въ виду сказаннаго, „предъявленіе принципа абсолютнаго индивидуализма и осуществленіе его на почвѣ православнаго и, при томъ, русскаго богословія“,—по словамъ проф. Свѣтлова,—„было бы большою неожиданностію. Однако образецъ такого христіанскаго богословія здѣсь данъ намъ въ богословіи нѣкоего М. Тарѣева, бывшаго профессора духовной академіи. По нему, „религіозное творчество и познаніе, подобно художественному творчеству и познанію, образуетъ совершенно самодержавную область“, потому что „все христіанское познаніе развивается только изъ опыта богосыновнихъ (а не „богословскихъ“, какъ напечатано, очевидно, по недосмотру у о. Свѣтлова) переживаній Христа, которыя усвоятся вѣрующими“, и познаніе Бога „дается исключительно опытомъ и запросами религіозной жизни“⁵⁾). „Отсюда

1) Тамъ же, стр. 324.

2) Тамъ же, стр. 325.

3) Тамъ же, стр. 328.

4) Тамъ же, втр. 329.

5) М. Тарѣевъ. „Религіозный синтезъ въ философіи В. С. Соловьева“. „Христ. Чт.“ 1908 г., № 1, стр. 45—46.

богословъ-индивидуалистъ настаиваетъ на принципѣ абсолютнаго индивидуализма или „религіознаго творчества“ въ христіанскомъ зианіи, вслѣдствіе чего богословіе каждаго получаетъ значеніе только субъективно-автобіографическое, какъ выраженіе разныхъ внутреннихъ переживаній и запросовъ религіозной“ личности¹⁾).

Правда, г. Тарѣевъ въ своей полемикѣ съ проф. Свѣтловымъ всячески старается оправдаться отъ предъявленныхъ ему обвиненій въ крайностяхъ принятаго имъ принципа абсолютнаго индивидуализма или индивидуалистическаго религіознаго творчества въ области христіанскаго богословія. Такъ, въ оправданіе свое онъ заявляетъ, что „все его богословствованіе есть лишь истолкованіе жизни и ученія Христа, истолкованіе четвероевангелія, какъ оно принято церковію, въ буквальномъ пониманіи фактовъ жизни и словъ Христа и въ границахъ церковныхъ догматовъ“,—что онъ „ни разу не примѣнялъ принципа субъективнаго постиженія, богословскаго творчества иначе, какъ въ цѣляхъ познанія объективной стороны христіанства“²⁾. И проф. Свѣтловъ, по словамъ г. Тарѣева, тѣмъ болѣе, будто бы, несправедливъ въ своихъ „страстныхъ выпадахъ“ противъ его системы богословскаго творчества, что, по собственному признанію послѣдняго, „эта религіозная система не имѣетъ въ его глазахъ ни конфессіонально-дидактическаго, ни чисто объективнаго значенія“,—что онъ даетъ лишь „личное пониманіе христіанства, личное религіозное міровоззрѣніе“,—что въ его „книгахъ обсуждается не та сторона христіанства, которая образуетъ общепринятую церковную формулу и общепризнанную внѣшне-научную рамку христіанской религіи, но то въ христіанствѣ, что лежитъ за этою формулою и за этой рамкой и что неизбѣжно предполагаетъ субъективное переживаніе, индивидуальное освѣщеніе“³⁾.

Но всѣ эти и подобныя⁴⁾ оправданія г. Тарѣева, который для большей убѣдительности ссылается въ данномъ случаѣ на тѣ или другія мѣста своихъ писаній, при нѣкоторой *„невразумительности“* его языка и *„неточности“* фор-

¹⁾ См. „Христіанское вѣроученіе“, т. I, стр. 331. Ср. „Богослов. Вѣстникъ“ 1908 г., май, стр. 143; июнь—іюль, стр. 338.

²⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 310—314.

³⁾ См. предисл. къ I-му тому „Основъ христіанства“, стр. 6. Ср. „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 313.

⁴⁾ „Христіанинъ“, стр. 307.

мулировки его мыслей, къ сожалѣнію, не отличающихся *опредѣленностью* смысла“¹⁾,—не достигаютъ, какъ сейчасъ увидимъ, своей цѣли или, по крайней мѣрѣ, едва ли могутъ быть признаны достаточными для этой цѣли, такъ что рѣшительный отзывъ „грознаго законоучителя“, какъ величаетъ г. Тарѣевъ проф. Свѣтлова, о системѣ религіозной мысли нашего рецензента, повидимому, долженъ сохранить всю свою силу.

„Кіевскій апологетъ“, какъ иначе еще называетъ о. Свѣтлова г. Тарѣевъ, указываетъ въ богословствованіи послѣдняго такія крайности „абсолютнаго индивидуализма“, при которыхъ, по его словамъ, „не оцѣнится никакого мѣста для объективнаго божественнаго элемента“²⁾, и которыя, если еще не внушаютъ „ужаса передъ его религіознымъ творчествомъ“³⁾, то, во всякомъ случаѣ, не могутъ не возбуждать въ православномъ читателѣ невольнаго смущенія и недоразумѣнія, представляя ему въ неправильномъ, съ точки зрѣнія ученія Церкви, освѣщеніи нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, стороны христіанства.

По убѣжденію проф. Свѣтлова, основанному на многочисленныхъ, цитируемыхъ имъ, мѣстахъ сочиненій г. Тарѣева⁴⁾, все зло тарѣевского принципа „абсолютнаго индивидуализма“ въ христіанскомъ знаніи — *отъ нѣмцевъ*⁵⁾. „Конечно“—пишетъ проф. Свѣтловъ,—„религіозное творчество“ М. Тарѣева не во всемъ объемѣ самобытно или „самодержавно“. Въ значительной части своей богословіе М. Тарѣева есть эхо лютеранскаго ричліанскаго богословія, такъ какъ имъ заимствованъ отсюда агностическій или адогмати-

1) И оффиціальныи рецензентъ его докторскаго сочиненія: „Философія евангельской исторіи“ замѣчаетъ, что въ этомъ сочиненіи встрѣчаются „туманныя (к. н.) страницы, неудобовоспріимлемыя (к. н.) даже и учащихъ въ Академіи“! (Протоколъ засѣд. сов. Москов. д. акад. 4 іюня 1904 г. „Богослов. Вѣстн.“ 1905 г. мартъ, стр. 176).

2) „Христіанское вѣроученіе“, т. I, стр. 333.

3) Тамъ же, стр. 334.

4) „Христ. Чтеніе“, № 1, стр. 45—48; „Богосл. Вѣстн.“ 1908 г., № 3, стр. 443—444, 429, 421, 429—431, 449—455, особен. 451—452, 445—448 („Царство Божіе“); „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., № 2, стр. 221 и дал., 230, 231, 245—255, 245 и дал., 248, особен. 249—250, 252—254 („Спаситель“); „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., стр. 92, 103—105, 106—108, 109—119 и др. („Духовная праведность“); „Богослов. Вѣстн.“ 1907 г., № 12, стр. 627—628, 620, 630—639, 661—662 („Христіанство и религія Розанова“).

5) Ср. „Богослов. Вѣстникъ“ 1910 г., іюль—авг., стр. 512.

ческий принципъ, въ силу котораго все, выходящее за предѣлы христіанскаго опыта („переживаній“), не подлежитъ вѣдѣнію богословія; нѣтъ ничего новаго у М. Тарѣева въ его несправедливомъ презрѣніи къ „церковно-догматическому“ христіанству, исказившему будто бы „чистую евангельскую идею“,—ничего новаго въ этомъ рѣзкомъ противоположеніи церковнаго христіанства библейскому христіанству Евангелія, что отличало-бы богословіе М. Тарѣева отъ богословія ричліанства и раціонализма вообще“. Къ числу позаимствованій г. Тарѣева отъ „вульгарнаго раціонализма“ или вообще „раціонализма“ проф. Свѣтловъ еще относитъ: его „отрицаніе церкви или отрицаніе ея значенія въ христіанствѣ“, отрицаніе догмата искупленія или „упраздненіе Креста Христова“ въ искупленіи“, „свободное“ его „обращеніе съ эсхатологіею и нравственно-символическое толкованіе догматовъ изъ этой и другихъ областей догматики, напр., второго пришествія и страшнаго суда въ смыслѣ суда исторіи“ и „многое подобное“¹⁾.

Находитъ проф. Свѣтловъ въ богословствованіи г. Тарѣева и нѣчто новое и оригинальное. Въ этомъ отношеніи, *первой*, „самой характерной чертой религіознаго міросозерцанія М. Тарѣева“,—по наблюденію о. Свѣтлова,—„долженъ быть отмѣченъ проникающій его *религіозный индивидуализмъ*, особенно прискорбный для христіанской религіи любви и единенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа, связанныхъ въ жизни и знаніи „посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей“ (Ефес. 4, 16) въ единое Тѣло Христово, въ Церковь. вмѣсто этого христіанство Тарѣева является откровеніемъ полноты жизни и знанія, приуроченной къ отдѣльнымъ личностямъ,—какой-то „абсолютности евангельской жизни, абсолютности личности“, выражаясь неуклюжимъ языкомъ г. Тарѣева. Религіозный индивидуализмъ этого рода въ качествѣ цѣльнаго настроенія личности былъ-бы... самопревозношеніемъ мнимою абсолютностью, естественно соединеннымъ съ презрѣніемъ къ мірской условности... включая сюда жизнь общественную во всѣхъ ея формахъ вплоть до Церкви, которой не находится мѣста въ индивидуалистическомъ міросозерцаніи М. Тарѣева“²⁾. Оказывается, что г. Тарѣевъ,

¹⁾ „Христ. вѣроученіе“, т. I, стр. 331. Ср. „Богослов. Вѣсти.“ 1902 г., май, стр. 56—57.

²⁾ Тамъ же, стр. 381—382.

„въ представленіи полной свободы и независимости отъ вліяній христіанства для соціальной условности“, вполнѣ „солидаренъ съ *В. Розановымъ*“. По крайней мѣрѣ, онъ, какъ замѣчаетъ проф. Свѣтловъ, „вызвалъ восторгъ Розанова—язычника“ именно „своею настойчивою проповѣдью совершеннаго безучастія христіанства для семьи, общества, государства, культуры,—о вредѣ отъ вмѣшательства Евангелія въ естественную жизнь, управляющуюся своими законами, съ „евангельскою абсолютностію“ ничего общаго не имѣющую“¹⁾.

„Другую“, болѣе или менѣе оригинальную, тѣсно связанную съ первой, характерную черту индивидуалистическаго богословствованія г. Тарѣева, проф. Свѣтловъ видитъ въ „ригоризмѣ или *ложномъ спиритуализмѣ*“,—въ „рѣзкомъ раздѣленіи природы и благодати, духовной и естественной жизни, по мѣстамъ отдающемъ манихействомъ“. „Этою чертою“, говоритъ о. Свѣтловъ, „богословъ-индивидуалистъ, повидимому, обособляется отъ представителей „новаго религіознаго сознанія“²⁾. Но это только повидимому; явный шагъ къ сближенію съ этимъ моднымъ для нашего времени *ницшеанствомъ въ христіанствѣ*³⁾ дѣлается въ мистическихъ прорицаніяхъ или, лучше, невразумительномъ бормотаніи М. Тарѣева объ имѣющемъ совершиться въ будущемъ ни съ того ни съ сего сліяніи плоти и духа, христіанства и міра въ новомъ фазисѣ христіанскаго сознанія послѣ самаго рѣзкаго и по причинѣ именно этого рѣзкаго ихъ раздѣленія“. Способствовать этому „взялся именно М. Тарѣевъ своею проповѣдью абсолютной отрѣшенности христіанской религіи отъ мірской жизни, призывомъ хъ пре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 333.

²⁾ Это *пресловутое* „новое религіозное сознаніе“, иначе именуемое декадентскимъ, „новымъ христіанствомъ“, имѣетъ, по словамъ о. Свѣтлова, „претензію на замѣну истиннаго историческаго христіанства новою религіею путемъ новыхъ религіозныхъ откровеній, новаго религіознаго сознанія и безграничнаго творчества индивидуальной религіозно-богословской мысли“ (тамъ же, стр. 330). Подробнѣе объ этомъ „неохристіанствѣ“ см. нашу книгу: „Современное декадентство и христіанство“. Кіевъ, 1909 г.

³⁾ По словамъ о. Свѣтлова, „религіозному ницшеанству“ свойственно обоготвореніе личности съ приуроченіемъ къ ней только всей полноты всякой и въ томъ числѣ религіозной жизни и знанія“ (тамъ же).

быванію „на высотахъ вѣчности съ предоставленіемъ „полной свободы“ для соціальной условности“. Эту-то проповѣдь дуализма, „соціальной условности“ и „личной абсолютности“ онъ „думалъ послужить какимъ-то образомъ скорѣйшему вступленію христіанства въ высшій завершительный фазисъ развитія новаго откровенія Духа“ 1).

Подводя итогъ своимъ сужденіямъ объ индивидуалистическомъ богословствованіи г. Тарѣева, построенномъ на основѣ какихъ-то, чисто фантастическихъ „переживаній“, проф. Свѣтловъ дѣлаетъ такое, „предостерегающаго“ характера, заключеніе: „Кажется“,— пишетъ онъ,— „трудно идти дальше тарѣевского христіанства“ по пути абсолютнаго „творчества въ богословіи“, и состряпанная творческимъ воображеніемъ М. Тарѣева карриатура на христіанство, на основаніи какихъ-то его переживаній, лучше всякихъ словъ самымъ дѣломъ предостерегаетъ отъ краностей индивидуализма въ христіанскомъ знаніи. Въ такомъ богословіи не остается никакого мѣста для объективнаго божественнаго элемента; все сведено къ творчеству „самодержавной“ личности, ея разумѣнія. Поэтому здѣсь нѣтъ христіанскаго знанія“ 2).

Но г. Тарѣевъ не согласенъ съ такой характеристикой своего религіозно-богословскаго „творчества“. Онъ утверждаетъ, хотя, впрочемъ, голословно, что о. Свѣтловъ, „усвоивъ ему ложный спиритуализмъ, презрѣніе къ „мірской условности“, мысль о „слиянніи плоти и духа“, будто бы „искажаетъ его міровоззрѣніе, которое рѣшительно направляется противъ спиритуализма, противъ презрѣнія къ мірской условности, противъ слиянія плоти и духа“ 3). Увѣреніе же проф. Свѣтлова, что г. Тарѣевъ „мистически прорицаетъ“ о грядущемъ „слиянніи плоти и духа“, будто бы, есть не болѣе, какъ продуктъ „бредовыхъ измышленій больной головы кѣвскаго апологета“ 4). Но едва ли такъ обстоитъ это дѣло, какъ старается представить его г. Тарѣевъ, уже потому одному, что не одинъ только проф. Свѣтловъ такъ именно характеризуетъ богословствованіе г. Тарѣева. Есть и другіе не

1) Тамъ же, стр. 332—333.

2) Тамъ же, стр. 333—334.

3) „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 319.

4) „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., июль—августъ, стр. 512, примѣч.

менѣе солидные богословы, которые точно также на основаніи документальныхъ данныхъ, взятыхъ изъ сочиненій г. Тарѣева, высказываютъ подобныя же сужденія о тарѣевскомъ религіозно-богословскомъ творествѣ съ сопровождающими его нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, „кушпюками“ (терминъ г. Тарѣева). Не у всѣхъ-же въ самомъ дѣлѣ оппонентовъ г. Тарѣева „больныя головы“ на плечахъ! Тотъ-же, кто позволяетъ себѣ думать иначе, не даетъ ли повода усумниться въ нормальности его собственной психики?

Но послушаемъ, что говорятъ эти другіе. *М. Брандинъ*, въ своей превосходной статьѣ: „Евангеліе по своему существу индивидуально и социальное“¹⁾, приведши слова Соловьева: „Если царство Божіе есть сочетаніе благодати Божіей съ человѣкомъ, то, конечно, не съ человѣкомъ, обособляющимся въ своемъ эгоизмѣ, а человѣкомъ, какъ живымъ членомъ всемірнаго цѣлаго“²⁾,—пишетъ: „эти слова совершенно забыты индивидуалистическимъ, или ложно-аскетическимъ пониманіемъ Евангелія, къ представителямъ котораго“ онъ относитъ—наряду съ *Л. Толстымъ*—и проф. Тарѣева.

„По мнѣнію Тарѣева“,—говоритъ г. Брандинъ,— „между духомъ и плотію, по Евангелію, нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія“. Если „Евангеліе“,—какъ утверждаетъ г. Тарѣевъ,—„абсолютно, то, въ непосредственномъ примѣненіи къ плотской мірской жизни, оно отрицаетъ всѣ ея формы“³⁾ Такъ опредѣляя сущность Евангелія, г. Тарѣевъ, по словамъ *М. Брандина*, „свидѣтельствуется свою солидарность съ Толстымъ и съ особенной похвалой относится къ послѣднему за то, что тотъ во имя Евангелія отрицаетъ мірскую жизнь, даже самое плотское существованіе“⁴⁾.

Въ подтвержденіе крайне индивидуалистическаго пониманія Евангелія г. Тарѣевымъ, *М. Брандинъ* ссылается еще на слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія „Духъ и плоть“. „Евангелію дороги люди, но ему нѣтъ дѣла до законовъ естественной жизни, до формъ и видовъ плотского

1) „Вѣра и Разумъ“ 1908 г., № 23.

2) „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 8, 1801 г., стр. 15.

3) „Богослов. Вѣстн.“ 1905 г., январь („Духъ и плоть“), стр. 25.

4) „Вѣра и Разумъ“ 1908 г., № 23, стр. 631.

существованія“¹⁾ Разбирая это мѣсто, г. Брандинъ говоритъ: „Мы согласны съ тѣмъ, что абсолютная цѣнность человѣческой личности—вотъ евангельскій критерій для оцѣнки всего внѣшняго по отношенію къ ней. Но чрезъ эту личность внутри ея, осуществляется центральная евангельская идея, такъ какъ возрожденная личность неизбѣжно измѣняетъ окружающую ея среду. Конечно, мы согласны съ Тарѣевымъ, что безусловное не можетъ слиться съ условнымъ, но въ послѣднемъ абсолютное преломняется посредствомъ личности“. И „евангельское абсолютное, отражаясь въ разнообразныхъ формахъ условной человѣческой жизни, не принижается къ нимъ, а одухотворяетъ, оживляетъ ихъ, подобно солнцу, которое, разсѣваясь лучами по всему міру, не теряетъ своей сущности“. „Можно согласиться съ Тарѣевымъ, что, съ евангельской точки зрѣнія, внѣшнія формы безразличны: нѣтъ собственно христіанской формы жизни. Но, вѣдь, нѣтъ ни одной внѣшней формы, которая существовала бы сама по себѣ, безъ отношенія къ личности. Однѣ формы помогаютъ полному и всестороннему проявленію внутренней энергіи человѣческой личности, другія, наоборотъ, служатъ тормазомъ для духовной жизни и развитія послѣдней. Всѣ явленія матеріальной и духовной жизни, даже явленія природы, поскольку онѣ вліяютъ на человѣческія отношенія, подлежатъ этической оцѣнкѣ. Поэтому, неправъ Тарѣевъ, говоря, что ради Евангелія нужно отвергнуть науку, искусство, государство, бракъ, — все это не можетъ вынести „евангельскаго абсолютизма“²⁾. Безъ сомнѣнія, повторяемъ, нѣтъ ни одной внѣшней христіанской формы жизни: когда говорятъ о христіанскомъ государствѣ, правѣ, собственности, бракѣ, наукѣ, искусствѣ, то разумѣютъ воздѣйствіе на эти внѣшнія формы евангельскихъ началъ, проникновеніе ихъ духомъ Христовымъ“³⁾.

Разобравши, затѣмъ, индивидуалистическій взглядъ на Евангеліе и Толстого⁴⁾, М. Брандинъ пишетъ: „Разсмотрѣн-

1) „Богослов. Вѣстн.“ 1905 г., январь, стр. 9.

2) Тамъ же, стр. 25.

3) „Вѣра и Разумъ“ 1908 г., № 23, стр. 632—633.

4) Въ ученіи Толстого г. Тарѣевъ, при всей солидарности съ нимъ, находитъ одну ту *непослѣдовательность*, что „Толстой въ евангеліи видитъ не только содержаніе лично-духовной жизни, но и норму общественнаго благоустройства“ (тамъ же, стр. 631—632).

ное индивидуалистическое пониманіе Евангелія Толстымъ и Тарѣвымъ не иное что, какъ ложно-аскетическое отношеніе къ плоти и духу (дуалистическое). По мнѣнію послѣдняго, всякая внѣшняя форма-порожденіе злого начала; форма-оковы, темница для духа. Поэтому, задача христіанина не улучшение формы, а освобожденіе духа отъ послѣдней, бѣгство отъ міра, отъ всѣхъ формъ общественной дѣятельности. Христіанство тоже учитъ аскетизму, т. е. борьбѣ съ міромъ, чувственностію, эгоизмомъ, но не говорить о бѣгствѣ отъ міра, а требуетъ побѣды подъ нимъ. Ложный аскетизмъ отождествляетъ понятіе зла съ понятіемъ о матеріи, борется съ формами жизни; истинный же аскетизмъ борется не съ формами, а со зломъ, находящимся въ человѣческомъ духѣ. Истинный аскетизмъ не бѣжитъ отъ міра, а путемъ дѣятельной любви, активной борьбы со зломъ, стремится къ побѣдѣ надъ нимъ въ индивидуальной и соціальной жизни“¹⁾).

Итакъ, индивидуалистическое пониманіе Евангелія, въ заключеніе говоритъ М. Брандинъ,—„односторонне“; „оно искажаетъ истинный духъ его, дѣлаетъ Евангеліе, книгу жизни, мертвой, безжизненной, какъ бы во имя абсолютнаго, убиваетъ тѣло человѣка и уничтожаетъ соціальную сторону Евангелія“²⁾).

Что же касается того утвержденія проф. Свѣтлова, которое г. Тарѣвъ призналъ продуктомъ „бредовыхъ измышленій больной головы кievскаго апологета“; т. е. утвержденія, что Тарѣвъ „мистически прорицаетъ объ имѣющемъ совершиться въ будущемъ ни съ того ни съ сего слиянія плоти и духа, христіанства и міра въ новомъ фазисѣ христіанскаго сознанія“, — то его поддерживаетъ, ссылаясь на *нѣкоторыя* „изъ многихъ мѣстъ“ сочиненій послѣдняго, проф. С. М. Заринъ, когда говоритъ, что его безжалостный критикъ „возводитъ себя на высоту пророческаго озаренія, пророческаго предвидѣнія будущаго“, а ему „отказываетъ въ самомъ скромномъ участіи въ христіанскомъ опытѣ, въ христіанской жизни“³⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 636.

²⁾ Тамъ же, стр. 637.

³⁾ „Христ. Чт.“ 1909 г., апрѣль, стр. 639.

Впрочемъ, проф. Заринъ въ своей полемикѣ съ г. Тарѣевымъ обратилъ должное вниманіе и на нѣкоторыя *другія, частнаго* характера, крайности его индивидуализма въ христіанскомъ знаніи. Мало того. Онъ подвергъ критическому обсужденію и самый принципъ абсолютно-индивидуалистическаго творчества въ богословіи, провозглашенный г. Тарѣевымъ. Начнемъ съ послѣдняго.

По извѣстному уже намъ общему категорическому приговору г. Тарѣева, въ работѣ проф. С. М. Зарина объ „Аскетизмѣ“, будто бы, „рѣшительно отсутствуетъ интуитивное начало, лично творческое“¹⁾. Въ частности, критикъ находитъ, что, во-первыхъ, проф. Заринъ игнорируетъ личный моментъ, поскольку онъ отражается, въ міровоззрѣніи разсматриваемыхъ имъ отдѣльныхъ представителей христіанскаго аскетическаго міросозерцанія, а, во-вторыхъ, самъ не обнаруживаетъ личнаго творчества, не даетъ „ни одного штриха своего личнаго міровоззрѣнія“²⁾.

Въ отвѣтъ на оба эти обвиненія проф. Заринъ, безъ сомнѣнія, высказываетъ отрицательное свое отношеніе къ принципу абсолютнаго индивидуализма въ богословскомъ творествѣ г. Тарѣева. По первому пункту Заринъ отвѣчаетъ: „Вполнѣ постигая значеніе личнаго элемента въ той или другой религіозной системѣ, считая это положеніе общеизвѣстнымъ, а потому и не выдвигая его *explicite*, специально,—я долженъ былъ считаться, однако, и съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что личная точка зрѣнія на всякій, а тѣмъ болѣе на религіозный вопросъ, ограничена и сама по себѣ недостаточна въ смыслѣ объективнаго выясненія той или другой идеи; проходя и преломлясь чрезъ призму личнаго міровоззрѣнія, хотя бы и весьма искренняго, и высокаго, та или другая истина оказывается запечатлѣнною чертами индивидуальной ограниченности и человѣческой односторонности. Въ зависимости отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей, тотъ или другой авторъ, — въ данномъ случаѣ тотъ или другой богословъ,—отражаетъ въ своемъ міровоззрѣніи и выражаетъ въ своихъ литературныхъ трудахъ по преимуществу какую-либо *одну* сторону многогранной истины. Нерѣдко бываетъ, что при этомъ затушевы-

1) „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., июнь, стр. 328.

2) Тамъ же, стр. 332.

ваются или сглаживаются другія стороны истины, излишне преувеличиваются и преуменьшаются въ своемъ значеніи“¹⁾.

Уже въ этомъ превосходномъ отвѣтѣ проф. Зарина на первый обвинительный пунктъ содержатся совершенно достаточныя данныя для отвѣта и на второй пунктъ, по которому проф. Заринъ, будто бы, не проявляетъ въ своей собственной работѣ никакого личнаго творчества. Но у него есть на этотъ послѣдній пунктъ предъявленнаго ему обвиненія и *нарочитый*, специальный, не менѣе основательный, отвѣтъ. „Мнѣ требовалось“, — пишетъ онъ, — „оттѣнить именно *объективный* базисъ системы, субъективный же — въ необходимой степени и въ должной мѣрѣ — естественно подразумѣвался самъ собою. Выдвигать же его нарочито и специально, какъ того требуетъ проф. М. М. Тарѣевъ и какъ это онъ *самъ* дѣлаетъ въ своей системѣ, для меня было рѣшительно неудобно. Самъ критикъ въ своей „Философіи евангельской исторіи“ исходнымъ пунктомъ въ пониманіи жизни Іисуса Христа считаетъ „внутренній опытъ“ (стр. 27). По этому поводу оффиціальныи рецензентъ сдѣлалъ замѣчаніе: „но чѣмъ тогда будетъ отличаться пониманіе личности Христа какимъ-либо сектантомъ или заблуждающимся человѣкомъ отъ надлежащаго правильнаго пониманія“²⁾.... „Тѣмъ болѣе я не могъ бы употреблять не только такихъ, но и подобныхъ фразъ: „мы углубляемъ пониманіе евангелія и договариваемъ обѣтованное въ немъ“³⁾. „Я на свой трудъ смотрю скромнѣе. Въ своей рѣчи предъ защитой диссертациі я говорилъ, что у меня „не можетъ быть рѣчи объ открытіи какихъ-либо неизвѣстныхъ доселѣ истинъ или даже о совершенно новой точкѣ зрѣнія“, хотя этимъ не исключается, что моя работа можетъ послужить въ той или другой степени, „углубленію сознанія въ постиженіи истины“ и „расширенію горизонта богословской мысли“⁴⁾... „Что же касается опыта моего *лично*, то, конечно, онъ въ той или другой степени долженъ былъ имѣть мѣсто, обу-

1) „Отвѣтъ на критику проф. М. М. Тарѣева“. „Христ. Чтеніе“ 1908 г., октябрь, стр. 1388—1389.

2) Цитир. проток. „Богослов. Вѣстн.“ 1905 г., мартъ, стр. 174.

3) Проф. Тарѣевъ. Христ. пробл., стр. 194—195. Серг. Пас. 1907 г.

4) „Христ. Чт.“ 1909 г., апрѣль, стр. 626.

словливая самую возможность проникновенія въ эту область“... „Но я бы никогда не рѣшился утверждать, что... мой „личный опытъ ведетъ къ признанію наивысшей исторической цѣнности за евангельскимъ словомъ“¹⁾.

Не менѣе ясно выступаетъ несостоятельность тарѣвскаго принципа абсолютно-индивидуалистическаго творчества въ богословіи, при критическомъ обсужденіи проф. Заринымъ взгляда г. Тарѣева на существо и отличительный характеръ христіанской этики. Г. Тарѣевъ утверждаетъ, что „въ богословской этикѣ“, у cadaго представителя христіанско-этического міровоззрѣнія“, „наиболѣе важное“ „выступаетъ за грани догматическихъ формулъ и общихъ положеній, поскольку оно относится къ интимнымъ переживаніямъ и личной мысли“, такъ что въ этой области „наиболѣе цѣннымъ является живое, интимное, индивидуальное“²⁾. На взглядъ проф. Зарина, это утвержденіе г. Тарѣева нуждается въ существенныхъ оговоркахъ. „Безспорно“,—говоритъ онъ,—„важное значеніе имѣютъ „исторія христіанскаго этического развитія и монографическая характеристика его представителей“... „Но, если смотрѣть не съ исторической, а съ нормативной точки зрѣнія, то „личное“ и „индивидуальное“ имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку оно является или „наиболѣе высокимъ моментомъ“ въ переживаніи и постиженіи той или другой идеи, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ его наиболѣе типичныхъ фазисовъ, характерныхъ моментовъ. „Интимный“ моментъ объективно важенъ только постольку, поскольку онъ своею яркостью, силою, глубиною освѣщаетъ и поскольку онъ помогаетъ установить, управляющіе тою или другою стороною жизни и творчества челоука, законы... „Интимное“ въ собственномъ смыслѣ, чисто индивидуальныи моментъ, собственно даже не передаваемы, не могутъ быть выражены ни словомъ, ни другимъ какимъ-либо символомъ. То, что составляетъ подлинную основу личной индивидуальности, доступно въ полной мѣрѣ только собственному самонаблюденію (ср. 1 кор. 2, 11)... Если даже въ области художественнаго творчества наиболѣе цѣнное только въ особенно счастливыхъ—весьма рѣдкихъ—сравнительно случаяхъ,—совпада-

¹⁾ Тамъ же, стр. 638—639.

²⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., іюнь, стр. 330.

еть съ „индивидуальнымъ“ моментомъ,—то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно, такъ называемыхъ, *нормативныхъ* наукъ, къ которымъ принадлежитъ и этика“¹⁾... „Во всякомъ случаѣ и по отношенію къ богословской этикѣ имѣеть полное примѣненіе общепринятый тезисъ, что „научнымъ положеніемъ можетъ быть лишь то, которое имѣеть право на всеобщее достовѣрное понятіе или законъ“²⁾.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ, отмѣченнымъ проф. Заринымъ, *частными* недочетамъ или крайностямъ тарѣвскаго индивидуализма въ религіозно-богословскомъ знаніи.

Въ своемъ капитальномъ трудѣ объ „Аскетизмѣ“ проф. С. М. Заринъ указалъ на „неточности выраженія“ у г. Тарѣва православнаго ученія (стр. 307—308) по нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, пунктамъ. Такъ, онъ *не вполне* соглашается съ г. Тарѣвымъ въ воззрѣніи его на человѣческое тѣло, „въ значительной мѣрѣ объясняя аргументацію и способъ выраженія у него православнаго ученія по этому предмету „крайностями разбираемаго имъ взгляда“ защитниковъ „святой плоти“, „святого сладострастія“³⁾. По словамъ проф. Зарина, „проф. М. М. Тарѣвъ имѣеть тенденцію вовсе отказать тѣлу, матеріальному элементу человѣческой природы, въ возможности и способности достигнуть „обоженія“, общенія съ Богомъ какимъ бы то ни было образомъ“⁴⁾. „Нѣкоторыя“ *неточныя* выраженія у г. Тарѣва православнаго ученія по данному и соприкосновеннымъ съ нимъ пунктамъ, по замѣчанію проф. Зарина, могутъ подать поводъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ и—по крайней мѣрѣ, отчасти,—къ справедливымъ нареканіямъ“⁵⁾. „Вѣдь, это *фактъ*“,—продолжаетъ онъ,—„а не мое только личное впечатлѣніе. Такія недоразумѣнія начали высказываться въ печати, какъ только появилась въ свѣтъ—въ видѣ отдѣльной статьи—трактующая XI глава „Философіи евангельской исторіи“. Оффиціальныи рецензентъ этой диссертациі вынесъ точно такое же впечатлѣніе въ данномъ отношеніи.

1) „Христ. Чт.“ 1909 г., апрѣль, стр. 634—636.

2) Тамъ же, стр. 637. Ср. проф. Е. А. Будринъ. Отзывъ о сочиненіи проф. В. И. Несмѣлова: „Наука о человѣкѣ“. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1908 г., іюль—августъ, стр. 161.

3) „Аскетизмъ“, I, стр. 198—199.

4) Тамъ же, стр. 201.

5) Тамъ же, стр. 204.

„Рѣчь о таинствѣ хлѣба и вина“,—пишетъ онъ,—„не предваренная особыми замѣчаніями можетъ смутить многихъ“ (7, 194, 197). То же самое нужно сказать и о слѣдующихъ положеніяхъ автора: „христіанское воскресеніе“ (§ 65), духовность воскресенія (§ 57), чудеса благодѣянія (107) и др.)¹⁾ Рецензентъ указываетъ на замѣтку прот. Лаврскаго, какъ на доказательство того, что такое смущеніе уже есть“²⁾.

Но „самое важное недоумѣніе“ у проф. Зарина возникаетъ по поводу разсужденій г. Тарѣева о человѣческомъ бракѣ. „Мнѣ представляется“,—пишетъ проф. Заринъ,—„что по воззрѣніямъ проф. М. М. Тарѣева, если ихъ провести послѣдовательно, Евангеліе, принципиально ни мало не затрогивая природнаго существа брачной жизни, фактически дѣлаетъ бракъ, какъ форму жизни, совершенно невозможнымъ“. Сущность воззрѣнія г. Тарѣева на бракъ кратко можетъ быть выражена слѣдующими подлинными его словами: „семья, по евангельскому ученію, можетъ стать преградой на пути къ вѣчной (абсолютно-божественной) жизни со стороны семейнаго эгоизма, самымъ нагляднымъ видомъ котораго можно назвать семейную собственность. Чтобы понять всю трудность этого столкновенія, слѣдуетъ оцѣнить, съ одной стороны, всю высоту абсолютнаго евангельскаго идеала и, съ другой, всю глубину семейнаго эгоизма. Оставь отца и мать, жену и дѣтей, раздай все имѣніе: вотъ евангельское требованіе“³⁾. И вотъ „изъ этого“,—говоритъ проф. Заринъ,—„дѣлается (г. Тарѣевымъ) выводъ (знакомый уже намъ изъ предыдущаго), что „примѣненіе евангелія непосредственно къ формамъ мірской жизни“, въ частности, „къ устройству семьи“ невозможно и не должно имѣть мѣста. „Чистое евангельское христіанство должно носить только въ душѣ“⁴⁾, не примѣняя его непосредственно къ формамъ жизни, въ частности, и къ жизни семейной“⁵⁾.

¹⁾ Цитир. протоколы С. М. дух. акад., стр. 175.

²⁾ „Христ. Чтеніе“ 1909 г., январь, стр. 98—99.—Прот. Лаврскій съ спокойною совѣстію вотъ что писалъ, между прочимъ, въ своей замѣткѣ: „лишилъ насъ ученый богословъ (г. Тарѣевъ) вѣры въ дѣйствительность Христова воскресенія“ („Мисс, Обзорніе“ 1904 г., № 7).

³⁾ „Христ. пробл.“, стр. 223; „Основы христіанства“. Серг. Пос., 1908 г., т. IV, стр. 409.

⁴⁾ „Христ. пробл.“, стр. 235; „Осн. христ.“, т. IV, стр. 411.

⁵⁾ „Христ. Чт.“ 1909 г., январь, стр. 110—111.

„Но довольно. Не можемъ больше злоупотреблять гостеприимствомъ“ ж. В. и Р. Тѣмъ болѣе, что и изъ приведенныхъ нами мыслей почтенныхъ богослововъ, избличающихъ крайности индивидуалистическаго богословствованія г. Тарѣева, съ ясностію открывается вся суть этого богословствованія: оно, по своему существу, есть не болѣе, какъ своего рода *фантазированіе* на богословскія темы, есть „не вразумительное“, по выраженію проф. Свѣтлова, „бормотаніе“ и, притомъ, бормотаніе, какъ очевидно, вовсе не безвредное для православно-христіанскаго знанія и истинно-христіанской жизни. Неудивительно, что подобное „бормотаніе“ могло нанести „грандіозную пощечину“ (пользуемся эффектнымъ выраженіемъ самого г. Тарѣева) печатающей его редакціи ж. „Христіанинъ“, который (вмѣстѣ съ ж. „Слово Истины“), если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, будучи допущенъ ранѣе къ чтенію нижнихъ чиновъ, въ настоящее время признанъ безусловно нежелательнымъ для распространенія среди этихъ чиновъ, какъ „проводящій взгляды религіозной секты евангельскихъ христіанъ“¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что богословскія работы г. Тарѣева, содержаніемъ которыхъ служить „личное религіозное міросозерцаніе“, „личное богословское творчество“, разумѣется, въ духѣ его „абсолютнаго индивидуализма“, не оставляющаго „никакого мѣста для объективнаго божественнаго элемента“, представителями строго научнаго богословія, по свидѣтельству самого же г. Тарѣева²⁾, „совершенно не принимаются“, „не признаются“, встрѣчаются съ „пренебреженіемъ“. „Такое отношеніе къ своимъ религіознымъ идеямъ, къ своей религіозной системѣ, я встрѣчалъ не разъ“, признается г. Тарѣевъ³⁾. За такое именно отношеніе къ своему богословствованію онъ обзываетъ проф. Свѣтлова „проникнутымъ ограниченнымъ самодовольствомъ и дикою нетерпимостію“⁴⁾, а проф. С. М. Зарина и даже протопр. І. Л. Янышева—„стоящими на низкой степени религіозной критики“⁵⁾. Что явно, по меньшей мѣрѣ, невнимательное отношеніе къ плодамъ „личнаго религіозно-богословскаго твор-

1) См. „Русское Слово“ 1915 г., № 237.

2) „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., май, стр. 143; іюнь, стр. 333, 335—339.

3) Тамъ же, стр. 334.

4) „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., іюнь, стр. 334, примѣч. 1.

5) Тамъ же, ср. стр. 333.

чества“ г. Тарѣва, со стороны серьезныхъ представителей богословской науки, неприятно ему, возмущаетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не безразлично для него,—это доказывается укоромъ, брошеннымъ имъ извѣстному нашему моралисту, покойному преосвящ. Стефану—этому „носителю и служителю убѣжденій, человѣку долга и правды церковной“¹⁾. „Уничжаетъ меня еп. Стефанъ“,—пишетъ г. Тарѣвъ,—„тѣмъ, что, обозрѣвая²⁾ всѣ системы нравственнаго богословія и даже ученныя работы, которыя, хотя и не даютъ намъ прямыхъ данныхъ къ рѣшенію вопроса о построеніи системы православнаго нравоученія, однако могутъ дать не мало цѣннаго матеріала для построенія и содержанія существенныхъ отдѣловъ таковой системы“, даже не упоминаетъ моихъ работъ“³⁾. И хорошо сдѣлалъ преосвященный Стефанъ, что не включилъ въ свое обозрѣніе право-учительныхъ системъ богословскихъ писаній г. Тарѣва. Иначе, его осудили бы за это серьезные богословы-моралисты. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно ставить въ одинъ рядъ съ православными этическими системами продукты тарѣвскаго суемудрія, именуемаго „самодержавнымъ религіознымъ творчествомъ“? Такъ нехорошо обстоитъ дѣло съ богословскими работами г. Тарѣва въ настоящее время. Если же позволительно по настоящему судить о томъ, чего можно ожидать отъ будущаго, то едва ли это дѣло пойдетъ лучше и въ будущемъ, даже ближайшемъ будущемъ. По крайней мѣрѣ, мы глубоко увѣрены, что не пройдетъ и пяти—десяти лѣтъ, какъ отъ всѣхъ томовъ „Основъ христіанства“ г. Тарѣва останется одинъ пустой слѣдъ въ памяти народной. Ибо богословствованіе г. Тарѣва, по рѣшительному и совершенно справедливому отзыву проф. Свѣтлова, есть не болѣе, какъ „продуктъ его индивидуальнаго „самодержавнаго“ религіознаго творчества, не представляющій рѣшительно никакого значенія для тѣхъ, которые въ богословіи ищутъ средствъ къ познанію христіанства, а не автобіографій богослововъ, едва ли кому нужныхъ за неизвѣстностію ихъ авторовъ“⁴⁾. И въ самомъ

¹⁾ Слово Архіеп. Харьк. Антонія, при погребеніи преосв. Стефана, Архіеп. Курскаго. „Вѣра и Разумъ“ 1914 г., № 13.

²⁾ Разумѣется—въ своей книгѣ: „Къ вопросу о системѣ православнаго христіанскаго нравоученія“. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1910 г.

³⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., сентябрь, стр. 114, примѣч. 1.

⁴⁾ Христіанское вѣроученіе“, т. I, стр. 332.

дѣлѣ, цѣнныя научныя работы вообще и богословскія въ частности создаются на основѣ опредѣленныхъ *объективныхъ* данныхъ. Но, спрашивается, кому изъ любителей чистой христіанской истины и для чего нужны богословскія работы, являющіяся продуктомъ такого „индивидуалистическаго безудержа“ въ области религіознаго творчества, какой представляетъ собою современная тарѣвщина“?

Все это мы говоримъ не съ тою „злонамѣренною“ цѣлью, чтобы сдѣлать „болѣе или менѣе ясныя намеки на неправославіе“ г. Тарѣева¹⁾, чтобы „не упустить случая укрѣпить свою репутацію въ глазахъ сферъ кивкомъ на подозрительность его православія“²⁾, или прямо „донести на его неправославіе“³⁾,—за что любить обыкновенно укорять г. Тарѣевъ своихъ оппонентовъ⁴⁾, и въ чемъ, очевидно, нельзя не видѣть новаго „излюбленнаго приема“ его критики; но съ исключительною цѣлью—показать, какихъ „геркулесовыхъ столбовъ“ (выраженіе опять г. Тарѣева) можетъ достигать творческое воображеніе нашего критика въ „состряпаніи каррикатуры на христіанство“, въ представленіи его сознанию читателей въ „окаррикатуренномъ“ видѣ. Не даромъ даже западныя католическія богословы, по свидѣтельству самого же г. Тарѣева⁵⁾, величаютъ его богословскую систему яркимъ образцомъ русскаго *модернизма* (*modernismi Russici clarum praebet exemplum*).

Таково-то, по своему существу, абсолютно индивидуалистическое творчество въ богословіи нашего рецензента. А между, тѣмъ съ недосягаемыхъ высотъ этого своего „творчества“ онъ и судить, какъ мы знаемъ, о работахъ подобныхъ намъ авторовъ, и такъ какъ въ этихъ работахъ онъ не находитъ, конечно, и не можетъ найти ничего подобнаго своему „творчеству“, то обыкновенно и подвергаетъ ихъ ожесточеннѣйшимъ нападкамъ, обычно пользуясь въ этомъ случаѣ „излюбленнѣйшимъ приемомъ своей критики—эпидемическимъ отыскиваніемъ“ въ нихъ всяческаго плагіата.

¹⁾ „Богослов. Вѣстникъ“ 1910 г., сентябрь, стр. 118, примѣч.

²⁾ „Богослов. Вѣстникъ“ 1908 г., июнь, стр. 312.

³⁾ Тамъ же, стр. 323, примѣч.

⁴⁾ И въ рецензентской замѣткѣ его о нашей книгѣ есть указаніе на „эпидемическое отыскиваніе ересей“ („Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 330).

⁵⁾ Богослов. Вѣстникъ“ 1910 г., июль—августъ, стр. 513, примѣч.

Свои рѣшительныя сужденія о нашей книгѣ г. Тарѣевъ высказываетъ исключительно на основаніи поверхностнаго разсмотрѣнія ея (собственно нѣсколькихъ первыхъ главъ ея) съ *формальной* стороны—со стороны отношенія нашего къ пособіямъ, не касаясь вовсе принципиальной стороны ея.

Приступая къ изобличенію плагіата въ нашемъ сочиненіи, г. Тарѣевъ предваряетъ свое разсмотрѣніе его слѣдующимъ огульнымъ замѣчаніемъ: „оригиналы или совсѣмъ не указываются (?), или именуется въ указателяхъ литературы предмета, причемъ объ этихъ указателяхъ заранѣе сдѣлано замѣчаніе, что поименованными здѣсь сочиненіями авторъ не пользовался (?), а они только извѣстны ему; ставятся фальшивыя цитаты, заметающія настоящій слѣдъ (?); афишируются обильно иностранныя цитаты, всегда взятая изъ вторыхъ рукъ (?)"¹⁾.

Оставляя обсужденіе другихъ пунктовъ брошеннаго намъ въ этой рецензентской репликѣ обвиненія до послѣдующаго подробнаго разсмотрѣнія ихъ, здѣсь мы позволимъ себѣ не согласиться съ предвзятымъ истолкованіемъ заранѣе сдѣланнаго нами, очень важнаго для насъ въ данномъ случаѣ, замѣчанія объ указателяхъ литературы предмета, по которому (истолкованію) мы, будто бы, *не пользовались* поименованными здѣсь сочиненіями, а они только извѣстны намъ. Въ *предисловіи* къ своему сочиненію (стр. XXVII) мы пишемъ: „*При пользованіи* различными источниками и пособіями, мы обычно цитировали ихъ съ возможною точностію, въ подстрочномъ примѣчаніи, а иногда въ концѣ той или другой главы, въ подстрочномъ же примѣчаніи указывали и остальную, извѣстную намъ, литературу даннаго вопроса“. Для непредубѣжденнаго читателя, такимъ образомъ, ясно, что слова: „*При пользованіи*“, поставленныя въ самомъ началѣ приведеннаго нами предварительнаго замѣчанія, относятся не только къ сочиненіямъ, обычно цитированнымъ нами въ подстрочномъ примѣчаніи, но и къ остальной, извѣстной намъ литературѣ предмета, указанной нами въ концѣ (а иногда и вообще на пространствѣ) данной главы. И дѣйствительно, сочиненія, которыя названы въ указателяхъ литературы вопроса, не только извѣстны намъ, но мы ими и пользовались, хотя, быть можетъ, и не всѣми, и не въ такой мѣрѣ,

¹⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 321.

какъ тѣми, которыя цитировались непосредственно въ под-
точномъ примѣчаніи.

Вслѣдъ за своимъ предварительнымъ изобличительнымъ замѣчаніемъ нашъ рецензентъ пишетъ: „Въ первомъ параграфѣ *Введенія* (въ нашу книгу) опредѣленіе нравственнаго богословія, какъ науки, излагается по учебникамъ Пятницкаго и Олесницкаго“¹⁾. Это утвержденіе совершенно несправедливо. Безпристрастный и внимательный читатель легко можетъ удостовѣриться, что, если и есть нѣкоторое сходство между нашимъ опредѣленіемъ науки нравственнаго Богословія и опредѣленіями названныхъ моралистовъ, то оно простирается не далѣе отдѣльныхъ терминовъ, болѣе или менѣе прочно установившихся въ этой богословской наукѣ на основаніи общихъ первоисточниковъ. По словамъ самого же г. Тарѣева, „и въ богословской этикѣ есть нѣкоторыя положенія, которыя неизбѣжны у каждаго представителя христіанско-этического міровоззрѣнія“²⁾. Тѣмъ болѣе, конечно, неизбѣжны такого рода положенія въ самомъ опредѣленіи богословской этики, какъ науки. Излагать опредѣленіе нашей науки, въ частности, по учебнику Пятницкаго мы не могли уже по одному тому, что каждый изъ насъ держится совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на построеніе системы христіанскаго нравоученія: у насъ это нравоученіе опредѣляется и излагается съ точки зрѣнія требованій нравственнаго закона *Божія* и вытекающихъ изъ него нравственныхъ *обязанностей* и *отношеній* человѣка-христіанина, а Пятницкій, какъ должно быть извѣстно рецензенту, подъ сильнымъ вліяніемъ Мартенсена, слѣдуетъ въ этомъ отношеніи точкѣ зрѣнія ученія о *царствѣ Божіемъ*. Во всякомъ же случаѣ окончательная *формулировка* науки нравственнаго Богословія принадлежитъ намъ.

Затѣмъ, г. Тарѣевъ занимается тѣмъ, что приводитъ изъ шести первыхъ главъ или параграфовъ нашей книги по нѣсколько выдержекъ, сопровождая ихъ параллельными выписками изъ сочиненій другихъ авторовъ, съ цѣлью показать *сплошное*, якобы, *плагиаторское* отношеніе наше къ пособіямъ³⁾. Пусть, скажемъ словами проф. С. М. Зари-

¹⁾ Тамъ же, стр. 321—322.

²⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., июнь, стр. 330.

³⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, 322—326.

на, „доказываетъ“ это рецензентъ, сколько ему угодно, но мы „не понимаемъ зачѣмъ ломиться въ открытую дверь“¹⁾. „Да“, мы, поставивъ задачей своей работы не изложеніе собственныхъ личныхъ, *субъективныхъ* религіозно-нравственныхъ воззрѣній, а раскрытіе православно-христіанскаго ученія о нравственности на основаніи опредѣленныхъ церковно-объективныхъ данныхъ, дѣйствительно, пользовались обильной русской этико-богословской литературой, въ значительной мѣрѣ обращаясь и къ *иностранной*, какъ объ этомъ и заявили въ *предисловіи* (стр. XXVI). При этомъ, само собою разумѣется, мы старались использовать для своей цѣли все, что намъ казалось наиболѣе цѣннымъ и лучшимъ изъ предлагаемаго современною нравственно-богословскою наукою. Насколько намъ удалось воспользоваться всѣмъ этимъ,—это, конечно, дѣло богословской критики; но утверждать категорически, будто бы мы „не выбирали *лучшихъ* (курсивъ нашъ) пособій, не брезгая ничѣмъ... сваливая все въ одну кучу“²⁾, рецензентъ не имѣетъ никакихъ основаній. И если нашему рецензенту хотѣлось, чтобы его словамъ повѣрили другіе, то самое лучшее было бы ему назвать работы „убогихъ авторовъ“, которыми мы такъ или иначе пользовались. Однакожъ, этого онъ не сдѣлалъ, руководясь, вѣроятно, чисто практическимъ соображеніемъ другого нашего тенденціознаго рецензента: „зачѣмъ гусей дразнить!“³⁾. Не мѣшаетъ и *здѣсь* напомнить г. Тарѣеву забытый имъ, очевидно, евангельскій завѣтъ: „врачу, исцѣлился самъ!“ Насъ огульно обвиняетъ рецензентъ въ томъ, что мы, будто бы, „не выбираемъ лучшихъ пособій, не брезгая ничемъ“; а самъ онъ въ своей докторской диссертациі ссылается, между прочимъ, „на такіе мнимые ученые авторитеты“, какъ напр., Мережковскій, Бухаревъ, Гейки и др.—въ чемъ совершенно справедливо упрекнулъ его офиціальныи рецензентъ⁴⁾. Что же касается „свальныхъ кучъ“, находящихся критикомъ въ нашей книгѣ, то ихъ, если только онѣ обрѣтаются въ ней, во всякомъ случаѣ гораздо меньше,

¹⁾ „Христ. Чтеніе“ 1909 г., февраль, стр. 308.

²⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 327.

³⁾ „Отдыхъ христіанина“ 1915 г., июнь, стр. 775.

⁴⁾ Цитар. проток. „Богослов. Вѣстн.“ 1905 г., мартъ, 175.

чѣмъ въ „стройной“, по нескромному отзыву о своей работѣ самого автора ¹⁾, богословской системѣ г. Тарѣева.

При пользованіи пособіями, мы нерѣдко дѣлаемъ и выдержки, буквальные и небуквальные, съ ковычками и безъ ковычекъ, изъ того или другого автора, но выдержки эти въ большинствѣ случаевъ *небольшія*, по объему едва превышающія нѣсколько строкъ, за исключеніемъ, развѣ, позаимствованій въ тѣхъ немногихъ параграфахъ, которые составлены нами по сочиненіямъ тѣхъ или иныхъ авторовъ, такъ или иначе указаннымъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ²⁾. Между тѣмъ, г. Тарѣевъ, стараясь возможно болѣе преувеличить недостатки нашего труда, позволяетъ себѣ иногда говорить въ данномъ отношеніи положительную неправду ³⁾. Если же, въ общемъ, таковы наши заимствованія изъ сочиненій другихъ авторовъ, то отсюда дѣлать безапелляціонный выводъ о „сплошномъ плагиатѣ“—слишкомъ поспѣшно и несправедливо, тѣмъ болѣе, что эти позаимствованія обыкновенно не бываютъ буквальными до точности. Замѣчательно, что рецензентъ, видя это обстоятельство, старается по возможности ослабить его значеніе произвольнымъ сокращеніемъ приводимыхъ имъ параллельныхъ мѣстъ изъ нашего и другихъ сочиненій, или опущеніемъ встрѣчающихся въ нихъ различій ⁴⁾.

Г. Тарѣевъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы, заимствуя тѣ или другія мѣста у постороннихъ авторовъ, „*совѣсть*“, будто бы, „не указываемъ оригиналовъ“ ⁵⁾. Въ этомъ обвиненіи еще меньше правды, чѣмъ въ предыдущихъ. Всякій, кто взялъ бы на себя трудъ со вниманіемъ прочитать нашу

¹⁾ „Христіанинъ“, стр. 320.

²⁾ См. нашу книгу, стр. 301, примѣч., стр. 63, примѣч. 3; стр. 33, примѣч. 3 и др.

³⁾ См. слова рецензента (стр. 325): „Такъ стр. 17 (значить—*вся?*) взята у Левитова изъ курса христіанскаго нравственнаго богословія вып. I, стр. 18—19“. На той-же стр: „Изъ Мартенсена взято *восемь* (?) страницъ“, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло ограничилось всего 2—3 небольшими отрывками (см. нашу книгу, стр. 42, 44—45). На стр. 326: „Параграфъ пятый составленъ *весь*, безъ изытія (?) изъ чужихъ отрывковъ“ и др.

⁴⁾ Ср., напр., указанные рецензентомъ (стр. 322—323) наши страницы 3—4 съ стр. 12—15 у Янышева, гдѣ идетъ рѣчь о названіяхъ науки.

⁵⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 321.

книгу, легко можетъ убѣдиться въ этомъ. Мы знаемъ дурную привычку у нѣкоторыхъ авторовъ приводить цитаты, безъ указанія названія сочиненій, ихъ изданій, изъ которыхъ эти цитаты взяты, вслѣдствіе чего провѣрить ихъ бываетъ иногда очень трудно. Зная это, мы заранѣе, въ самомъ *предисловіи* (стр. XXVII) заявили, что, при пользованіи пособиями, будемъ цитировать ихъ съ возможною точностью въ подстрочномъ примѣчаніи (что нами обыкновенно и дѣлается), а иногда въ концѣ (или въ ипомъ-какомъ [мѣстѣ]) той или другой главы, въ подстрочномъ же примѣчаніи, будемъ указывать и другія извѣстныя намъ сочиненія, которыми, повторяемъ, мы также, въ надлежащей мѣрѣ, пользовались при составленіи данной главы. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, почему нѣкоторыя изъ указанныхъ рецензентомъ нашихъ позаимствованій оказались не процитированными: ихъ безъ особеннаго труда можетъ отыскать всякій въ сочиненіяхъ, поименованныхъ въ этихъ указателяхъ литературы предмета ¹⁾. Безъ сомнѣнія, и самъ рецензентъ добрался до такихъ нашихъ заимствованій, благодаря именно этимъ указателямъ. Отсюда открывается, насколько правъ г. Тарѣвъ, обвиняя насъ въ манерѣ „заметанія слѣдовъ“ ²⁾.

Впрочемъ, иногда попадаютъ у насъ, къ сожалѣнію, выдержки, сдѣланныя и изъ такихъ авторовъ, о которыхъ не упоминается въ данномъ трактатѣ. Но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, прежде чѣмъ бросать намъ обвиненіе въ заметаніи слѣдовъ, не правильнѣе было бы г. Тарѣву, если бы онъ былъ менѣе придирчивымъ критикомъ, поискать болѣе *естественныхъ* объясненій, въ родѣ тѣхъ, напр., какія приводитъ проф. С. М. Заринъ въ своей полемикѣ съ нимъ. „Возможно“,—пишетъ послѣдній,—„что эти краткія (заимствованныя) выраженія запомнились при чтеніи (пособій)... возможно, что, дѣлая при чтеніи замѣтки, я нѣкото-

¹⁾ На стр. 332 рецензіи: ср. наши стр. 1—3 и стр. 3, примѣч. 1; на стр. 322—228: наши заимствованія у Янышева, на стр. 3—4 нашей книги, содержатся въ его сочиненіи, показанномъ у насъ на стр. 6, примѣч. 2, и 7-й, примѣч. 1; на стр. 324: выдержка изъ Янышева, на стр. 24, взята изъ его сочиненія, указаннаго на стр. 27, примѣч. 1; на стр. 325: тирада Левитова, на стр. 36, заимствована изъ его сочиненія, поименованнаго на стр. 43 и др.

²⁾ „Христіанинъ“, стр. 321, 326.

рыя изъ нихъ забылъ сопроводить соотвѣтствующими указаниями, откуда именно онѣ взяты, а затѣмъ въ громадной массѣ матеріала могъ принять ихъ за собственныя наброски; возможно и совершенно случайное совпаденіе, при отсутствіи прямой литературной зависимости, и т. д.“¹⁾ Какъ бы то ни было, случайный пропускъ цитаты въ такой большой работѣ, какъ наша, всегда возможенъ, и сколько-нибудь справедливыи и *снисходительный*²⁾ критикъ навѣрное воздержался бы отъ подобныхъ укоризнъ. Мы тѣмъ болѣе не могли приводить заимствованія изъ другихъ авторовъ, *намышленно* умалчивая объ источникахъ, что у насъ не было въ томъ никакой нужды. Инкриминируемыя рецензентомъ заимствованія (стр. 323—324, 329) принадлежатъ такимъ именно авторамъ, которыхъ во всѣхъ другихъ случаяхъ мы охотно цитируемъ съ возможною точностію³⁾. Исключеніе, пожалуй, представляетъ *Пятницкій*, у котораго, по словамъ рецензента, будто бы, нами „похищена стр. 12“ (значить—*вся?*), при „неупоминаніи о немъ ни словомъ во всемъ (второмъ) параграфѣ“ (стр. 324). Однако, съ Пятницкимъ выпелъ своего рода

¹⁾ „Христ. Чт.“ 1909 г., февраль, стр. 301.

²⁾ Снисходительность критики по отношенію къ себѣ г. Тарѣевъ допускаетъ, по крайней мѣрѣ, *фактически*. Такъ, онъ выѣхалъ въ доктора богословія именно на конькѣ болѣе или менѣе *снисходительно* къ себѣ отношенія г.г. официальныхъ рецензентовъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго обстоятельства: одинъ изъ рецензентовъ г. Тарѣева, при сужденіи объ его докторствѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи синодскаго указа на имя митрополита Москов., отъ 30 іюля 1898 г., за № 4096 (см. цитир. проток. „Богослов. Вѣсти.“ 1905 г. апрѣль, стр. 192),—которымъ разрѣшается г.г. рецензентамъ оставлять на полную отвѣтственность авторовъ докторскихъ сочиненій ихъ личныя и могущія вызвать *недоумѣнія* (?) мнѣнія. Не та-жели *снисходительность* къ докторанту заставила этого рецензента вспомнить и то, что „загранцею докторскія степени получаютъ едва ли не легче нашихъ кандидатскихъ“?

³⁾ Такъ, не упоминая, по простой случайности, о проф. *Городенскомъ* на стр. 21, мы указываемъ точныя цитаты изъ его сочиненій въ другихъ мѣстахъ своей книги (стр. 29, 115, 118, 122, 213, 252). Точно также, не называя *г. Тарѣева* въ *предисловіи* (стр. XXVII—XXVIII), мы дѣлаемъ изъ его сочиненій выдержки, съ указаніемъ точныхъ цитатъ, на стр. XIII, XVI, 29, 224, 263. А между тѣмъ, рецензентъ за послѣднее, чисто случайное, опущеніе, безъ зазрѣнія совѣсти, отказываетъ намъ въ „совѣсти“ и торжествующе наряжаетъ насъ „въ чужія перья“.

куръезъ, въ виду того обстоятельства, что о немъ мы не упоминаемъ не только въ этомъ параграфѣ, но и во всемъ сочиненіи, исключая, впрочемъ, упоминанія въ *предисловіи*, гдѣ, по извѣстному поводу, названы всѣ почти русскіе богословы-моралисты (стр. VII). Это рѣшительное наше умолчаніе о Пятницкомъ произошло по той простой причинѣ, что, при написаніи своей книги, мы совершенно не пользовались имъ. Откуда же заимствованіе? Оказывается, что въ данномъ случаѣ источникъ у насъ и г. Пятницкаго былъ *общій*—это именно авторитетнѣйшая „Апологетика“ проф. *Рождественскаго*, которую нашъ рецензентъ, очевидно, не совсѣмъ хорошо знаетъ¹⁾, навязывая намъ „похищеніе“ разсматриваемой выдержки у Пятницкаго. А что данное, заимствованное нами, мѣсто имѣетъ свой оригиналъ въ книгѣ Рождественскаго, а не въ книгѣ Пятницкаго,—это доказывается, конечно, тѣмъ, что „Христіанская Апологетика“ (т. I) проф. Н. П. Рождественскаго издана въ 1884 году, а „Опытъ Православнаго Нравственнаго Богословія“ Ив. Пятницкаго вышелъ только въ 1890 году. Неуказаніе же въ настоящемъ случаѣ оригинала этого нашего заимствованія (небуквальнаго—до точности) могло быть только случайнымъ, такъ какъ знаменитаго русскаго апологета мы цитируемъ, со всею точностью, во многихъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. 35, 192, 199, 435 и др.).

Г. Тарѣевъ возводитъ на насъ обвиненіе въ томъ, что мы иностранныя цитаты *обычно* или даже *всегда* беремъ въ огромномъ количествѣ *изъ чужихъ рукъ* (стр. 321, 323, 324, 328). Предъявленное намъ въ такомъ масштабѣ обвиненіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Только предвзятая тенденція могла склонить рецензента на такое огульное и рѣшительное обвиненіе. Нашъ критикъ не обратилъ или, вѣрнѣе, не захотѣлъ обратить свое вниманіе на наше заявленіе (въ *предисловіи* о томъ, что *изъ римско-католическихъ системъ* мы, въ подлежащихъ случаяхъ, руководствовались, главнымъ образомъ, сочиненіемъ выдающагося современнаго моралиста на западѣ, *Viktor'a Cathrein'a*: „Die katholische Weltanschauung in ihren Grundlinien mit besonderer Berücksichti-

¹⁾ Ибо, кто изъ хорошихъ семинаристовъ не знаетъ и не знаетъ замѣчательнаго параграфа изъ „Апологетики“ Рождественскаго объ „отношеніи религіи къ нравственности“ (стр. 144—152)?

gung der Moral“... Freiburg im Breisgau, 1909 ¹⁾). Только слѣпой или сильно предубѣжденный человѣкъ можетъ не видѣть, что мы заимствуемъ у Катрейна, нужныя намъ, выдержки, цитируемъ его въ *подлинникъ*, а не беремъ цитаты „изъ чужихъ рукъ“, на всемъ протяженіи своей книги (9, 11, 17, 36, 99, 106, 107, 123, 129, 132, 134, 140, 142, 146, 140, 153, 218, 246, 258, 272, 285, 364 и др.). То же, въ извѣстной степени, можно сказать и объ этико-богословскихъ системахъ нѣкоторыхъ другихъ западныхъ моралистовъ ²⁾, въ особенности, если принять въ соображеніе печатающееся продолженіе книги, имѣющее „составить два тома нашего „Опыта нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“. Поэтому, категорически утверждать, что нами *обычно* и даже *всегда* заимствуются иностранныя цитаты „изъ чужихъ рукъ“,—это значитъ видя не видѣть, слыша не слышать“, какъ позволилъ себѣ непочтительно отозваться, по одному поводу, г. Тарѣевъ о пресвященномъ, еще тогда здравствующемъ, архіепископѣ Стефанѣ ³⁾.

Впрочемъ, что касается нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстъ нашей книги, на которыхъ именно строится рецензентомъ предъявляемое намъ, огульное обвиненіе въ заимствованіи иностранныхъ цитатъ „изъ чужихъ рукъ“, то по отношенію къ этимъ мѣстамъ мы „имѣемъ мужество“ признать свою вину, хотя и съ такого рода объясняющею, если не оправдывающею, ее оговоркою. Въ данномъ отношеніи, намъ пред-

¹⁾ Изъ *протестантскихъ* нравственно-богословскихъ системъ, заявляли мы, такимъ важнѣйшимъ пособіемъ слушало намъ извѣстное „Христіанское ученіе о нравственности“ еп. датскаго I. Мартеусена, въ перев. проф. А. П. Лопухина, т. I—II. Спб. 1890 г.

²⁾ R. Rothe, „Theologische Ethik“, Bd. I—V. Wittenberg, 1869—1871 (стр. 133, 147, 156, 161, 165, 207, 366, 382 и др.); I. Köstlin, „Christliche Ethik“. Berlin, 1899 (стр. 4, 5, 37, 49, 66 и др.—Особенно часто на этику Кэстлина мы будемъ ссылаться въ предполагаемомъ третьемъ томѣ нашего „Опыта“; R. Kabel, „Christliche Ethik“, Thl. I—II, München, 1896 (стр. 58, 437, 440 и др.); Ludw. Lemme, „Christliche Ethik“. Bd. I—II. Berlin, 1905 (стр. 36, 40, 43, 437 и др.); Ant. Koch, „Lehrbuch der Moraltheologie“. Freib. im Breisg., 1907; Palmer, „Die Moral des Christenthums“. Stuttgart, 1864, и др.

³⁾ „Богослов. Вѣстникъ“ 1910 г., сентябрь, стр. 115, примѣч.

ставлялось не бесполезнымъ дѣломъ—указать своимъ читателямъ, въ особенности юнымъ изъ нихъ (своимъ слушателямъ), и такія сочиненія иностранныхъ авторовъ, которыя имѣютъ, если не прямое, ближайшее, то, по крайней мѣрѣ, косвенное, болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ существу нашей *систематической* этико-богословской работы. Но, къ сожалѣнію, такого рода иностранными сочиненіями мы не всегда могли располагать и часто, дѣйствительно, не располагали, почему цитаты изъ такихъ сочиненій *иногда* приводились нами и по русскимъ источникамъ. Таковъ именно разсматриваемый случай нашего заимствованія. Само собою разумѣется, что подобное заимствованіе должно бы у насъ быть отмѣченнымъ, но намъ казалось, что заимствованныя иностранныя цитаты легко могли бы быть отысканы всякимъ желающимъ у того русскаго автора (въ данномъ случаѣ проф. *Городенскаго*), труды котораго, какъ замѣчено выше, при пользованіи ими, мы неоднократно цитировали. Это соображеніе наше г. Тарѣевъ самъ на себѣ оправдываетъ, заявляя, что „иностранныя цитаты, *обычно*“, якобы, заимствуемыя нами „изъ вторыхъ рукъ, съ умолчаніемъ о томъ, оказываютъ“ ему, какъ рецензенту нашей книги, „своеобразную услугу“ (стр. 328). При всемъ томъ, фактъ остается фактомъ: рецензентъ взялъ немало грѣха на свою совѣсть, *огульно* обвиняя насъ въ „обычномъ“ и даже „всегдашнемъ“, будто бы, заимствованіи иностранныхъ цитатъ „изъ вторыхъ рукъ“. При этомъ, мы даже затрудняемся, какъ назвать тотъ грѣхъ, при которомъ люди, далеко не всегда говорящіе правду, явно злоупотребляютъ довѣріемъ благосклонныхъ читателей.

На стр. 328—329 своей рецензентской замѣтки г. Тарѣевъ предъявляетъ намъ еще обвиненіе, совершенно понятное съ точки зрѣнія только-что разобраннаго нами, и заключающагося въ томъ, что мы, на стр. 10, 227 и 230 своей книги, „принимаемъ подлинникъ и переводъ за разрыя сочиненія“. Въ отвѣтъ на это обвиненіе скажемъ, что не настолько-ужъ мы „невѣжественны“, какъ грубо и дерзко позволяетъ себѣ выражаться здѣсь рецензентъ, чтобы подобный недосмотръ съ нашей стороны могъ имѣть мѣсто, (если только онъ дѣйствительно имѣлъ тутъ мѣсто), и въ

томъ случаѣ, если бы указанная здѣсь сочиненія ¹⁾ были у насъ тогда подъ руками. Все дѣло тутъ, значить, могло быть не въ „невѣжествѣ“ нашемъ, но опять въ томъ печальномъ обстоятельстве, что мы не всегда могли и можемъ располагать всѣми, необходимыми намъ, хотябы и *побочными*, пособіями, которыя, кстати сказать, требуются, нашею большою работою въ огромномъ количествѣ. Какъ бы то ни было, на совѣсти г. Тарѣева, повторемъ, лежитъ великій грѣхъ по отношенію къ намъ. Вѣдь, одно дѣло—указать въ рецензируемомъ сочиненіи тотъ или другой промахъ или недосмотръ, если онъ есть, а совсѣмъ иное—жестоко издѣваться надъ авторскою личностію, награждать ее такими, напр., „милыми качествами“, какъ „анекдотическое невѣжество, достигающее геркулесовыхъ столбовъ“ (стр. 329). Очевидно, это еще одинъ, по счету, кажется, уже третій, „излюбленный приемъ“ критики нашего рецензента. Къ нему придетъ еще возвратиться потомъ. Пока же, пользуясь превосходнымъ выраженіемъ проф. С. М. Зарина, полемизировавшаго ранѣе насъ съ г. Тарѣевымъ, замѣтимъ, что отъ подобнаго *дикаго* приема нашего рецензента, дѣйствительно, получается впечатлѣніе чего-то „тяжелого, остраго, больнаго, обиднаго для насъ *лично*, но неразрушительнаго“ для нашей работы ²⁾.

Рецензентъ усматриваетъ въ нашемъ трудѣ и ошибки, допущенныя нами собственно въ исторіи русскаго нравственнаго Богословія (стр. 327—328) Одна изъ этихъ ошибокъ сводится къ тому, что мы усвоаемъ составленіе „конспекта по нравственному Богословію 1817 года“ проф. *Левицкому* (стр. VII), тогда какъ, по г. Тарѣеву, конспекты для комиссіи духовныхъ училищъ были составлены *Филаретомъ*, ректоромъ Петербургской Академіи, позднѣе митрополитомъ московскимъ, въ *Обозрѣніи богословскихъ наукъ* (1814 г.), а, по *С. К. Смирнову*, выходитъ, что первый „конспектъ“ нашей науки „составленъ“ самой „комиссіей духовныхъ училищъ“ ³⁾. На чьей сторонѣ правда,—мы не бе-

¹⁾ *Guyau*, „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction“—*Гюйо*, „Очеркъ морали“. *Schopenhauer*, „Die beiden Grundprobleme der Ethik“—*Шопенгауэръ*, „Свобода воли и основы морали“.

²⁾ „Христ. Чтеніе“ 1909 г., апрѣль, стр. 642.

³⁾ См. его „Исторію Москов. Дух. Академіи до ея преобразованія“, стр. 23—24.

подавать и не преподавали своихъ богословскихъ курсовъ на русскомъ языкѣ *другіе*, и это тѣмъ болѣе, что въ то время, какъ очевидно, были уже и русскіе печатные учебники.

Разобравши такимъ образомъ всего, собственно говоря, шесть параграфовъ изъ *Введенія* въ нашу книгу, г. Тарѣевъ дѣлаетъ такого рода *непозволительное*, съ точки зрѣнія законовъ логики, *обобщеніе*: „Вотъ такимъ образомъ составлена *вся* (курсивъ нашъ) книга о. Стеллецкаго: въ ней *ни одной строки не принадлежитъ* (к. н.) отцу Стеллецкому“ (стр. 327). Здѣсь выражено о нашей книгѣ, какъ будто-бы, нѣсколько *легче*: выше рецензентъ позволилъ себѣ выразиться, что у насъ, вмѣстѣ съ прот. Малиновскимъ, на протяженіи всѣхъ большихъ томовъ, „нѣтъ“, будто бы, „ни одного своего слова“. Тѣмъ не менѣе, мы горячо протестуемъ и противъ такой дикой и дерзкой „гиперболы“ нашего рецензента. Г. Тарѣевъ, очевидно, не обратилъ или не захотѣлъ обратить должнаго своего вниманія на заявленное нами (стр. XXVI), хотя и не прямо, отношеніе къ источникамъ и пособіямъ. Здѣсь мы пишемъ, что даже „отечественная богословская литература представляетъ достаточный матеріалъ для составленія системы нравственнаго Богословія, но что *не находилось охотника на изученіе и сведеніе этого матеріала въ одно цѣлое*“. Согласно этому заявленію, мы, какъ уже не разъ говорили, излагаемъ не свое собственное религіозно-нравственное воззрѣніе, а *объективно* раскрываемъ православное ученіе о нравственности, руководясь, при этомъ, опредѣленными первосточниками и другими солидными пособіями. Поэтому, ничего пѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы излагаемъ это ученіе, быть можетъ, и болѣе или менѣе *сходно* съ другими авторами, работавшими на томъ же поприщѣ и руководившимися тѣми же источниками. И, при такомъ отношеніи нашсмъ къ морально-богословской литературѣ, едва ли кто, помимо г. Тарѣева, позволить себѣ обозвать нашъ курсъ „грандіозной пощечиной всему духовному міру“ (и, въ первую голову, редакціи ж. В. и Р.), поправіемъ элементарныхъ правилъ общежитія“ (?), — какъ гадко—*науськивающи* выразился по нашему адресу рецензентъ (стр. 327). Во всякомъ же случаѣ, утверждать что во всей нашей книгѣ *ни одной строки не принадлежитъ намъ*,—это означаетъ не иное что,

какъ именно немовѣрно грубую, дерзкую и, вмѣстѣ, обидную гиперболу. И тотъ, кто дерзаетъ въ столь дикой гиперболической формѣ высказываться объ авторѣ, напечатавшемъ большую книгу, въ 500 слишкомъ страницъ, и продолженіе ея чуть не въ 700 стр., очевидно, привыкъ, какъ выражаются, „каламбурить“, говорить попустому, такъ-себѣ, на вѣтеръ, или—что еще хуже—говорить открытую, вопіющую неправду, безъ зазрѣнія совѣсти, лишь бы только повѣрили ему другіе. Здѣсь, такимъ образомъ, мы опять встрѣчаемся съ новымъ, по счету уже четвертымъ, если не ошибаемся, излюбленнымъ, по меньшей мѣрѣ, неприличнымъ приемомъ критики г. Тарѣева. Проф. С. М. Заринъ, гораздо ранѣе насъ имѣвший пренепріятное дѣло съ нашимъ рецензентомъ, по поводу этого его неблаговиднаго приема, между прочимъ, вотъ что пишетъ въ разныхъ мѣстахъ своего отвѣта на критику г. Тарѣева: „въ критикѣ проф. М. М. Тарѣева нерѣдко: вмѣсто доказательствъ и иллюстрацій,—каламбуры и пикантности“¹⁾. „Мой критикъ утверждаетъ почти всегда гораздо больше, чѣмъ можно доказать“²⁾. „Проф. М. М. Тарѣевъ, высказывая тѣ или иныя слишкомъ общія и категорическія обвиненія противъ меня, почти нигдѣ не сопровождаетъ ихъ указаніемъ соотвѣствующихъ мѣстъ книги, ставя меня въ тяжелое положеніе догадываться, что онъ именно разумѣетъ въ томъ или другомъ случаѣ, весь *opus probandi* возлагая на меня самого“³⁾. „Нѣтъ ничего легче“,—говоритъ проф. Заринъ по поводу разсматриваемаго критическаго приема нашего рецензента,—„какъ высказывать общія положенія, огульныя обвиненія, даже и не пытаюсь сколько нибудь обосновать, чѣмъ-нибудь подтвердить ихъ“,⁴⁾ и т. п. Неудивительно, что и утвержденіе г. Тарѣева относительно нашей книги, будто бы въ ней *ни одной строки* не принадлежитъ намъ—голословно и парадоксально, такъ какъ оно не доказано и не можетъ быть доказано.

Чтобы еще болѣе „насолить“ намъ лично, уничтожить, во что бы то ни стало, значеніе нашего труда въ глазахъ читающей публики, г. Тарѣевъ разразился противъ нашей

1) „Христ. Чт.“ 1908 г., ноябрь, стр. 1524—1525.

2) Тамъ же, стр. 1532.

3) „Христ. Чт.“ 1908 г., октябрь, стр. 1394.

4) Тамъ же, стр. 1397.

книги и, вмѣстѣ, противъ насъ самихъ слѣдующимъ, неистово желчнымъ, безконечно оскорбительнымъ для насъ, совершенно ничѣмъ не вызываемымъ и не оправдываемымъ, *словоизверженіемъ*: „Курсъ профессора—протоіерея Стеллецкаго—это колоссальная афера (?). Опытъ нравственнаго богословія, построенный неблаговиднымъ приемомъ фальши, обмана (?). Это всецѣло механическая работа кописта, переписчика (?); въ ней не проявилось ни малѣйшаго напряженія мысли, никакого интеллектуальнаго труда, никакого культурнаго усилія (?) (стр. 327). „Книга прот. Стеллецкаго представляетъ изъ себя позоръ не только для богословской науки, но и вообще для русскаго дѣла (?). Она есть результатъ интеллектуальнаго паралича и нравственнаго маразма“ (?) (стр. 329—330).

Что это? Можетъ, конечно, рецензентъ быть крайне недоволенъ „механической работой кописта, переписчика“, —что такъ идетъ геніальному *творцу* въ области богословской; можетъ онъ „разносить“ се, сколько и какъ ему угодно, тѣмъ болѣе, что, при желаніи, какъ, вѣроятно, вѣдомо и рецензенту, можно „разнести“ какую—угодно работу, а въ особенности—разнести такъ, какъ обыкновенно разносить г. Тарѣевъ¹⁾; можетъ рецензентъ даже находить въ ней одно только плохое и дурное, цѣлое скопище всякихъ недочетовъ и недосмотровъ,—но зачѣмъ же чернить, топтать въ грязь самую личность рецензируемаго автора, зачѣмъ—*браниться*? При чемъ тутъ „колоссальная афера“, „позоръ не только для богословской науки, но и вообще для русскаго дѣла“, интеллектуальный параличъ и нравственный маразмъ“? Гдѣ тутъ проявился „неблаговидный приемъ фальши, обмана“ и гдѣ, наоборотъ, „не проявилось ни малѣйшаго напряженія мысли, никакого интеллектуальнаго труда, никакого культурнаго усилія“?..

Если освободить приведенное словоизверженіе нашего рецензента отъ „украшающихъ его эпитетовъ“, не рекомендуя ихъ его *творчества* ни съ какой стороны—ни съ художественно-интеллектуальной, ни тѣмъ болѣе съ моральной, —то въ послѣднемъ итогѣ получится отъ него именно самая

¹⁾ А вотъ „создать“ что-нибудь порядочное, оказывается, не подь силу даже такому *творцу*, какъ г. Тарѣевъ.

скверная, площадная *брань*, не дѣлающая чести учителю нравственности въ одной изъ духовныхъ академій. Не говоримъ уже о томъ, насколько подобное „сквернословіе“ вяжется съ достоинствомъ „ученаго“, въ особенности—„ученаго богослова“, съ задачами „науки“, въ особенности—„науки богословской“, если только г. Тарѣевъ хоть сколько-нибудь причастенъ этому достоинству и этимъ задачамъ. Въ подтвержденіе же того, что мы нисколько не ошиблись, назвавъ вышеприведенное „словоизверженіе“ нашего рецензента грубою, „базарною“ бранью, позволимъ себѣ привести здѣсь содержаніе письма полученнаго нами недавно отъ одного изъ извѣстныхъ духовныхъ писателей, имя котораго, безъ его согласія, не имѣемъ права назвать. Вотъ оно: „До глубины души возмущенъ *хулиганской* (иначе не могу назвать) выходкой проф. Тарѣева... Ничего подобнаго не приходилось встрѣчать въ серьезной, уважающей себя журналистикѣ... Увѣренъ, что Вы дадите ему отпоръ, какого онъ заслуживаетъ, и покажите, что не правъ тотъ, кто сердится и *бранится*. Это, впрочемъ, увидитъ и всякій непредубѣжденный читатель; приемы *базарныхъ* (к. н.) торговекъ мало для кого убѣдительно“. Подобныхъ *сочувственныхъ* писемъ получено нами въ послѣднее время немало.

Выражаясь же иначе, *по — ученому*, какъ говорятъ, подобныя, „сильныя словечки“ суть не иное что, какъ своего рода продуктъ современной *противообщественной* „агрессивности, провозглашающей *ницшеанскій* принципъ: „быть активнымъ значитъ нападать“. Но, вѣдь, этотъ принципъ ничего не имѣетъ общаго съ милующею и жалующею, а, вмѣстѣ, и справедливою этикой истиннаго христіанства, въ которомъ „милость и истина сръѣтостася, правда и миръ облобызастася“. Скорѣе же всего данный принципъ—въ духѣ пресловутой *ницшеанствующей* „тарѣевщины“, смѣло держащей, и въ области богословской критики, на *все*, чтобы только „убить“, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. С. М. Заринъ, въ книжномъ работникѣ „всякую энергію къ продолженію“, нежелательной для нея, „научной дѣятельности, поставить его въ невозможныя условія въ окружающемъ обществѣ“¹⁾. Тутъ невольно вспоминаешь, вслѣдъ за

¹⁾ „Христ. Чит.“ 1908 г., октябрь, стр. 1381.

тѣмъ же почтеннымъ профессоромъ ¹⁾, „сильныя“, по призна-
 нію даже г. Тарѣева ²⁾, слова проф. С. С. Глаголева, мѣтко
 характеризующія тѣ по-истинѣ ужасныя отношенія между
 людьми, которыя, къ сожалѣнію, такъ открыто и дерзко
 заявляютъ о себѣ и въ нашей богословской средѣ: „люди
 гораздо болѣе жестоки, чѣмъ звѣри“,—говорить [проф. Гла-
 голевъ,—„и обыкновенно чѣмъ цивилизованнѣе человѣкъ,
 тѣмъ утонченнѣе его жестокость. Правда, у насъ нѣтъ пле-
 тей и кнута, но раны отъ плетей и кнута заживуть. А въ
 культурныхъ странахъ обоихъ полушарій широко практи-
 куется пытка, состоящая въ *отозореніи* личности. Вашъ
 религіозный, политическій, ученый противникъ или просто
 врагъ не станетъ поджигать вашъ домъ или подстергать
 за угломъ съ ножомъ въ рукахъ. Нѣтъ, онъ постарается
отозорить васъ въ печати (курсивъ нашъ). Онъ будетъ о
 васъ утверждать, что вы—человѣкъ глупый, безсовѣстный
 и будетъ дѣлать болѣе или менѣе ясныя намеки на то, что
 вы совершили рядъ преступленій“ ³⁾. На фонѣ такихъ-то
 жестокихъ взаимныхъ отношеній между людьми рельефно
 выдѣляется въ своемъ отношеніи къ намъ и г. Тарѣевъ,
 попытавшійся „опозорить насъ въ печати“.

Въ проистекающемъ отсюда, весьма тягостномъ душев-
 номъ состояніи, нѣкоторое утѣшеніе, хотя, быть можетъ, и
 не совсѣмъ христіанское, мы находимъ въ сознаніи: кого-
 только не бранилъ, на кого только не нападалъ, въ своемъ
 „необузданномъ гнѣвѣ“ (терминъ г. Тарѣева), нашъ рецен-
 зентъ! Причемъ, имъ не оставлены были въ покоѣ ни *жи-*
вые, ни *мертвые*. Для такихъ, напр., блаженной памяти
 „сколяровъ“ (терминъ Тарѣева), какъ *Теофилактъ Горскій*,
Платонъ Швейскій и протоіерей *Солярскій*, у г. Тарѣева
 не нашлось другой, лучшей характеристики, кромѣ слѣдую-
 щей: „при компиляціяхъ, при работѣ“ этихъ почтенныхъ
 нашихъ предшественниковъ, „опредѣляющимъ началомъ“
 была „нужда позаимствовать систему у кого бы то ни было,
безсиліе создать собственную систему, написать свою книгу“

¹⁾ „Христ. Чт.“ 1909 г., апрѣль, стр. 644.

²⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., сентябрь, стр. 118, примѣч.

³⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., декабрь, стр. 511.

(курс. н.)¹⁾. Да и самого покойнаго о. Янышева, авторитѣтнѣйшаго нашего богослова-моралиста, г. Тарѣвъ, по поводу извѣстнаго его отзыва о себѣ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, призналъ „стоящимъ“ лишь „на низшей ступени религіозной критики“, хотя, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ онъ же называетъ отзывъ Янышева о своемъ богословствованіи „ученымъ“, вѣроятно, за то, что покойный о. протопресвитеръ въ своей рецензіи, при отмѣченныхъ имъ, собственно говоря, „неисправимыхъ“ недостаткахъ во *всемъ* міровоззрѣніи г. Тарѣва, вмѣстѣ съ тѣмъ, и похвалилъ его²⁾. Въ этомъ же мѣстѣ г. Тарѣвъ приглашаетъ читателей „сравнить“ этотъ великодушный отзывъ о себѣ Янышева „съ трафаретными напѣвами всѣхъ этихъ Свѣтловыхъ, Заринныхъ, Давыдовыхъ, Скворцовыхъ, имъ же имя легіонъ, чтобы оцѣнить всю нравственную высоту, на которой устоялъ, среди окружавшей его атмосферы, покойный о. протопресвитеръ“³⁾ (какая ненависть и нетерпимость по отношенію къ своимъ оппонентамъ!). Еще въ иномъ мѣстѣ онъ обзываетъ всѣхъ этихъ „отцовъ Свѣтловыхъ, отцовъ Клитинныхъ врагами всякой свободной мысли“⁴⁾. Не могъ удержаться г. Тарѣвъ отъ „сильныхъ словечекъ“ и по отношенію къ „авторитетному („бывшему студенту“) сотруднику авторитетной „Жизни Волыни“, осмѣлившемуся сказать свое прав-

¹⁾ „Христіанинъ“ 1915 г., стр. 320.—Особенно обидной представляется намъ подобная характеристика для памяти о. Солярскаго. Проф. А. А. Бронзовъ, безпорно стяжавшій себѣ славу выдающагося „моральнаго библиографа“, съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относится къ памяти этого богослова-моралиста: не скрывая недостатковъ его обширнѣйшей нравоучительной системы, общихъ у нея съ тогдашними западными, онъ отзывается объ этой системѣ, какъ о весьма богатой содержаніемъ, написанной по недурному плану, стройно и съ большою любовію къ дѣлу,—и вполнѣ извиняетъ автору ея дефекты (см. его „Нравственное Богословіе въ Россіи въ теченіе XIX столѣтія“. Спб. 1901 г., стр. 159—172).

²⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., сентябрь, стр. 117—119.—Протопр. Янышевъ призналъ „требующимъ пересмотра и измѣненія или исправленія—все міровоззрѣніе профессора Тарѣва и *все* его ученіе о божественной, духовной жизни христіанина“, назвавъ, въ тоже время, „книги проф. Тарѣва—плодомъ большихъ его трудовъ и замѣчательной даровитости—серьезнымъ вкладомъ (?) (к. н.) въ нашу богословскую литературу: хорошъ „вкладъ“, если онъ требуетъ пересмотра и измѣненія или исправленія въ *всемъ* своемъ составѣ!

³⁾ Тамъ же, стр. 119, примѣч. 1.

дивое слово о „пустословіи, взятомъ напрокатъ у *нѣмцевъ*“¹⁾),—позволивъ себѣ по его адресу выразиться (въ скобкахъ): „Все пѣмецъ гадить, какъ говоритъ нашъ мужикъ при каждомъ общественномъ явленіи, превышающемъ его разумъ“²⁾). Но особенно много г. Тарѣвъ наговорилъ всякихъ „любезностей“ проф. С. М. Зарину. Къ извѣстнымъ уже намъ „любезностямъ“ добавимъ и еще нѣсколько. Все, что только возможно, заботливо было привлечено критикомъ, чтобы, какъ можно сильнѣе, поглумиться надъ магистерской диссертацией почтеннаго профессора. Въ диссертации проф. Зарина, удостоившейся самыхъ похвальныхъ и даже „восторженныхъ“ печатныхъ отзывовъ не только оффиціальныхъ рецензентовъ, но и нѣсколькихъ западно-европейскихъ ученыхъ богослововъ—католическихъ и протестантскихъ³⁾, г. Тарѣвъ находитъ не болѣе, какъ „симуляцію науки“, подъ которой „богословское невѣжество скрывается за внѣшними научными приѣмами“⁴⁾, свидѣтельствующими о „какой-то дикой вакханаліи педантическаго высокомерія и беспредѣльнаго самолюбія“ ея автора⁵⁾. По словамъ критика, рецензентскіе приемы г. Зарина... оказываются очень странными. Но это еще не послѣдняя степень *фокусничества* (к. н.), до которой доходитъ г. Заринъ“⁶⁾. Всѣ его (проф. Зарина) рецензентскія сужденія представляютъ изъ себя *балаганную игру* (к. н.), состоящую въ смѣшеніи разныхъ значеній слова. Онъ упорно знать не хочетъ, что одно разумѣется подъ словомъ „быки“, когда говорится о стадѣ, и другое, когда идетъ рѣчь о мостахъ“⁷⁾. Въ книгѣ г. Зарина... {мы (г. Тарѣвъ) находимъ такую бездну непреоборимой наивности, которая прячется лишь подъ толстымъ слоемъ самодовольства“⁸⁾. Проф. Заринъ „гонимъ бѣсомъ мелкаго тщеславія и волнами поверхностнаго мышленія“⁹⁾. Онъ „превзойдетъ

1) „Нѣметчина“,—по толкованію самого г. Тарѣва,—„это модное обозначеніе ереси“ („Христанинъ“, стр. 308).

2) „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., май, стр. 512, пррмѣч.

3) „Христ. Чт.“ 1909 г., февраль, стр. 309.

4) „Богослов. Вѣстн.“ 1908 г., іюнь, стр. 305.

5) Тамъ же, стр. 306.

6) Тамъ же, стр. 312.

7) Тамъ же, стр. 323.

8) Тамъ же, стр. 329.

9) Тамъ же, стр. 332.

легкомысліемъ многихъ“¹⁾, „своими увѣреніями лишь *морочитъ* (к. н.) публику“²⁾, „обладаетъ рѣдкою способностію исказать все, къ чему только прикасается, что неизбѣжно при его изумительной графоманіи“, и т. п. Подобнымъ „милымъ качествамъ“, которыми г. Тарѣевъ „съ такою щедростію и усердіемъ награждаетъ“ проф. С. М. Зарина, соответствуютъ и внѣшніе приемы его критики. „Если у меня есть промахъ или недостатокъ“.—говоритъ по поводу этихъ приемовъ проф. Заринъ,—„то проф. М. М. Тарѣевъ не довольствуется тѣмъ, что отмѣчаетъ его,—нѣтъ, онъ всѣми мѣрами старается преувеличить его и прокомментировать въ самомъ неудобномъ для меня смыслѣ“³⁾. „На правахъ сильнаго, имѣя возможность указать нѣкоторые дефекты въ моей диссертации, онъ пользуется этимъ обстоятельствомъ и съ злорадствомъ спѣшитъ использовать произведенный имъ эффектъ, чтобы бесконечно преувеличить недостатки моего сочиненія“⁴⁾.

Всѣ эти и подобныя выписки сдѣланы нами съ единственною цѣлью, чтобы дать возможность благосклонному читателю получить полное, настоящее впечатлѣніе отъ тѣхъ критическихъ приемовъ, которыми г. Тарѣевъ пользуется въ своихъ рецензіяхъ сочиненій неугодныхъ ему авторовъ, въ частности, и нашего сочиненія.

Какъ видитъ читатель, такъ критиковать нельзя: это не критика, а именно открытая, уличная *брань*. Такъ критиковать можетъ только тотъ, кто руководится въ этомъ случаѣ чувствами *личнаго* раздраженія и озлобленія къ какому-нибудь противнику или просто врагу,—и вытекающимъ изъ этихъ чувствъ страстнымъ желаніемъ „рассчитаться“ съ нимъ, „возможно сильнѣе и язвительнѣе отомстить“ ему. Такое именно впечатленіе производитъ, и не на насъ только, а и на другихъ, въ частности, рецензентская замѣтка г. Тарѣева и о нашей книгѣ. Тонъ этой замѣтки такъ непріятно—рѣзокъ, запальчивъ и нетерпимъ, самый внѣшній способъ изложенія ея такъ грубъ и бранчливъ въ отношеніи къ намъ, что все это невольно заставляетъ предполагать

¹⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., сентябрь, стр. 116; примѣч.

²⁾ Тамъ же, стр. 119, примѣч. 2.

³⁾ „Христ. Чт.“ 1909 г., февраль, стр. 209.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 303.

какъ-бы какіе-то личные счѣты со стороны нашего рецензента. Думать такъ заставляетъ насъ печатное заявленіе самого-же г. Тарѣва, что онъ „никогда не вспомнилъ бы пмень“ тѣхъ авторовъ, которые „не дѣлали покушеній на его репутацію и на его литературную собственность“, и, напротивъ, „отъ обороны онъ пореходитъ къ нападенію“ противъ тѣхъ авторовъ, которые его „обижаютъ или оскорбляютъ“. Къ послѣдней категоріи г. Тарѣвымъ относится, между прочимъ, проф. С. М. Заринъ, котораго онъ обвиняетъ въ „покушеніи на имя свое и свою литературную собственность“¹⁾. Но чѣмъ мы могли обидѣть или оскорбить своего рецензента? Вѣдь, мы доселѣ не дѣлали покушеній, по крайней мѣрѣ, *публично*, ни на его репутацію, ни на его литературную собственность²⁾. Долго думали мы, чѣмъ могли мы оскорбить г. Тарѣва и, наконецъ, остановились на одной, болѣе или менѣе вѣроятной, догадкѣ. Не такъ давно жительствовавъ въ Харьковѣ одинъ *блаженный*, хотя и *либеральной* марки, *юнецъ*, большой, по его словамъ, пріятель или даже другъ г. Тарѣва, горячій поклонникъ его и его „творческаго“ богословствованія. Юнецъ этотъ инколи заходилъ къ намъ въ церковь и на—домъ, и въ часы досуга мы съ нимъ бесѣдовали, при чемъ не разъ приходилось высказывать ему свои невеселыя думы о богословствованіи г. Та-

¹⁾ „Богослов. Вѣстн.“ 1910 г., сентябрь, стр. 117—118, примѣч.— Чувства г. Тарѣва по отношенію къ проф. Зарину, какъ обиженнаго къ обидчику, гораздо проще и правдивѣе объясняются этимъ послѣднимъ: „Основной тонъ критики (г. Тарѣва)—рѣзко полемическій—и сужденія о диссертациі—неумолимо безжалостныя и крайне нетерпимыя“,—говоритъ проф. Заринъ,—„берутъ свой главный источникъ въ томъ, что авторъ диссертациі объ аскетизмѣ (Заринъ) позволилъ себѣ отнести къ трудамъ проф. М. М. Тарѣва не такъ, какъ бы хотѣлъ профессоръ и какъ—будемъ откровенны—слѣдовало бы *отчисти* отнести“ („Христ. Чт.“ 1908 г., октябрь, стр. 1881). По словамъ проф. Зарина, г. Тарѣвъ „желалъ отплатить ему вообще за критику своихъ сочиненій, главнымъ же образомъ—за его указаніе на совпаденіе у Тарѣва въ опредѣленіи понятія „аскетизмъ“ въ широкомъ смыслѣ съ о. І. А. Янышовымъ“ („Христ. Чт.“ 1909 г., апрѣль, стр. 296). Г. Тарѣвъ былъ „крайне недоволенъ разборомъ проф. Зарина нѣкоторыхъ своихъ произведеній“ (тамъ же, стр. 308).

²⁾ Если, впрочемъ, не считать *единственнаго*, и притомъ совершенно *случайно* не отмѣченнаго нами, позаимствованія у г. Тарѣва,—о чемъ рѣчь была въ своемъ мѣстѣ.

рѣва. Въ настоящее время сей молодой человекъ, какъ намъ передавали, состоитъ на учебной службѣ въ Москвѣ, и ужъ не онъ ли послужилъ вольной или невольной причиной гнѣва нашего рецензента, столь энергично реагирующаго на малѣйшее, не только явное, публичное, но и тайное, приватное прикосновеніе къ своей авторской особѣ?

Какъ бы то ни было, и въ рецензентской замѣткѣ г. Тарѣва о нашей книгѣ рѣшительно преобладаетъ *субъективная* точка зрѣнія, руководимая чувствомъ *личной* къ намъ неприязни, надъ *объективнымъ* и спокойнымъ объсужденіемъ, которое предполагаетъ, конечно, корректное отношеніе къ рецензируемому автору. Разсматривая наше сочиненіе, рецензентъ, при своемъ недюжинномъ умѣ и несомнѣнной одаренности, отмѣченной и покойнымъ о. Янышевымъ, „не смогъ, однакожъ, возвыситься надъ личнымъ мотивомъ“, предопредѣлившимъ собою „мелочность“ и „придирчивость“ его критики—„эти темныя стороны вообще нашей богословской критики“, по данному имъ самимъ приговору о ней¹⁾.

¹⁾ „Богослов. Вѣстникъ“ 1908 г., июнь, стр. 332.—Къ сожалѣнію (O tempora! o mores!), и рецензія о нашей книгѣ почтеннаго проф. прот. о. П. Я. Свѣтлова (ж. „Отдыхъ христіанина“ 1915 г., июнь, стр. 769—775), всеокрушающимъ оружіемъ котораго между прочимъ, мы пользовались въ полемической борьбѣ съ г. Тарѣвымъ, также не свободна отъ *личнаго*, недружелюбнаго къ намъ, чувства, выразившагося въ данномъ случаѣ по весьма и весьма курьезному поводу. Будемъ откровенны, о профессоръ! Личный мотивъ, надъ которымъ, и вы, въ своей рецензентской статьѣ, не захотѣли возвыситься, и явно враждебный ея—отъ начала до конца—тонъ,—плохо прикрытые вашими неусыпными заботами объ „общемъ благѣ“ и „требованіями справедливости и богословской науки“,—все это заставляетъ насъ быть откровенными съ вами.

Это было всего два—три года тому назадъ. По выслугѣ 25-лѣтія въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра, прот. Свѣтловъ совершенно неожиданно-негаданно для себя оказался уволеннымъ изъ Университета покойнымъ г. Министромъ. Каковы были причины этого прискорбнаго обстоятельства, для насъ осталось неизвѣстнымъ, какъ неизвѣстны онѣ были, повидимому, и для самого о. Свѣтлова. Эта неизвѣстность, по всей вѣроятности, и заставила его поѣхать лично въ сѣверную столицу, къ г. Министру, для объясненія. Возвративъ въ Кіевскій Университетъ о. Свѣтлова г. Министръ не нашелъ возможнымъ, но, очевидно, просто чтобы отдѣлаться отъ просителя, сказалъ, что возможно еще устроить дѣло, если найдется профессоръ Богословія изъ какого-нибудь другого Университета, который бы пожелалъ съ нимъ помѣняться мѣстами (на что же мѣняться, если

Совершенно иначе отзывались о нашей книгѣ люди безпристрастные, обсуждавшіе ее именно съ *объективной* точки зрѣнія. Мы имѣемъ нѣсколько благопріятныхъ и даже похвальныхъ, *печатныхъ и письменныхъ*, отзывовъ о своей работѣ, отмѣчающихъ ея положительное значеніе въ этико-богословской литературѣ. Первая, по времени, краткая библиографическая замѣтка о нашей книгѣ (собственно о первой половинѣ ея, подвергшейся именно рецензентскому на-

.....
 мѣста уже пѣтъ?). И вотъ о. Свѣтловъ, возвратившись отъ Министра, обратился къ намъ, какъ давнишнему знакомому по Кіеву и по встрѣчамъ въ другихъ мѣстахъ, съ предложеніемъ помѣняться вышеуказаннымъ образомъ. Хотя мы и прожили въ Кіевѣ болѣе 20 лѣтъ, и городъ этотъ во многихъ отношеніяхъ далеко оставляетъ за собою Харьковъ, но, тѣмъ не менѣе, мы на такое предложеніе отвѣтили отказомъ, мотивируя его серьезными причинами и соображеніями. Причемъ, щадя извѣстное намъ, болѣзненное самолюбіе о. Свѣтлова, мы умолчали о самой главной причинѣ, именно: на что же мѣняться? Вѣдь, о. Свѣтловъ лишился мѣста, слѣдовательно, его не имѣеть, какая же можетъ быть здѣсь мѣпа? И вотъ съ тѣхъ поръ порвались наши добрыя отношенія съ о. Свѣтловымъ, и онъ, очевидно, съ того времени искалъ случая, чѣмъ-нибудь *насолить* намъ. И чѣмъ-же насолить? Къ удивленію нашему—приблизительно тѣмъ же, въ чемъ и самъ не безгрѣшенъ, какъ это намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, относительно одной изъ его диссертаций, не чуждой „нѣкоторой небрежности въ цитациі“ („Богослов. Вѣстн.“ 1894 г., январь, 129—130) Жаль, жаль о. П. Я., мы были о васъ лучшаго мнѣнія. Мы думали что большой умъ, выдающаяся талантливость, обширная эрудиція и др. интеллектуальныя ваши качества сдѣлаютъ васъ свободнымъ отъ излишняго субъективизма, пристрастія и крайней нетерпимости въ вашихъ рецензентскихъ статьяхъ. А теперь, къ прискорбію, приходится согласиться съ недобрымъ отзывомъ о васъ, въ разсматриваемомъ именно отношеніи, нашего и, вмѣстѣ, вашего литературнаго противника, который пишетъ: „Этотъ озлобленный богословъ всѣ силы свои неутомимо тратитъ на мелочные счеты съ своими коллегами“ (Богослов. Вѣстникъ“ 1908 г., іюнь, стр. 334, примѣч. I). „Прот. Свѣтловъ стяжалъ себѣ печальную извѣстность непристойнымъ высокомеріемъ, прямо сказать—болѣзненною грубостью въ отзывахъ о профессорахъ богословія: съ такими любдьми, чтобы не походить на нихъ, необходимо быть сугубо корректнымъ“ („Христіанинъ“ 1915 г., октябрь, стр. 309).

Но, дорогой читатель, мы, по примѣру возлюбленнаго отечества нашего, воюющаго въ настоящее время одновременно съ тремя вражескими государствами, также вынуждены сражаться сразу на три фронта. Появился еще одинъ, по счету уже третій, ученый про-

бѣгу г. Тарѣва ¹⁾), напечатана, съ анонимной подписью: *Quidam*, въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ 1913 года, № 45, стр. 1418—1419. Здѣсь наша книга названа „серьезнымъ ученымъ трудомъ“. „Написана она“,—по словамъ замѣтки,— „общедоступно, живо, увлекательно. Въ книгѣ трактуются... вопросы захватывающаго интереса особенно въ наши дни переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Отвѣты по этимъ вопросамъ обоснованы авторомъ вполне научно, причемъ дается вполне исчерпывающій матеріалъ. Трудъ проф. Н. Стеллецкаго заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія каждаго, кому не чужды высшіе запросы ума и сердца, кто стремится къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія. Что касается преподава-

.....

тивникъ, или просто фельетонный критикъ, нашъ мѣстный, харьковский. Скроивъ изъ двухъ вышепомянутыхъ рецензій репортерскую замѣтку, онъ тискнулъ ее въ газету „Утро“ (№ 2832), и, въ отличіе отъ вышеназванныхъ рецензентовъ, *трусливо-гадко* скрылся подъ какими-то, вымышленными, конечно, инициалами (*Н. Ч—въ*), не желавъ подписать свою настоящую фамилію. Однако, маскарадъ этотъ нетрудно разгадать. Есть въ Харьковѣ одинъ господинъ, который давно уже, очевидно, ждалъ сладкаго часа мести. День полученія въ Харьковѣ книжки ж. „Христіанинъ“, съ рецензентской замѣткой о нашей работѣ г. Тарѣва, былъ, вѣроятно, самымъ счастливымъ днемъ его жизни, вообще говоря, не особенно удавшейся, въ смыслѣ служебной карьеры, при всѣхъ стараніяхъ и проискахъ съ его стороны. По словамъ очевидца, этотъ господинъ явился съ журнальной статьёй въ учительскую того заведенія, гдѣ, между прочимъ, онъ преподаетъ, тыкался съ нею повсюду, къ лицамъ, совершенно и не интересующимся этимъ, предворительно подчеркнувъ въ ней карандашемъ наиболѣе забористыя мѣста. И вотъ это, въ связи съ нѣкоторыми другими соображеніями, даетъ намъ основаніе предполагать, что, если и не самъ этотъ субъектъ-авторъ анонима, то все же участіе его въ этомъ грязномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно. Но, господинъ анонимъ, будетъ такъ называть васъ, пріемы ваши не только не достигли цѣли дискредитировать насъ въ глазахъ нашихъ дорогихъ сослуживцевъ и вообще мѣстной публики, но, напротивъ, вызвали у многихъ просто чувство омерзенія къ вамъ. Интересно теперь было бы знать, будете ли вы также тыкаться съ этой отвѣдью къ своимъ сослуживцамъ, или нѣтъ? Мы должны, въ заключеніе, извиниться предъ своими рецензентами, что пришлось раскрыть, такъ сказать, закулисныя стороны нашего дѣла; но обстоятельства къ этому вынудили насъ.

¹⁾ Эта первая половина нашей книги вышла еще въ 1913 году подъ заглавіемъ: „Изъ лекцій по Нравственному Богословію (Prolegomena)“.

телей нравственнаго Богословія въ дух. семинаріяхъ, равно какъ законоучителей свѣтскихъ среднихъ школъ, то для нихъ книга о. Стеллецака можетъ имѣть особый интересъ и особое значеніе. Такъ какъ разсматриваемый трудъ проф. Стеллецака представляетъ собою введеніе въ курсъ нравственнаго Богословія, то можно ожидать, что за введеніемъ авторъ дастъ и самый курсъ науки, появленіе котораго было бы очень желательно“.

Вслѣдъ за этой библиографической замѣткой не замедлила появиться, и тоже съ анонимною подписью: *Л.*, другая на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ 1913 г., № 46, стр. 2148—2149. Изложивъ вкратцѣ содержаніе нашихъ „Пролегоменъ“, составитель этой замѣтки даетъ такой отзывъ о нихъ: „По указаннымъ (выше) вопросамъ въ книгѣ проф. Стеллецака даны полныя отвѣты, такъ какъ имъ пропудировано весьма многое изъ того, что только можно найти въ современной литературѣ какъ русской, такъ и западно-европейской. Достаточно сказать, что въ книгѣ приведены сотни цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, начиная отъ Цицерона, Сенеки, отцовъ Церкви и кончая Мартенсеномъ, Катрейномъ и другими западными моралистами нашихъ дней, не оставлена безъ вниманія, повидимому, ни одна статья, какую только можно было найти по вопросамъ этики въ нашихъ богословскихъ журналахъ... Книга проф. Стеллецака, будучи цѣннымъ вкладомъ въ науку, не только можетъ, но и должна быть драгоцѣннымъ пособіемъ въ рукахъ преподавателя Нравственнаго Богословія въ духовныхъ семинаріяхъ и законоучителей свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Думается намъ, что и всѣ мыслящіе люди изъ среды нашей интеллигенціи, которымъ не чужды высшіе запросы духа, проблемы морали, проблемы о смыслѣ и цѣли жизни, прочтутъ книгу Стеллецака съ большимъ интересомъ и, быть можетъ, кумиры, которымъ они теперь поклоняются (въ родѣ Ницше), тогда нѣсколько поблѣднѣютъ. Книга написана простымъ, общедоступнымъ языкомъ“.

Слѣдующій, по времени, рецензентскій отзывъ о нашей уже *полной* книгѣ, подъ заглавіемъ: „Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“, т. I. Харьковъ, 1914 г.,—напечатанный въ „Хри-

стіанскомъ Читеніи“, въ декабрьской книжкѣ, за 1914 г., стр. 1560—1561,—принадлежитъ нашему глубокоуважаемому коллегѣ, профессору Харьковскаго Университета, крупному спеціалисту въ классической филологіи, *Евг. Г. Кагарову*. Здѣсь говорится, что „по обстоятельности и широтѣ замысла „Опытъ“ проф. Н. С. Стеллецкаго заслуживаетъ всяческаго сочувствія“. Затѣмъ, сказавъ, что „все“ же нѣкоторые отдѣлы книги страдаютъ неполнотой“, и отмѣтивъ въ ней нѣсколько дефектовъ въ этомъ отношеніи, почтенный рецензентъ пишетъ: „Но все это—мелочи, и рѣшающаго значенія для сужденія о достоинствѣ разбираемой книги онѣ, конечно, не имѣютъ. Написанная съ знаніемъ дѣла, съ любовью къ предмету, изложенная яснымъ и легкимъ языкомъ, книга эта несомнѣнно возбудитъ интересъ не только у спеціалистовъ, но и среди широкихъ круговъ читающей публики“.

Съ похвалой отозвался о нашемъ трудѣ и другой почтенный нашъ товарищъ по университетской службѣ, профессоръ Церковной Исторіи, *Г. А. Бродовичъ* въ своей, посвященной намъ, *юбилейной* брошюрѣ: „Профессоръ-Протоіерей Н. С. Стеллецкій. По поводу исполнившагося 25-лѣтія его дѣятельности“. Харьковъ, 1915 г. Передавъ въ немногихъ словахъ мысли, изложенныя нами въ *предисловіи*, равно какъ и содержаніе самой книги, профессоръ продолжаетъ: „Разсматриваемый первый томъ представляетъ собою солидный трудъ, явившійся результатомъ систематическаго изученія въ теченіе пяти лѣтъ университетскаго преподаванія той области, которою авторъ занимался и ранѣе, будучи законоучителемъ женскихъ гимназій въ г. Кіевѣ. Область эта мало разработана въ русской литературѣ, вслѣдствіе чего автору пришлось заниматься собираніемъ и систематизированіемъ первоисточнаго матеріала, а именно въ святоотеческой письменности. Прежніе представители этой науки (протоіерей Янышевъ, профессоръ М. Олесницкій и др.) ясно сознавали необходимость разработки патристической письменности и даже обѣщали обстоятельно разсмотрѣть и изложить ученіе о нравственности отцовъ и учителей Церкви. Но этому не суждено было сбыться. Авторъ прямо пошелъ на встрѣчу этой настоятельной потребности... Другую особенность системы автора составляетъ ея апологети-

ческий характеръ: въ виду выяснившейся нынѣ потребности—научно *защитить* христіанское нравоученіе, онъ беретъ подъ защиту тѣ его пункты, которые являются предметомъ спора и критики“. Отмѣтивъ, далѣе, планъ, по которому построена наша система, рецензентъ пишетъ: „По одѣльнымъ предметамъ и вопросамъ, которые трактуются въ разсматриваемомъ томѣ, даны весьма обстоятельные отвѣты. Видно, что авторъ тщательно изучилъ иностранную и особенно русскую литературу“. Въ заключеніе, заявивъ, что нашъ трудъ, посвященный вопросамъ морали, „оказывается вполне благовременнымъ“, І. А. Бродовичъ говоритъ: „разсматриваемый трудъ составляетъ солидный вкладъ въ русскую науку и является весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ преподавателей средней и высшей школъ, которые спеціально занимаются нравственнымъ богословіемъ, а также и для тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которыя интересуются тѣми или другими вопросами этики. Съ выходомъ въ свѣтъ второго и третьяго томовъ, будетъ совершенно восполненъ тотъ пробѣлъ въ русской богословской литературѣ, на который давно указывали русскіе ученые. Зная выдающуюся трудоспособность автора, я беру на себя смѣлость съ увѣренностію высказать предположеніе, что онъ не заставитъ ожидать выхода обѣщаемыхъ томовъ особенно долго“.

Отмѣчены нѣкоторыя достоинства нашей книги и въ небольшой библиографической замѣткѣ о ней, напечатанной въ послѣдней книжкѣ, за 1914 г., Ἐκκλησιαστικὸς Φᾶρος τόμος II τεῖχος ΠΖ, на стр. 406.

Наконецъ, не можемъ не отнести къ извѣстному достоинству нашей книги и того обстоятельства, что первая половина ея („Prolegomena“) начата переводомъ на японскій языкъ (переводч. П. Исикава) уже въ декабрьской книжкѣ, за 1913 г., ж. „Православная Мысль“, издаваемого при Русской Дух. Миссіи въ Японіи ¹⁾.

Что же касается *письменныхъ*, вполне благопріятныхъ для нашей книги, отзывовъ, то подъ ними мы разумѣемъ тѣ сужденія о ней, которыя высказаны были въ *письмахъ*, полученныхъ нами непосредственно по выходѣ ея въ свѣтъ, отъ разныхъ достопочтенныхъ лицъ, такъ или иначе заявившихъ себя въ богословской наукѣ. Изъ такихъ лицъ мы

¹⁾ См. „Церковный Вѣстникъ“ 1914 г., № 3.

позволимъ себѣ назвать слѣдующія, говорящія сами за себя имена: преосвящ. *Василія* (въ мѣрѣ проф. *Д. И. Богдановскаго*), весьма извѣстнаго нашего богослова-экзегета,—проф. *А. А. Бронзова*, не менѣе извѣстнаго богослова-моралиста,—проф.-протоіерея *І. Н. Королькова*.—проф. *Ө. С. Орнатскаго* (члена учебнаго комитета),—проф.-прот. *А. А. Глаголева*, выдающагося библеиста, и *П. В. Левитова*, талантливаго богослова-моралиста, хотя, къ сожалѣнію, доселѣ еще не профессора. Глубоко сожалѣемъ, что изъ писемъ названнхъ лицъ мы не можемъ, по совершенно понятной причинѣ, привести здѣсь соотвѣтствующія выдержки, съ точнымъ указаніемъ принадлежности ихъ опредѣленному автору. Но, тѣмъ не менѣе, сдѣлаемъ изъ нихъ нѣкоторыя выписки, не называя авторскихъ именъ. Вотъ онѣ: „Я восхищаюсь Вашими печатными трудами. Восхищаюсь Вами болѣе, чѣмъ другими. Почему? Да потому, что вижу въ Васъ то, что мнѣ болѣе всего симпатично: пишете легко, просто и въ современномъ духѣ. Это дороже всего. *Всегда оставайтесь вѣрны этому направленію* (курсивъ автора). Ради Бога не закапывайтесь въ „археологію“, никому не-нужную, что-бы тамъ кто ни говорилъ“... „Восхищаюсь (изъ другого письма того-же автора) Вашимъ неизмѣннымъ трудолюбіемъ, образцовымъ всегда, а въ наши дни особенно. Дай Богъ Вамъ—докончить огромный трудъ съ такимъ-же успѣхомъ. съ какимъ и начали его. Дай Богъ Вамъ служить и впредь науцѣ столько-же доблестно и славно! Я радъ, что Университетъ получилъ такого блестящаго профессора. Штудирую Вашу новую книгу. Желая Вамъ довести свое дѣло до конца“.—„Я былъ бы очень радъ за русскую богословскую науку и всѣхъ интересующихся ею, если бы Вы довели до конца Ваши ученныя „лекціи“ и сдѣлали для Нравственнаго Богословія тоже, что сдѣлалъ проф. *П. Я. Свѣтловъ* для богословія догматическаго и основнаго“.—„Прочитавъ Ваше сочиненіе: Изъ лекцій по нравственному Богословію (*Prolegomena*), я вынесъ впечатлѣніе, что оно—трудъ солидный... Часть Вашей (новой) книги уже прочитана мною по изданію 1913 г., а остальную часть читаю теперь. Особенно обращаетъ мое вниманіе въ Вашемъ трудѣ громадная эрудиція въ той области, въ какой работаете. Дай Богъ Вамъ окончить свой трудъ съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ начали его... и онъ несомнѣнно будетъ оцѣненъ достойнымъ образомъ“.—„Отъ

души поздравляю Васъ съ выполненіемъ столь капитальнаго труда, достойно вѣнчающаго Вашу многоплодную учено-литературную дѣятельность... Преклоняюсь предъ Вашею глубокою работоспособностію, давшою Вамъ возможность—при наличности и постороннихъ трудовъ—въ сравнительно короткій срокъ осуществить столь капитальную ученую работу.—„Съ великою радостью привѣтствую Васъ съ окончаніемъ I-го т. Вашего *капитальнаго труда по нравственному Богословію*“ (курсивъ автора)... „Первый томъ Вашего „Опыта нравственнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“—*книга солидная* (курс. автор.)!.. Дай Богъ быть Вамъ увѣнчаннымъ за нее степенью доктора!.. „Учено-литературный трудъ (изъ другого письма этого-же автора) составляетъ потребность Вашей души. Такіе люди являются „докторами“ по природѣ“.

Мало того. Изъ самой, такъ сказать, гущи учебной жизни раздаются голоса въ пользу нашей работы. Оказывается, что законоучители гимназій гораздо проще и трезвѣе смотрятъ на вещи и безъ конца лучше разбираются въ опредѣленіи *практическаго* значенія нашей книги, чѣмъ, напр., ученый, университетскій профессоръ Богословія, смотрѣвшій на нее глазами крайне тенденціознаго критика¹⁾. Въ доказательство этого позволимъ себѣ привести здѣсь выдержки изъ „юбилейнаго“ (значить-подлежащаго оглашенію) письма къ намъ одного изъ многихъ законоучителей южной полосы Россіи (г. Азовъ). „22-го сего ноября (1914 г.), по сообщенію „Харьк. Вѣдомостей“,—писалъ намъ батюшка — о. законоучитель, — „исполняется 25-лѣтіе Вашей многополезной пастырской и учено-литературной, по кафедрѣ Богословія, дѣятельности. Высокопросвѣщенная и благородная Ваша дѣятельность и личность извѣстна мнѣ по Вашимъ *богословскимъ трудамъ* (курс. автор.) и по всеобщимъ отзывамъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова (особенно отъ моихъ сыновей, студентовъ юридическаго факультета), почему приѣмлю смѣлость и почитаю долгомъ привѣтствовать В. В-добіе отъ себя лично и, какъ уроженецъ Дона, отъ имени многочисленныхъ родителей донцовъ, учащихся въ высшихъ школахъ Харькова... Глубокая научная эрудиція, неотразимая логика и экзегетическая обоснованность *Вашихъ лекцій*

¹⁾ „Отдыхъ христіанина“ 1915 г., іюнь, стр. 775.

(к. а.) создаютъ въ послѣдніе годы желательное религіозно-нравственное направленіе студенчества; отрицательныя мнѣнія всякихъ соціальныхъ лжеученій среди свѣтской молодежи уступаютъ мѣсто здоровымъ воззрѣніямъ... вмѣстѣ съ симъ почтительнѣйше прошу В. В-добіе о высылкѣ мнѣ (наложнымъ платежемъ) Вашей новой книги: „Опытъ нравств. православно. Богословія въ апологетич. освѣщеніи“, каковая послужитъ для насъ памятью о Вашемъ 25-лѣтнемъ юбилеѣ“.

Такъ отзываются о нашемъ трудѣ люди безпристрастные, относящіеся къ нему, при обсужденіи его, съ объективнымъ хладнокровіемъ. Значитъ, и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, безпристрастіе и объективность нашихъ, не столько строгихъ, сколько озлобленныхъ критиковъ, въ родѣ г. Тарѣева и К-о, не усмотрѣвшихъ въ нашей книгѣ буквально ничего хорошаго, остаются подъ большимъ сомнѣніемъ.

Такихъ-то критиковъ послала намъ судьба! Въ чувствѣ христіанской любви къ ближнимъ молимъ Всевышняго, да хранитъ Онъ хоть *другихъ* нашихъ соработниковъ (въ особенности начинающихъ изъ нихъ) на нивѣ богословской отъ подобныхъ критиковъ, которые, своимъ желчнымъ глумленіемъ надъ ними и ихъ трудами, могутъ только отбить у нихъ всякую охоту работать въ избранной ими научной области!

Въ одномъ только отношеніи мы лично можемъ быть благодарны такимъ критикамъ,—это именно въ томъ отношеніи, что они помогли намъ выйти изъ того *горестнаго* моральнаго состоянія, о которомъ говоритъ Спаситель: „Горе, егда *добрѣ* рекутъ вамъ *всеи* *человѣцы*“ (Лук. 6, 26).

Закончимъ свою отподѣль слѣдующимъ завѣреніемъ: я—человѣкъ *мира* и для страстной полемической борьбы, да еще съ такими безмѣрно „бранчливыми“ критиками, какъ напр., г. Тарѣевъ, я не созданъ и не гожусь, а, по сему, на всѣ ихъ дальнѣйшія инсинуаціи по нашему адресу, если бы таковыя послѣдовали, буду отвѣчать полнѣйшимъ молчаніемъ.

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

Харьковъ.

30 Ноября 1915 г.

Очерки по исторіи христіанской иконописи.

Продолженіе *).

V.

Византійское искусство. Седьмой Вселенскій Соборъ.

Съ начала IV в., съ наступленіемъ царствованія Константина Великаго, въ греко-римской имперіи открывається новая эпоха жизни. Объявляется свобода религіозной совѣсти, гоненія на христіанство прекращаются, самъ Императоръ Константинъ открыто становится христіаниномъ и своею ревностію о св. вѣрѣ пріобрѣтаетъ славу Равноапостольнаго. Общественно-государственная жизнь въ имперіи начинается созида ться на новыхъ, христіанскихъ началахъ. Эпоха Константина и его преемниковъ IV—VIII вв. слагается въ самый кипучій расцвѣтъ христіанства во всѣхъ отношеніяхъ.

Это время стало новой эпохой и для христіанскаго искусства. Это послѣднее теперь вышло изъ подземелій на свѣтъ Божій. Идеи божественной религіи широко и свободно теперь могли открываться во всѣхъ видахъ художественнаго творчества.

Императоры, начиная съ Константина Великаго, старались ознаменовать каждый свое царствованіе созданіемъ возможно большаго количества обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ храмовъ. Въ этомъ отношеніи сказывался у нихъ строительный геній древнихъ римскихъ кесарей, такъ любившихъ строить грандіозныя общественныя и государственныя зданія и памятники. Императоры этого періода

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1915 г.

привлекали къ храмоздательству всѣ лучшія силы своего государства, направляя сюда все художественное творчество своего времени, и часто напрягали до крайности народныя матеріальныя жертвы на это дѣло. Любя до страсти церковное строительство, императоры сами лично стояли во главѣ его, покровительствовали христіанскому искусству во всѣхъ его видахъ и не щадили своихъ личныхъ жертвъ на процвѣтаніе его. Многіе изъ греческихъ императоровъ и императрицъ прославились своею ученостію и выдающимися художественными талантами въ области церковной живописи и церковной поэзіи. Благодаря такимъ условіямъ, въ эту эпоху IV—VIII вв. христіанское искусство могло получить самое широкое и блистательное развитіе.

Константинъ Великій, созидавая новое христіанское государство, оставляетъ Римъ, прежнюю столицу римско-языческой культуры, и основываетъ столицу новую на берегахъ Босфора, на мѣстѣ древней Византіи, давъ ей наименование Константинополя (у русскихъ—Царь-Градъ). Сюда перемѣщается центръ новой христіанской государственности и новой христіанской культуры. Византія—Константинополь становится центромъ и новаго свободнаго христіанскаго искусства.

Здѣсь непрерывно въ этотъ періодъ созидались новые и новые храмы, одинъ роскошнѣе и великолѣпнѣе другого. Здѣсь разрабатывались разнообразныя виды и направленія искусства и создавались новые; опредѣлялись художественныя приемы и техника, воспитывался опредѣленный художественный вкусъ. Полнаго расцвѣта это художественное движеніе достигло въ царствованіе Импер. Юстиніана (527—565 г.), который сосредоточилъ все напряженіе тогдашняго искусства на созданіи замѣчательнѣйшаго памятника христіанскаго зодчества, храма Св. Софіи—Божіей Премудрости. Византія становилась, такимъ образомъ, главпою школою новаго художественнаго христіанскаго творчества. Отсюда уже это художественное теченіе распространялось по всей имперіи и по всему цивилизованному міру, проникая постепенно даже въ варварскія страны. Именно здѣсь, въ Византіи, и именно въ этотъ періодъ христіанское искусство сложилось въ опредѣленный художественный обликъ, въ тотъ своеобразный и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчатель-

ный стиль, который получилъ въ исторіи человѣческой культуры особое названіе: „византійскій стиль“.

Византія на берегахъ Босфора сдѣлалась средоточіемъ, гдѣ пересѣкались и переплавлялись религіозныя и культурныя вліянія Востока и Запада. Стремясь разработать на развалинахъ греко-римской языческой культуры новую христіанскую, Византія тѣмъ не менѣе не могла не воспринять въ себя для переработки въ качествѣ матеріала религіозно-культурные элементы эллинизма, Рима, Персіи, Индіи, Сиріи и Египта. Изъ всего этого выработалось все своеобразие византійской жизни. И оригинальность, стиль византійскаго искусства заключается въ томъ, что оно впитало и преобразовало въ себѣ художественные элементы этихъ разнообразныхъ культуръ.

Конечно, наиболѣе сильны были въ Византіи художественныя традиціи эллинизма: она была прямой наслѣдницей этого послѣдняго. По крайней мѣрѣ въ первые вѣка византійской эпохи на греческомъ Востокѣ продолжалось изученіе древне-греческихъ философіи, науки, поэзіи и искусствъ. Уже св. ап. Павелъ былъ знакомъ съ ними. На нихъ воспитывались научно-философскіе вкусы христіанскихъ учителей, особенно Александрійской школы II и III вв. Святые же отцы Церкви IV и V вв. широко пользовались греческими философами и греческимъ краснорѣчіемъ для раскрытія и утвержденія христіанскихъ идей. Эстетическій вкусъ византійцевъ прежде всего воспитывался на многочисленныхъ и великолѣпныхъ памятникахъ искусства, созданныхъ греческимъ гениемъ и разсѣянныхъ по всему греческому Востоку. Мастерство и техника въ искусствѣ въ то время слѣдовали по прежнему греческимъ традиціямъ. Правильное и изящное изображеніе природы, тонкое пониманіе красоты формъ, чувство мѣры, стремленіе и умѣнье находить въ изображеніяхъ движеній грацію и прелесть,— всѣ эти отзвучія высокаго эллинскаго стиля весьма замѣтно отражались уже въ ремесленной техникѣ катакомбной иконописи; они же продолжали чувствоваться и въ византійскимъ искусствѣ IV—VIII вв.

Въ своеобразное сочетаніе съ эллинизмомъ византійскаго искусства вошли художественныя вліянія Индо-Персидскаго и Сиро-Египетскаго Востока. Они сказались прежде

всего въ той пышности искусства, какая вообще характеризуетъ восточное изобразительное творчество. Византійцы, подражая вкусамъ восточныхъ художниковъ, перестали довольствоваться простотою и несложностію античныхъ произведеній, они начали создавать свои произведения искусства изъ самыхъ драгоценныхъ и блестящихъ матеріаловъ: золота, серебра, драгоценныхъ камней, слоновой кости. У нихъ появились производства пышной художественности въ видѣ роскошныхъ мозаикъ, дорогихъ эмалей, золоченой живописи—фресокъ съ золотыми оживками, драгоценныхъ и роскошно разукрашенныхъ рукописей, миниатюръ и художественныхъ окладовъ (переплетовъ), пышныхъ и блестящихъ тканей и вышивокъ. Вмѣстѣ съ такою пышностію Востокъ внесъ въ это искусство церемоніальность и обстановочную декоративность. Въ восточныхъ странахъ вокругъ трона и дворца повелителей былъ созданъ цѣлый культъ почитанія власти и преклоненія предъ нею. Чѣмъ предметъ представлялся тамъ величественнѣе и священнѣе, тѣмъ большею церемоніальностію обставлялся доступъ къ нему. Это мы видимъ въ египетскихъ изображеніяхъ придворныхъ церемоній, а также и въ изображеніяхъ халдейскихъ и персидскихъ царей. И византійское религіозное искусство начало усваивать себѣ такую же склонность окружать священнодѣйствія и образы свв. лицъ и событій величественною и строго-опредѣленною обстановкою. Въ иконописи это достигалось прежде всего строгою симметрией и роскошно разработанными архитектурными фонами, а потомъ сложными композиціями то въ одной картинѣ, то въ цѣлой системѣ храмовыхъ росписей, въ которыхъ Спаситель, Богоматерь или какое либс свящ. событіе обставлялись опредѣленными и торжественными группами поклоняющихся или идущихъ на поклоненіе имъ свв. праведныхъ мужей и женъ, апостоловъ, пророковъ, праотцевъ, ангеловъ. Такая величественная и священная церемоніальность въ византійской иконописи воспроизводила какъ бы торжественный чинъ богослуженія. Это налагало особый отпечатокъ и на все византійское искусство: оно было проникнуто тихимъ и возвышенно-религіознымъ спокойствіемъ, а потому изъ него устранялись бурныя и стихійныя движенія какъ группъ, такъ и отдѣльныхъ фигуръ.

Въ особенности же вліяніе Востока на византійское искусство выразилось въ привитіи ему постоянного стремленія къ условной обработкѣ художественныхъ заданій и темъ. Это—черта чисто восточнаго искусства. Да и въ жизни Востока характерною чертою являются неподвижность, твердость обычая, святость преданій, неприкосновенность священныхъ символовъ, строгость и нерушимость религиозныхъ установленій. Художественное творчество здѣсь должно подчиняться установленнымъ традиціямъ вѣры, народа, племени. На Востокѣ, обыкновенно, священныя изображенія, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, понемногу начинали отходить отъ своего первобытнаго натурального вида и представлялись потомъ въ чертахъ условныхъ, нарочито и навсегда установленныхъ. Напримѣръ, въ Египетскомъ искусствѣ изображенія боговъ, царей, жрецовъ, душъ умершихъ уже въ глубокой древности получили свой опредѣленный каноническій типъ настолько, что въ теченіи тысячелѣтій въ стѣнописяхъ храмовъ и дворцовъ представлялись одинаково въ прежнихъ, уже знакомыхъ, чертахъ. Здѣсь даже изображенія обыкновенныхъ предметовъ и лицъ въ натуральныхъ явленіяхъ также дѣлались въ упорно условныхъ чертахъ: пейзажи безъ перспективы въ видѣ плановъ, человѣческія фигуры съ повороченной головой на плечахъ, обращенныхъ къ зрителю и т. п.

Въ духѣ этой восточной художественной каноники и византійское искусство начало вносить въ свои священныя изображенія тенденцію условности. Прежде всего она сказалась въ настойчивомъ желаніи его выработать и укрѣпить опредѣленные иконографическіе типы Спасителя и Богоматери. Мы уже видѣли, сколько поработалъ надъ этимъ византійскій геній. Въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе расширилъ эту свою задачу, обративъ вниманіе на выработку типовъ множества другихъ изображеній свв. лицъ и событій съ установленіемъ твердыхъ нормъ для нихъ въ видѣ такъ называемыхъ иконописныхъ подлинниковъ. Эта художественная каноника у византійцевъ распространилась отъ иконописныхъ типовъ и на художественную технику. Постепенно у нихъ стала укрѣпляться любовь къ установленнымъ и испытаннымъ приемамъ въ изображеніяхъ всѣхъ художественныхъ деталей: фоновъ, одеждъ, драпировокъ,

размѣровъ, красочныхъ тоновъ и т. п. Этимъ путемъ постепенно въ византійскомъ искусствѣ опредѣлялся художественный, иконописный его стиль. Чѣмъ выше онъ становился, тѣмъ гармоничнѣе онъ сочеталъ эту условность внѣшнихъ формъ съ внутреннимъ содержаніемъ иконописи; чѣмъ былъ ниже и болѣе клонился къ упадку, тѣмъ бездушиѣе онъ былъ, забывая духовное, внутреннее свое содержаніе и всецѣло отдаваясь механической копировкѣ установленныхъ типовъ.

Всѣ эти элементы византійскій гений воспринималъ въ высшихъ своихъ постиженіяхъ не механически. Главнымъ художественнымъ источникомъ для него было не эллинское или восточное міросозерцаніе, но глубокое христіанское сознаніе и пламенность его христіанскихъ упованій. Въ этомъ заключались сила и залогъ его художественнаго расцвѣта. Эллинскій и восточный элементы онъ свободно старался переплавить въ горнилѣ своего христіанскаго духа, извлечь изъ нихъ для себя лучшее и сколь возможно сочетать ихъ съ вѣчной красотой христіанскихъ идей.

Развитіе христіанскаго сознанія и направленіе духа жизни въ эпоху IV—VIII вв. оказали главное вліяніе на характеръ византійскаго искусства. Эта эпоха была ознаменована дѣятельностію семи вселенскихъ соборовъ. На нихъ раскрыто было во всемъ величіи догматическое ученіе христіанства, по преимуществу его религіозно-божественная сторона. И это ярко отразилось на созданіи въ искусствѣ въ это время законченныхъ прекрасныхъ типовъ божественной царственности и божественнаго величія Спасителя, Богоматери и Церкви Христовой. Но эта же эпоха была расцвѣтомъ и христіанскаго аскетизма, давшего цѣлый рядъ свв. мужей изумительной силы духа, подвижничества, борьбы со зломъ, съ плотію, презрѣнія къ благамъ міра, пафоса духовнаго, — мужей равноангельскаго, безплотнаго житія. Монашество этого періода оказывало огромное вліяніе на византійскую жизнь и міросозерцаніе. Понятно, что аскетическій пафосъ духа и презрѣнія къ плоти не могъ не отразиться на характерѣ византійскаго искусства. И, дѣйствительно, византійскій аскетизмъ отразился во множествѣ художественныхъ особенностей этого послѣдняго: въ одухотворенности фигуръ, въ тонкости ихъ тѣлъ, въ глубинѣ

широко открытых очей, въ молитвенномъ экстазѣ ихъ лицъ, въ монашескихъ деталяхъ ихъ внѣшности (длинные волосы, бороды, длинныя и темныя одежды, босыя ноги и т. п.).

Византійское искусство слагалось постепенно. Въ исторіи его мы усматриваемъ періоды: зачаточный-начальный, расцвѣта, упадка и возрожденій.

Начальный періодъ его совпадаетъ съ IV и V вѣками. Въ восточно-христіанскихъ памятникахъ этого времени сказывается еще широкая художественная связь съ катакомбнымъ искусствомъ какъ въ типахъ, такъ и въ эллинистическихъ художественныхъ традиціяхъ. Мы здѣсь часто встрѣчаемъ христіанскіе символы въ различныхъ сочетаніяхъ и художественныя воспроизведенія Добраго Пастыря, монограммъ Христа, агнецовъ и проч. Въ композиціяхъ этихъ памятниковъ встрѣчаются часто въ эллинскомъ духѣ разнообразныя аллегоріи. Въ техникахъ мы находимъ античныя типы, высокій пошибъ греческаго рисунка, простоту и грацію позъ, драпировокъ. Особенно примѣчательно то, что этотъ античный художественный вкусъ здѣсь выраженъ даже сильнѣе и благороднѣе, чѣмъ въ ремесленной техникахъ катакомбной иконописи. Но при всемъ этомъ здѣсь уже намѣчаются и все болѣе развиваются новыя элементы спеціально византійскіе: сложность композицій, декоративность, повторяемость главнѣйшихъ типовъ и система установки храмовыхъ росписей.

Расцвѣтъ этого искусства подаетъ на знаменитый вѣкъ Юстиніана и его ближайшихъ преемниковъ, т. е. на VI, VII и половину VIII вв. Изъ этого періода до насъ дошли очень немногіе памятники въ цѣльномъ своемъ видѣ, но или въ фрагментахъ или же въ провинціальныхъ копіяхъ. Однако и это немногое такъ ярко свидѣтельствуетъ о высокой степени развитія этого искусства, что въ усвоеніи этому періоду характера расцвѣта искусства невозможно сомнѣваться. Въ это время художественный гений византійцевъ съумѣлъ подняться до гармоническаго сочетанія въ своихъ произведеніяхъ отличительныхъ особенностей своего творчества, не впадая ни въ односторонность, ни въ натяжки, ни въ преувеличенія. Мѣра сочетанія вышеотмѣченныхъ нами элементовъ въ этомъ искусствѣ была, наконецъ, по-

стигнута. Теперь въ изображенія установившихся иконописныхъ типовъ была внесена величественная декоративность, блескъ и спокойствіе богослужебнаго церемоніала, возвышенно-догматическое освѣщеніе и глубокій пафосъ духа, — но все это было связано въ цѣльность божественныхъ образовъ съ самымъ тонкимъ пониманіемъ искусства и съ самымъ совершеннымъ постиженіемъ духовной красоты и небесной прелести.

При такомъ блестящемъ состояніи византійскаго искусства въ этотъ періодъ въ христіанскомъ мірѣ чрезвычайно усилилось иконопочитаніе. Вмѣстѣ съ устройствомъ всюду множества храмовъ и стремленіемъ возможно роскошнѣе украсить ихъ христіане умножали переносныя священные изображенія, въ особенности иконы для своего домашняго и повседневнаго употребленія. Конечно, съ высокимъ совершенствомъ украшались только богатыя и цѣнныя священные изображенія. По мѣрѣ же упрощенія и распространенія ихъ, а равно и удешевленія ихъ стоимости, понижалось иконописное и художественное ихъ достоинство. Въ нихъ, какъ въ грубыхъ копіяхъ, только отдаленно отобразился высокій уровень искусства тогдашнихъ совершенныхъ памятниковъ. Въ этомъ обстоятельствѣ уже заключались признаки возможнаго пониженія и даже паденія этого искусства. Рядомъ съ этимъ въ народныхъ массахъ вслѣдствіе фанатической борьбы религіозныхъ партій изъ-за несторіанской и монофизитской ересей грубѣло отношеніе къ святымъ иконамъ и вообще къ священнымъ изображеніямъ: забывался духовный смыслъ и художественно-эстетическое значеніе ихъ; у однихъ преувеличивалось ихъ значеніе до степени божественныхъ святыхъ, у другихъ же возникало отрицательное и даже кощунственное отношеніе къ нимъ, какъ къ предметамъ будтобы противорѣчащимъ духовному поклоненію Богу. Такъ подготовлялось движеніе противъ иконопочитанія. Политика, заставлявшая тогдашнихъ византійскихъ императоровъ считаться съ языческими монархіями Востока и въ особенности съ возникшимъ опаснымъ мусульманствомъ, привела ихъ къ мысли сблизить христіанство съ мусульманствомъ и рѣше подчеркнуть его духовность чрезъ уничтоженіе иконопочитанія. Оправдываясь крайностями грубаго народнаго почитанія иконъ, им-

ператоръ Левъ Исаврянинъ (съ 726 г.) и въ особенности Константинъ V Копронимъ открыли настоящее гоненіе на иконопочитаніе и на источникъ его—христіанско-византійское искусство. Такъ возникло въ Византіи иконоборство, длившееся до 842 г. и приведшее въ возмущеніе всю государственную жизнь имперіи, такъ какъ противъ враговъ священнаго искусства поднялись и народъ и всѣ лучшіе культурные христіане того времени во главѣ со св. Іоанномъ Дамаскинѣмъ.

Иконоборческое гоненіе, столь длительное, отличалось чрезвычайною жестокостію, напомиравшею времена языческихъ гоненій. Это было ужасное время для христіанскаго искусства. Оно получило глубокой ударъ, было обезсилено и подорвано на долгое время. Поощряемые императорами, иконоборцы безжалостно уничтожали все, что имѣло на себѣ священныя изображенія. Стѣнописи сдирались или замазывались известкой, многочисленныя иконы пзрубались на куски, сжигались, бросались въ воду; кресты, свящ. сосуды и церковныя предметы изъ металловъ переплавлялись, рукописи съ миниатюрами разрывались или сжигались. Въ пылу страстей и кровопролитныхъ схватокъ часто сжигались храмы, монастыри, библіотеки, епископскія зданія и проч. Такимъ образомъ, отъ руки иконоборцевъ на вѣки погибли многочисленныя и драгоцѣннѣйшія для исторіи христіанскаго искусства произведенія.

Какъ ни ужасна была для христіанства эта катастрофа, тѣмъ не менѣе она не погубила въ конецъ его художественнаго творчества. Защитники православія, перенесши всѣ ужасы этого гоненія, непоколебимо отстаивая истину иконопочитанія, наконецъ, въ 787 году составили въ г. Никей Седьмой Вселенскій Соборъ для рѣшительнаго утвержденія догмата о немъ. Опреѣленіе Собора имѣло величайшее значеніе для оправданія св. иконъ и вообще христіанскаго искусства.

Вотъ въ какихъ словахъ составлено оно было: „Не вводя ничего новаго, мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія, утвержденныя письменно или исписьменно. Одно изъ нихъ заповѣдуетъ дѣлать живописныя иконныя изображенія; такъ такъ это, согласно съ исторіей евангельской проповѣди, служитъ подтвержденіемъ того, что Богъ

Слово истинно, а не призрачно вочеловѣчился и служить на пользу намъ, потому что такія вещи, которыя взаимно другъ друга объясняютъ, безъ сомнѣнiя и доказываютъ взаимно другъ друга. На такомъ основанiи мы, шествующiе царскимъ путемъ и слѣдующiе божественному ученiю святыхъ Отцевъ нашихъ и преданiю каѳолической церкви,—ибо знаемъ, что въ ней обитаетъ Духъ Святой, со всякимъ тщанiемъ и осмотрительностию опредѣляемъ, чтобы святая и честная иконы предлагались (для поклоненiя) точно такъ же, какъ изображенiя честнаго и животворящаго креста, будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ или (мозаическихъ) плиточекъ или изъ какого либо другого вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться во св. церквахъ Божiихъ на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа или непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще при помощи иконъ они дѣлаются предметомъ нашего созерцанiя, тѣмъ болѣе взирающiе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанiю о самыхъ первообразахъ, приобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденiй воздавать имъ лобзанiе, почитанiе и поклоненiе, но никакъ не то истинное служенiе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ одному только божественному естеству. Они возбуждаются приносить иконамъ вѣнцамъ въ честь ихъ, и освящать ихъ подобно тому, какъ дѣлаютъ это и въ честь изображенiя честнаго и животворящаго креста, св. ангеловъ и другихъ священныхъ приношенiй и какъ по благочестивому стремленiю дѣлалось это обыкновенно и въ древности, потому что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу и поклоняющiеся иконѣ поклоняются вполнѣ изображеннаго на ней. Такое ученiе содержится у св. отцовъ нашихъ, т. е. въ преданiи Каѳолической церкви, въ которой евангелiе преемственно переходило отъ одного лица къ другому 1).

Въ такомъ своемъ опредѣленiи Седьмой Вселенскiй Соборъ ясно указалъ, что во 1-хъ: иконопись и иконопочитанiе

1) „Дѣянiя Вселенскихъ Соборовъ“ въ русск. переводѣ, т. VII, стр. 592—594.

возникли въ Церкви изначала, во 2-хъ: иконописное искусство обнимаетъ самый широкій кругъ священныхъ изображеній въ краскахъ, мозаикахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и доскахъ, въ храмахъ, домахъ и при дорогахъ, въ 3-хъ: искусство это должно имѣть исключительно священное, религіозное содержаніе,—воспроизводить образы Господа Бога, Спасителя, Богоматери, ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей; въ 4-хъ: почитаніе этихъ священныхъ изображеній должно состоять въ возношеніи ума и сердца къ первообразамъ и въ 5-хъ: такое иконопочтаніе воспитываетъ и укрѣпляетъ у христіанъ духъ глубокой вѣры и любви къ Господу и святымъ Его и потому становится могущественной религіозно-воспитательной силой для православнаго міра. Такимъ образомъ, Церковь признавала иконописное искусство своимъ, возникшимъ изъ самыхъ нѣдръ своихъ, признавала за нимъ самое благодѣтельное значеніе и потому отдавала въ распоряженіе его творчества все богатство своего содержанія. Понятно, что этимъ Церковь создавала самыя благопріятныя условія для дальнѣйшаго его развитія.

Страсти борьбы съ иконоборчествомъ послѣ этого Вселенскаго Собора постепенно улегались и стихали, борьба съ ересью заканчивалась, и въ 842 г. въ Константинополѣ Церковь торжественно отпраздновала побѣду надъ этимъ темнымъ движеніемъ.

Весь этотъ свыше чѣмъ столѣтній періодъ иконоборчества, былъ, какъ мы уже говорили, періодомъ глубокаго упадка и безмолвія византійскаго искусства во всѣхъ его видахъ. Но чѣмъ глубже оно подавлялось тогда, тѣмъ стихійнѣе и могуче оно стало пробуждаться въ слѣдовавшій затѣмъ періодъ, въ который вновь развернулось во всей своей красотѣ. Этотъ третій его періодъ называютъ по всей справедливости „Византійскимъ Возрожденіемъ“. Онъ совпалъ съ царствованіями императоровъ двухъ династій: Македонской и Комненовъ въ X—XII вв. Для насъ, русскихъ, „Византійское Возрожденіе“ имѣетъ особый интересъ потому, что оно именно широко отразилось на культурѣ слагавшагося тогда русскаго государства и на дошедшихъ до насъ отъ того времени древнерусскихъ храмахъ, иконахъ и другихъ церковныхъ памятникахъ.

Византійскому искусству этого времени хотѣлось какъ бы вдоволь надышаться свободнымъ и естественнымъ творчествомъ, освѣжиться и набраться силъ на постиженіи памятниковъ совершенной красоты. Съ этою цѣлію философско-научныя и художественныя силы византійцевъ съ неудержимымъ порывомъ устремляются къ изученію древнегреческой философіи, поэзіи и искусства. Они горячо отдаются этому увлеченію. Въ художественныхъ эллинскихъ памятникахъ они вновь, какъ въ первохристіанскія времена, почерпаютъ для себя образцы высокой техники и красоты. Свои христіанскія произведенія они вновь облачаютъ въ античныя формы: вносятъ въ нихъ греческіе типы, греческій рисунокъ въ позахъ и драпировкахъ, греческую обстановку зданій и аркадъ въ большихъ и малыхъ композиціяхъ. Античные образы боговъ, богинь и геніевъ въ видѣ аллегорій (мелодія, ночь, мудрость, сила и проч.) во множествѣ вносятся въ рукописныя иллюстраціи и даже въ стѣнные росписи. Правда, византійскіе художники не рабски копировали въ этомъ случаѣ греческіе образцы. Съ большимъ искусствомъ и чувствомъ мѣры они пользовались этимъ матеріаломъ для изображеній христіанскихъ идей и священныхъ предметовъ.

XIII вѣкъ былъ новой катастрофой для византійскаго искусства. Крестоносцы въ 1204 году; взявшіе Константинополь и основавшіе здѣсь Латинскую Имперію, безжалостно опустошили его, наполовину разрушили, разграбили его сокровища и уничтожили множество драгоценныхъ художественно - христіанскихъ памятниковъ. Погромъ былъ настолько чувствителенъ, что византійское искусство вновь пало и заглохло почти на цѣлое столѣтіе.

Возрожденіе Византійской Имперіи въ началѣ XIV в. и воцареніе императоровъ династіи Палеологовъ открыло въ Византіи новую и уже послѣднюю, предсмертную, эпоху возрожденія византійскаго искусства. Только недавно, благодаря новымъ археологическимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ памятниковъ этой эпохи, было вполне понято и оцѣнено какъ должно высокое художественно-культурное значеніе этого вѣка Палеологовъ. Памятники творчества этой эпохи удивительны по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ. „Новое искусство вдохновляетъ ихъ,

говорить Ш. Диль, искусство живое, искреннее, полное движенія, экспрессивности, живописныхъ чертъ, искусство, увлеченное реалистическими и правдивыми наблюденіями. Чувствуется, что художники того времени не дремятъ въ традиціонной неподвижности, но учатся видѣть природу и жизнь. Они любятъ индивидуализированные типы, иногда даже народные и простые. Они вкладываютъ въ свои произведенія наивность и неожиданную свѣжесть, которая не исключаетъ, впрочемъ, изысканнаго изящества, мастерства композиціи и способности возвыситься до замѣчательнаго стиля. Къ рѣдкому чувству декоративныхъ качествъ, они присоединяютъ чувство и пониманіе несравненнаго цвѣта. Ихъ веселый, сіяющій колоритъ, плотный и нѣжный въ одно и тоже время, внушаетъ иногда удивительное очарованіе. Въ этихъ вмѣстѣ и наивныхъ и мастерскихъ работахъ византійское искусство пробудилось для своего послѣдняго Возрожденія, которое, отъ начала XIV и до самаго XV в. вызвало къ жизни рядъ прекрасныхъ произведеній. Въ ту самую минуту, когда, казалось, это искусство пришло къ полному истощенію, оно еще разъ явило себя полнымъ жизненныхъ силъ и готовымъ обновиться“ 1).

Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ турками и Византійская имперія пала. На ея развалинахъ основалась турецкая мусульманская имперія. Уцѣлѣвшее христіанское населеніе здѣсь, конечно, не могло жить свободною жизнію. Только въ неприступныхъ дебряхъ Аѳонской Горы, въ пустынныхъ скитахъ и киновіяхъ, греческіе монахи сохраняли культурные обломки древней Византіи въ видѣ книжныхъ и иконныхъ сокровищъ. Вслѣдствіе этого византійское искусство пришло теперь въ глубокой упадокъ, длящійся и до настоящаго времени. Правда, впоследствии на Аѳонѣ оно однажды попыталось оживиться, вдохновленное новыми художественно-творческими силами. Но подняться до прежней высоты оно уже не могло. Живой византійскій геній въ немъ уже пережилъ себя. Оно опустилось техникой своей и изсякло внутреннимъ своимъ содержаніемъ. Механическое ремесло теперь замѣнило въ немъ творчество прежнихъ эпохъ. Искусный мастеръ только переводилъ прежніе сюжеты безъ

1) И. Грабаръ. Исторія русскаго искусства. Москва. Вып. XVIII, стр. 64—65.

новыхъ мыслей и вдохновеній. Вся забота теперь была направлена къ собранію и твердому закрѣпленію раньше добытыхъ иконографическихъ типовъ. Ничего новаго, все прежнее въ незатѣйливыхъ варіаціяхъ. Полное безличіе работы, традиціонность, ординарное однообразіе, неподвижность и мертвенность—вошли теперь въ стили этого искусства. Условность въ изображеніяхъ иконографическихъ типовъ и деталей теперь было доведено до крайности, напр. прежнія изящныя складки одежды и драпировокъ теперь превратились въ шаблонныя линіи уродливаго рисунка. Внѣшняя форма здѣсь потеряла всякое художественное значеніе. Самые тона и блескъ красокъ потускнѣли. На первый планъ выступило догматическое и дидактическое содержаніе иконописи. Аскетическій пафосъ подвижника замѣнился въ ней холоднымъ безстрастіемъ отшельника, человѣкъ не отъ міра сего; образъ божественной жизни перешелъ въ холодную иллюстрацію поученія.

Такимъ образомъ, паденіе византійскаго искусства выразилось въ исчезновеніи въ немъ живого творчества, въ потерѣ имъ гармоніи своихъ специфическихъ элементовъ и въ преувеличеніи до уродливости крайностей этихъ элементовъ.

Въ эпохи своего высокаго развитія византійское искусство проявило себя особенно ярко въ двухъ видахъ: архитектурѣ и иконописи. Византійская же иконопись въ свою очередь наиболѣе полно выразила свое содержаніе и характеръ въ мозаикахъ, фрескахъ и миниатюрахъ, къ разсмотрѣнію коихъ мы и приступимъ.

Прот. П. Оомина.

(Продолженіе будетъ).

ШКОЛА и ОБЩЕСТВО.

(Продолженіе *).

III.

Самое простое объясненіе разрыва между русскимъ обществомъ и школой это то, которое предлагается со стороны этого самаго общества. Оно видитъ причины печальнаго разлада въ несовершенствѣ русской школы, въ крупныхъ недостаткахъ ея учебной и воспитательной системы, ея организаци и управленія и въ не соотвѣтствіи педагоговъ своему назначенію. Другое, такое-же простое и удобное, но въ такой-же степени одностороннее и неглубокое объясненіе,—предлагается педагогами: оно считаетъ причиной разлада несправедливость, пристрастіе, тенденціозную враждебность къ школѣ русскаго общества, его полную неосвѣдомленность въ педагогическихъ вопросахъ. То и другое объясненіе имѣетъ свои основанія, оба заслуживаютъ полнаго вниманія и будутъ нами подробно разсмотрѣны; но оба, помимо своей односторонности, страдаютъ нѣкоторой неполнотой и отчасти поверхностностью. Всѣ вины, которыя указываются той и другой стороной хотя и серьезны, но во всякомъ случаѣ—временны и болѣе или менѣе обычны—ихъ можно найти и у другихъ народовъ. Между тѣмъ разладъ между обществомъ и школой у насъ настолько серьезенъ, тяжба между ними тянется такъ долго, что тутъ временныхъ и случайныхъ причинъ для полнаго объясненія недостаточно; остановиться на нихъ, съ нихъ начать и ими кончить нельзя. Тутъ необходимо найти причины болѣе глубокія и болѣе давнія. А для

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1915 г.

этого нужно, опредѣливши время, съ какого началась эта борьба, уяснить, чѣмъ она тогда была вызвана, прослѣдить дѣйствія этой первопричины на протяженіи всей исторіи и, если возможно, подмѣтить возникновеніе новыхъ, а затѣмъ уже можно перейти и къ тѣмъ, которыя мы назвали временными. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ исторіи русской школы и въ ея безпристрастномъ свидѣтельствѣ найти основу для рѣшенія остро и страстно волнующаго общественнаго спора.

Зарожденіе русской школы относится ко временамъ сѣдой древности. Первые школы на Руси появляются вмѣстѣ съ христіанствомъ и, появившись, не прекращаютъ своего бытія во всю древнюю до-Петровскую эпоху русской исторіи, умножаясь въ числѣ и совершенствуясь внутренно. Петровская эпоха застала уже не только элементарныя „дьячковскія“ школы, но и болѣе высокія—братскія въ юго-западномъ краѣ, съ Кіево-Могилянскою академіею во главѣ, къ которой впослѣдствіи присоединилась московская славяно-греко-латинская. Каковы были эти школы, — можно смотрѣть разнo; но великая заслуга ихъ въ исторіи русскаго просвѣщенія не можетъ быть оспариваема—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, совершенно, впрочемъ, естественныхъ, если разсматривать ихъ въ правильной исторической перспективѣ, эти школы были все-таки создателемъ русскаго народа, все ученіе и воспитаніе въ нихъ было построено въ духѣ народныхъ идеаловъ и отражало въ себѣ народную душу; эти школы были глубоконаціональны и жизненны; созданныя народомъ, они крѣпко слились съ народной жизнью, народъ любилъ и считалъ ихъ своими, другихъ школъ онъ не зналъ и знать не хотѣлъ. Великій Преобразователь, задумавшій приобщить русскій народъ къ западной культурѣ, началъ пересаживать на русскую почву иноземные порядки и обычаи. Это сразу поставило его въ оппозицію къ приверженцамъ русской старины и вызвало жестокую борьбу съ ними. Старинная русская школа, хранительница народнаго духа и народныхъ идеаловъ, не могла остаться впѣ вниманія преобразователя. Онъ ее, правда, не уничтожилъ, такъ какъ понималъ ее большое просвѣтительное значеніе, но она не была той школой, какою онъ хотѣлъ, была слишкомъ идеалистична, ей далеки были узкія мате-

риально-практическія цѣли (спасеніе души—вотъ въ концѣ концовъ та цѣль, которую ставило воспитаніе въ древне-русской школѣ), а ему нужна была школа чисто профессиональная, для подготовки способныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ государственной службы. И вотъ онъ, оставляя старую въ забвеніи, заводитъ свои: цыфирныя, математическихъ и навигацкихъ наукъ, артиллерійскія, инженерныя и т. д., имѣвшія всѣ узко практическій профессионально-сословный характеръ; всѣ по нѣмецкому образцу, съ нѣмецкими науками, нѣмецкими методами преподаванія, нѣмецкими порядками, нѣмецкими учителями (и даже въ академическомъ университетѣ одно время съ нѣмецкими студентами, за неимѣніемъ русскихъ) и, конечно, нѣмецкимъ языкомъ для обученія. Заводитъ такія школы и со свойственной ему энергіей заполняетъ ихъ учениками, не останавливаясь ни передъ какими средствами. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись русскій народъ къ этимъ иноземнымъ школамъ. Уже одно то, что онѣ были чисто нѣмецкими, не внушало русскимъ людямъ довѣрія къ нимъ; а если присоединить сюда тѣ средства, какими правительство располагало общество къ этимъ школамъ, и тѣ нравы, которые въ нихъ утвердились, тогда станетъ совершенно понятной та глубокая ненависть, которую почувствовали къ новой школѣ русскіе люди. Конечно, очень большое значеніе здѣсь имѣли темнота и невѣжество русскаго народа, но было-бы легкомысленно ограничиваться только этимъ для объясненія зародившейся ненависти къ школѣ. Несомнѣнно, національное чувство было сильно задѣто здѣсь. Что школа изъ народной превращается въ государственную, съ этимъ тогдашнее общество легко мирилось, да врядъ-ли эта сторона реформы сознавалась имъ ясно. Мѣра эта была тогда и по существу необходима, потому что безъ государственной мощи, безъ государственнаго просвѣщеннаго и матеріальнаго содѣйствія русская школа развивалась-бы слишкомъ медленно. Могло-бы пожалуй оно примириться съ ней и въ томъ случаѣ, если-бы она была какимъ-нибудь образомъ связана съ созданной народомъ старой школой, если-бы она не тонтала тѣ идеалы, которымъ служила прежняя, и не была насквозь нѣмецкой. Нерасположеніе усиливалось тѣми жестокими порядками, какіе утвердились въ новыхъ школахъ. Конечно, и въ старыхъ

нравы не отличались мягкостью, но какъ ни были они суровы, они блѣднѣютъ передъ новыми нѣмецкими; нѣмцы, взявши въ руки русскую школу, совершенно истребили изъ школьнаго обихода тотъ, хотя и суровый, но все-таки отеческій духъ, который господствовалъ тамъ до этого времени; они завели настоящую солдатскую дисциплину со всѣмъ ея тогдашнимъ ужасомъ. Исключали изъ школы очень рѣдко „буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокоривъ и буде черезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніями одолѣть ему невозможно“¹⁾. А наказывали дѣйствительно жестоко, до такой степени жестоко, что учащіеся постоянно и въ очень большомъ числѣ удирали изъ школы, несмотря на то, что за это подвергались жестокой расправѣ: для ихъ поимки снаряжались воинскія команды, и пойманныхъ, скованныхъ въ кандалахъ, подъ карауломъ возвращали и безошадно наказывали плетью; для предотвращенія побѣговъ, учениковъ нерѣдко содержали въ тюрьмахъ; укрывателей карали лишеніемъ мѣсть, имущества и тѣлесными наказаніями, какъ и укрывателей бѣглыхъ солдатъ; за поимку бѣглеца назначалась награда въ 10 р. И все-таки бѣжали. И было отъ чего бѣжать, потому что жизнь въ Петровскихъ школахъ была нестерпима. Вотъ примѣры. Въ одномъ указѣ Петра В. читаемъ: „для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ, а быть имъ по человѣку въ каждой каморѣ во время ученія и имѣть хлысть въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой-бы онъ фамиліи ни былъ“. Обычными наказаніями были: плети, батоги, тюрьма, отдача въ солдаты безъ выслуги; виновныхъ часто „для вящаго наказанія заковывали въ ножныя желѣза, за неявку во время полагался штрафъ или правезъ“. „А для правезу тѣхъ штрафовъ ваять людей ихъ, а у кого людей нѣтъ—самихъ и бить на правезѣ, пока мѣсть тѣ штрафу не заплатятъ сполна“; въ Морской Академіи за ту-же вину били батогами. Такіе порядки догло держались въ русской школѣ и даже въ царствованіе императрицы Екатерины Великой случалось увѣченіе нѣмецкими учителями своихъ учениковъ,

¹⁾ Каптеревъ „Исторія русск. педаг.“ стр. 109; дальнѣйшія свѣдѣнія заимствуются изъ этого источника, с. 107—121.

и это не особенно преслѣдовалось, только для „женской особы“ рекомендовалось болѣе мягкое обращеніе: „въ гнѣвѣ не бить по щекамъ, ниже кулакомъ или палкой, но въ такихъ случаяхъ наказывать токмо лозой; также при исправленіи дѣтскихъ нравовъ ограничиваться ей всякихъ поносныхъ и бранныхъ словъ“. Наборы въ эти школы производились [такъ-же, какъ и рекрутскіе: устраивались особые смотры недорослей, за уклоненіе отъ которыхъ полагалась жестокая расправа и насильное водвореніе въ школу или отдача въ матросы „безъпроизводенія“. Понятно, что родители всѣ способы употребляли къ тому, чтобы дѣти не попали въ школу, въ родѣ преждевременной женитьбы, отдачи въ монастырь и т. п.; понятно, что они ее возненавидѣли всѣми силами своей души, и никогда эта ненависть не могла исчезнуть совершенно. При всей некультурности русскихъ людей и нелюбви ихъ къ образованію никакой ненависти и вражды въ до-Петровскую эпоху къ школѣ не было; было, правда, равнодушіе, но была и любовь. Зародились они при Петрѣ Великомъ и отъ него вошли въ русскую школу. То, чѣмъ новая школа отшатнула отъ себя русское общество, заключалось въ томъ, что она слишкомъ явно и слишкомъ грубо порвала съ древне-русскими воспитательными идеалами, совершенно отвергла древне-русскую церковно-народную школу и замѣнила ее утилитарно-государственной, съ ногъ до головы нѣмецкой; что она превратила свободное до сихъ поръ обученіе въ солдатчину и ввела въ школѣ солдатскіе порядки. Разрывъ свершился, началась новая эра въ исторіи школы, недовѣрія къ ней народа и вражды; послѣдующее время существенныхъ перемѣнъ не принесло.

Преемники Великаго Петра продолжали вести ее по тому-же пути послѣдовательнаго онѣмечиванія и все большаго и большаго истребленія въ ней народнаго духа и въ такой степени успѣшно, что въ концѣ концовъ само общество (конечно, верхи, а не народъ) вполне увѣровало въ западную культуру и западную педагогику, хотя, порвавъ съ государственной школой въ началѣ, оно уже съ ней не объединилось и пошло своей дорогой, еще болѣе далекой отъ національныхъ идеаловъ, чѣмъ та, по которой вело правительство. А куда оно вело,—это сейчасъ сказано.

Въ царствованіе Екатерины Великой дѣлаются попытки къ обрусѣнію русской школы, заводятся русскіе учителя, вводится преподаваніе на русскомъ языкѣ. На этомъ дѣло и кончилось; обрусѣніе вышло слишкомъ поверхностное, идеи и люди для школы по-прежнему берутся съ запада, весь внутренній строй школы, программы, учебники, методы обученія остаются нѣмецкими. Больше того—старая церковно-народная школа открыто преслѣдуется, дѣлаются попытки завести въ Россіи австрійскую систему народнаго образованія, приглашаются ученые нѣмцы для руководства этимъ дѣломъ, дѣлаются переводы разныхъ нѣмецкихъ уставовъ и инструкцій и т. д., а результатомъ этого было то, что новыя школы не были заведены, а старыя, гонимыя сократились. Религіозное обученіе въ среднихъ школахъ ослабляется, проявляется стремленіе передать его въ руки свѣтскихъ лицъ, даже учебники по З. Б. пишутся не духовными, а свѣтскими (Янковичъ); вообще въ это время слышится на верхахъ много свободныхъ и гуманныхъ разговоровъ, въ частности касательно школьнаго воспитанія, но въ жизнь изъ этихъ разговоровъ ничего не прошло: сохранились такіе-же жестокіе нравы въ школѣ, такой-же насильнической характеръ вербовки учащихся, а положеніе учителей и отношеніе къ нимъ общества еще ухудшилось; въ эту барскую эпоху высокаго расцвѣта крѣпостничества утверждается тотъ, глубоко презрительный, взглядъ на учителей, который совершенно не исчезъ донинѣ, — дворяне считаютъ педагогическую дѣятельность для себя унижительной; одинъ проф. Моск. университета проектируетъ учредить даже „рабскія“ школы для подготовкн учителей изъ крѣпостныхъ людей. Попавшіе на эту почетную службу при первой возможности бѣгутъ съ нея; правительство старается закрѣпить ихъ 36-лѣтней службой, а противъ тѣхъ, которые „разными образами отъ должности своей отбыть стараются“, принимаютъ такія, напр., мѣры: „сыскать и за карауломъ къ мѣсту своему выслать, гдѣ онъ надобенъ.“ Въ концѣ концовъ въ эту эпоху улучшеній въ школьномъ дѣлѣ сдѣлано было мало, иноземное вліяніе не ослабѣло, а въ отношеніи къ начальной школѣ еще болѣе усилилось.

Царствованіе Александра I въ началѣ продолжало екатерининское направленіе, а потомъ, хотя и измѣнило ему,

но на школѣ это мало отразилось, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ ослабленія въ ней нѣмецкины и укрѣпленія національнаго духа. Сближенія съ обществомъ не обнаружилось, оно теперь все сильнѣе и сильнѣе отходить и отъ казенной школы, и отъ „дьячковской“. Именитое и богатое дворянство теперь научилось презирать и ту и другую, воспитывая своихъ дѣтей дома или отдавая ихъ въ особые дворянскіе пансіоны.

Нѣкоторый поворотъ въ сторону націонализаціи школы сдѣланъ былъ въ николаевскую эпоху: православіе, самодержавіе и народность полагаются теперь въ основу народнаго образованія (цирк. мин. нар. просв. Уварова 21 Мар. 1833 г.), но замѣтнаго слѣда ни въ общественномъ сознаниі, ни въ состояніи школъ мѣропріятія этого времени не оставили; въ первомъ случаѣ потому, что русская интеллигенція въ это время не проявляетъ еще достаточной педагогической зрѣлости и интереса къ народному просвѣщенію, а во второмъ—потому, что націонализація школы не сопровождалась заботами объ усиленіи просвѣщенія русскаго народа, объ увеличеніи школъ; напротивъ, проявилось замѣтное стремленіе къ ослабленію образованія народныхъ массъ и сокращенію школъ, а, во вторыхъ, кромѣ принциповъ, для проведенія ихъ въ жизнь не было предложено никакихъ практически пригодныхъ средствъ.

Поэтому, когда въ царствованіе Александра II правительственно повернуло школу въ старое нѣмецкое русло,—это совершилось легко и безъ большихъ заминокъ; протесты общества хотя и были, но исходили изъ другихъ побужденій, къ національному характеру школы не имѣвшихъ никакого отношенія. Это царствованіе, замѣчательное великими реформами, оставило слѣды и въ жизни школы, которая тоже реформируется, но ея реформа была направлена не въ сторону оздоровленія и обрусѣнія ея, а, наоборотъ, въ сторону еще большаго онѣмеченія. Общество хотя въ это время и начинаетъ привлекаться къ участию въ дѣлѣ народнаго образованія, однако, сближенія его со школой не послѣдовало—нерасположеніе еще болѣе увеличилось. Нужно замѣтить, что съ этого собственно времени начинается сознательное и широкое отношеніе русскаго общества къ школѣ, чему содѣйствовало и само правительство, желавшее при-

влечь его къ этому дѣлу: проекты школьной реформы отдаются теперь на судъ общественнаго мнѣнія (по крайней мѣрѣ, въ I-ю половину царствованія); вмѣстѣ съ тѣмъ именно съ этого времени начинается и активная борьба общества со школой и съ правительствомъ, которое стояло за нею. Очень замѣтно пробуждаются въ русскомъ обществѣ педагогическіе интересы, возникаютъ педагогическіе журналы („Журналъ для воспитанія,“ „Учитель“), появляется рядъ специалистовъ, работающихъ надъ педагогическими вопросами [Пироговъ, Рѣдкинъ, Ушинскій, Юркевичъ, Стоюнинъ, Рачинскій и др.]; послѣдніе дебатировались въ печати и обществѣ; лучшіе писатели-художники и публицисты того времени высказываются по волнующимъ общество вопросамъ воспитанія [Катковъ, Леонтьевъ, Толстой, Добролюбовъ, Писаревъ]; правительство, сначала считавшееся съ этими голосами, желавшее мира съ либеральной частью общества и давшее угодные ей уставы: университетскій [1863 г.], гимназическій [1864 г.], семинарій [1867 г.],—спустя нѣкоторое время повернуло въ другую сторону, пошло дорогой, по которой не хотѣло идти съ нимъ общество, вступило въ конфликтъ съ нимъ, и началась упорная борьба, тянущаяся доселѣ. Борьба эта возгорѣлась особенно вокругъ гимназическаго устава 71 г., созданнаго Д. А. Толстымъ и водворившаго на долгое время господство самаго безпросвѣтнаго классицизма. Не входя въ оцѣнку этого устава и классицизма, мы остановимся только на тѣхъ средствахъ, какими этотъ „классическій“ уставъ вводился въ жизнь, и на тѣхъ идеяхъ, которыя вдохновляли его создателей. Несомнѣнно, что классицизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мыслился онъ составителями и вдохновителями этого устава, ни въ какомъ видѣ не связанъ былъ ни съ исторіей русскаго народа, ни съ исторіей русской школы; еще греческій языкъ могъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ православною вѣрой русскаго народа, съ отношеніемъ русскаго православія и русской государственности къ Византіи; для латинскаго-же не имѣлось никакой ни религіозной ни національной основы. Это было дитя, рожденное западной культурой, и тамъ дѣйствительно тѣсно связанное со всей духовной жизнью и естественно изъ нея выросшее. Къ намъ-же это чужеземное ра-

стение было пересажено безъ всякихъ справокъ съ русской дѣйствительностью; впрочемъ, объ этомъ мало кто заботился: ни министерство народнаго просвѣщенія, его вводившее, ни общество, съ нимъ воевавшее. Оно было взято отъ нѣмцевъ и нѣмецкими руками насаждалось въ русскихъ школахъ: русское правительство вербовало для занятія учительскихъ, а иногда и начальственныхъ должностей въ русскихъ гимназіяхъ сначала австрійскихъ славянъ, а потомъ, когда ихъ оказалось мало,—австрійскихъ и прусскихъ нѣмцевъ, которые, отправляясь въ Россію въ качествѣ учителей русскаго юношества, не считали себя даже обязанными усвоить русскій языкъ. Но и на этомъ онѣмеченіе русской школы не остановилось: въ Лейпцигѣ было открыто особое учебное заведеніе для приготовленія учителей въ русскія гимназіи, существовавшее 17 л. (1873—1890) и заполнявшееся только въ самой малой степени русскими студентами. Всѣ проекты школьныхъ реформъ посылались на одобреніе заграничнымъ ученнымъ, чины министерства постоянно командировались за границу для ознакомленія съ нѣмецкими порядками. Началось настоящее „вавилонское плѣненіе“ русской школы нѣмецкой педагогикой и нѣмецкими педагогами, превзошедшее все, до сихъ поръ бывшее, и не имѣвшее для себя нигдѣ аналогій; плѣненіе, продолжавшееся съ маленькими послабленіями при Толстомъ, Деяновѣ и не исчезнувшее совершенно до нашихъ дней. Русскій языкъ, русская исторія не только были отодвинуты на задній планъ, но даже признаваемы были „обременяющими безъ нужды учащихся и вредными для воспитанія“, особенно русская словесность считалась вреднымъ предметомъ ¹⁾. Дальше этого въ національномъ самоотреченіи и раболѣпствѣ передъ иноземнымъ итти было некуда. Родители въ большинствѣ оказались не на сторонѣ толстовской реформы; широкіе круги общества, какъ либеральные, такъ и умѣренные, рѣшительно высказались противъ нея и готовы были вступить въ отчаянную борьбу съ министерствомъ, но имъ были скоро связаны руки и зажаты рты: всякая критика школы была запрещена, и очень долго вопросъ о классицизмѣ нельзя было поднимать въ печати.

¹⁾ Капторевъ Цит. соч. с. 474.

Не отстаивая такой системы зажиманія ртовъ, мы должны сказать, что въ данномъ случаѣ особаго вреда ни для школы, ни для народа отъ этого не произошло. Дѣло въ томъ, что недовольство общества коренилось вовсе не въ томъ, что русская школа была отдана въ рабство нѣмецкой системѣ и нѣмецкимъ педагогамъ: оно отнюдь не ратовало за національную школу,—въ послѣднемъ отношеніи оно было совершенно свободно отъ „національныхъ предразсудковъ“ и твердо исповѣдывало космополитическіе идеалы [взятыя напрокатъ у тѣхъ-же нѣмцевъ]; оно протестовало противъ нѣмецкаго классицизма во имя нѣмецкаго-же реализма. Оно въ гораздо большей степени, чѣмъ правительство, исповѣдывало нѣмецкую педагогическую вѣру, поклонялось и служило нѣмецкимъ идеаламъ и нѣмецкимъ методамъ, смотрѣло на Германію, какъ на педагогическую Мекку, совершало туда паломничества, чтобы поклониться нѣмецкимъ школьнымъ богамъ и взять оттуда все, что можно, для благодѣтельствованія русскаго народа и русской школы. Споръ, т. о., былъ перенесенъ въ другую плоскость сравнительно съ эпохой Петра В. Общество не возражало противъ вызова нѣмецкихъ учителей министромъ Головиннымъ, который далъ либеральный уставъ 64 г., но оно запротестовало, когда то-же, правда, въ гораздо болѣе рѣзкой степени, сдѣлалъ Толстой, создатель устава 71 г. Общество протестовало не противъ того, что берутъ у нѣмцевъ, а противъ того, что берутъ то, чего оно не хочетъ и не одобряетъ. Какъ-бы то ни было, общество стало въ оппозицію къ министерству и школѣ; его заставляли молчать, и оно молчало, но отъ этого оппозиціонное настроеніе не уменьшалось, а увеличивалось еще больше; вражда не проявлялась открыто, но—приглушенная—таилась до перваго удобнаго момента. А когда этотъ моментъ наступилъ, оно заговорило—и громко, сурово, беспощадно осудило школу (разговоры въ обществѣ и печати послѣ цирк. мин. нар. просв. Н. П. Боголѣпова отъ 8 Іюня 1899 г.); и не только заговорило и словесно осудило, а вскорѣ въ революціонные годы вторглось въ школу и все въ ней перевернуло вверхъ дномъ. Когда революціонная волна схлынула, и жизнь общественная вошла въ обычное русло,—стало возможнымъ и сравнительно мирное теченіе школьной жизни, но общество не

признало счеты со школой поконченными, не прекратило своей вражды противъ нея, несмотря на то, что правительство стало дѣлать нѣкоторыя уступки, какъ напр., ослабленіе классицизма и экзаменовъ, допущеніе родителей въ школу и т. д. Враждебныя вылазки общества и печати противъ школы продолжаются все время, бой затихаетъ, но не прекращается совершенно (объ этомъ сказано въ началѣ).

Такимъ образомъ, разладъ между школой и обществомъ, начавшись со времени Петра В., не прекращается во все продолженіе новаго періода русской исторіи. Появлялись новыя причины, измѣнялись формы выраженія недовольства, оно то стихало, то усиливалось, но никогда не было у насъ полного мира и согласія между школой и обществомъ. На первыхъ порахъ недовольство было вызвано стремленіемъ петровской школы вытравить старорусскіе воспитательные идеалы, навязать русскому народу нѣмецкую науку и нѣмецкую школу, имѣло характеръ борьбы за національную церковно-народную школу противъ оиѣмеченной свѣтской. Протестъ вылился въ пассивную форму бѣгства изъ школы, уклоненія отъ обученія въ ней (время отъ Петра В. до Екат. II). Потомъ національный мотивъ постепенно слабѣетъ, въ образованныхъ классахъ общества все больше и больше развивается вкусъ къ иноземному и выдыхается любовь къ своему родному, вражда противъ школы нѣсколько стихаетъ, постепенно переходитъ въ равнодушное презрѣніе къ ней и полное ея игнорированіе со стороны высшихъ и состоятельныхъ классовъ, а со стороны маломущихъ разночинцевъ—глухое недовольство (время отъ Ек. до Ал-ндра II). Наконецъ, недовольство общества и его борьба со школой разгораются съ большой силой и получаютъ вполне активный характеръ, общество выражаетъ стремленіе взять школу въ свои руки и передѣлать ее по своимъ вкусамъ или, во всякомъ случаѣ, получить право рѣшающаго вліянія на нее (отъ Алекс. II до наст. вр.).—Правительство, насаждая свою школу, не всегда проявляло желательную послѣдовательность и настойчивость въ своихъ мѣропріятіяхъ, нерѣдко бросаясь изъ стороны въ сторону, особенно, когда общество стало властно и смѣло заявлять о своихъ правахъ на школу (напр., изъ эпохи Алекс. II уст. 64 и 71 г.; послѣ рядъ циркуляровъ, другъ

друга ослабляющихъ и часто исключаящихъ; въ революціонные годы полная растерянность мин. нар. просв.; въ послѣдніе годы перемѣна курса и перемѣна министровъ); только въ одномъ отношеніи оно себѣ рѣдко измѣняло: въ тяготѣніи къ нѣмецкимъ образцамъ и въ забвеніи національныхъ идеаловъ. Какъ ни велика пропасть между министерствомъ народнаго просвѣщенія и русской либеральной интеллигенціей, но въ этомъ тяготѣніи къ западу они не очень сильно расходятся. Различіе только въ томъ, что первое облюбовало нѣмцевъ, а послѣдняя предпочитаетъ французовъ и американцевъ. Лишь съ недавняго времени сообщеніе средней школѣ національнаго характера, кажется, чаще заботитъ наше министерство, и оно кое-что дѣлаетъ въ этомъ направленіи.

Все сказанное можетъ до нѣкоторой степени объяснить, почему разладъ между школой и обществомъ принялъ у насъ такія рѣзкія формы, какъ нигдѣ. Потому, очевидно, что у насъ онъ развивался и крѣпъ въ теченіе двухъ вѣковъ, потому, что оторванная отъ народнаго тѣла и лишенная народнои души школа продолжала слишкомъ долго такъ жить, питаясь жизненными соками не изъ нѣдръ народнои жизни, а со стороны. За такое долгое время она стала совершенно чужою своему народу и понятно, что это создало очень удобную почву для возникновенія и обостренія всякихъ недоразумѣній.

Каковы-же теперь эти недоразумѣнія? Что раздѣляетъ въ настоящее время русское общество и школу? Въ чемъ оно за послѣднее время обвиняетъ ее и на какихъ условіяхъ готово заключить миръ съ ней? Отвѣтить на эти вопросы довольно трудно: обвиненій слишкомъ много и привести ихъ къ какому-нибудь единству не легко; но попробуемъ это сдѣлать.

Первое, что не нравится русской интеллигенціи въ положеніи средней школы, и чѣмъ она объясняетъ многіе ея недостатки, это то, что она находится въ рукахъ государства, является школой казенной; ее необходимо, говорятъ, передать въ руки общества, государство должно быть устранено отъ завѣдыванія ею; ему оставляютъ „теоретическое и практическое изученіе и статистическое изслѣдованіе положенія народнаго образованія въ другихъ странахъ и въ

различныхъ мѣстностяхъ россійскаго государства“, подготовку проектовъ, заботу о равномѣрномъ распредѣленіи школъ и содѣйствіе мѣстнымъ организаціямъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности; никакой принудительной власти надъ органами мѣстнаго самоуправления (вѣдающими дѣломъ народнаго образованія и „издающими мѣстные законы“) оно не имѣетъ (изъ проекта, внесеннаго во 2-ю Госуд. Думу прогрессивной группой ея членовъ¹⁾), тоже въ пост. „всеросс. съѣзда дѣятелей по нар. образ. 905 г.“, „родит. союза средн. шк.“ 904 г., род. собр. въ тениш. учил. и др.). Переводя на техническій языкъ эти требованія, мы скажемъ, что это — требованія децентрализаціи и автономіи средней школы; они опредѣленно выражены въ послѣдніе годы (съ 1905 г.), но идутъ еще съ освободительной эпохи (Скворцовъ, Юзефовичъ и др.) То-же самое предъявляется и въ болѣе умѣренномъ видѣ, какъ желаніе допущенія семьи и общества въ школу, требованіе участія и вліянія ихъ на жизнь школы.

Затѣмъ, идетъ рядъ другихъ требованій и пожеланій болѣе частнаго характера, касающихся, ослабленія классицизма и экзаменовъ, измѣненія воспитательнаго строя школы, предоставленія большихъ правъ нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ и т. п. Раздаются голоса противъ обязательности Закона Божія въ средней школѣ и пожеланія или совершеннаго изгнанія законоучителя изъ школы или обращенія Закона Божія въ необязательный предметъ (§ 6 ст. I, цит. проекта членовъ 2-й Госуд. Думы; записка 256 учит. нар. шк. и дѣят. по нар. образ. 905 г.; постановл. съѣзда того-же имени и др.). Но самая излюбленная тема нападковъ это — школьные педагоги: общество склонно считать ихъ совершенно несоотвѣтствующими своему назначенію и требуетъ самыхъ энергичныхъ мѣръ къ оздоровленію этой затхлой среды.

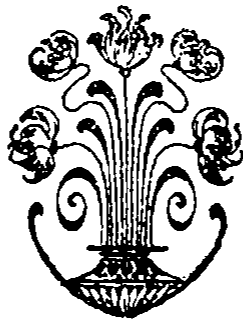
Насколько-же справедливы и основательны обвиненія общества противъ школы, насколько исполнимы и разумны его требованія, насколько полезны они сами по себѣ и пригодны для улучшенія школы и примиренія ея съ обществомъ? Затѣмъ, только-ли вина школьной разрухи заклю-

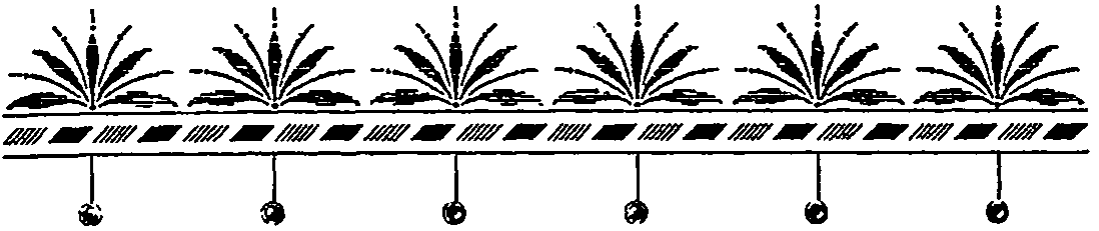
¹⁾ I. Каптерева цит. соч. с. 309; срв. Эрнъ объ отнош. Госуд. и Общ. къ русск. сред. чин.

чается въ ней самой и въ правительствѣ, которое стоитъ за нею? Не менѣе-ли виновато и само общество, не въ правѣ-ли и школа предъявить ему претензїи и потребовать его къ отвѣту, какъ оно обвиняетъ и требуетъ къ отвѣту школу? Наконецъ, нѣтъ-ли на нашей школѣ старыхъ историческихъ грѣховъ, требующихъ немедленнаго искупленія? Къ отвѣту на эти вопросы мы теперь и приступимъ.

Павелъ Красинъ.

(Продолженіе будетъ).

Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Окончаніе *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Окидывая мысленнымъ взглядомъ древнюю Русь, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: со времени князя св. Владиміра, т. е. со времени признанія христіанства господствующей религіей, новая религія широко и глубоко вліяла на русскую жизнь. И государство и общество стремились устроить свою жизнь на христіанскихъ началахъ. Конечно, это не всегда удавалось, но не вслѣдствіе недостатка искренняго явленія русскихъ людей устроить свою жизнь на новыхъ началахъ. Древняя Русь искренно хотѣла быть православно-христіанской, но не всегда успѣвала въ этомъ, такъ какъ не умѣла дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ религіозной жизни, понявъ христіанство прежде всего, какъ форму жизни. Духовенство стремилось сдѣлать жизнь народа наиболѣе совершенной въ религіозномъ отношеніи. Для этого прежде всего приходилось бороться со старыми привычками и любовью народа къ играмъ, пляскамъ, пѣснямъ, противъ остатковъ язычества, выразившихся въ почитаніи старыхъ боговъ, рода и рожаницъ и т. д. Обличеніи иногда бывали страстными, какъ напр. въ Словѣ Христолюбца. Но проповѣдники обыкновенно не изслѣдовали причинъ извѣстнаго грѣховнаго обычая, ограничиваясь обличеніемъ его. Обыкновенно обличители даже не понимали и не старались понять, на чемъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1915 г.

зидается и гдѣ беретъ начало обличаемый и преслѣдуемый недостатокъ. Они не могли этого сдѣлать вслѣдствіе отсутствія научной подготовки: паства и пасомые были почти на одномъ умственномъ уровнѣ. Вслѣдствіе этого наравнѣ съ явленіями предосудительными преслѣдовались обычай безразличные и вполнѣ невинные въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Напр., поднято было гоненіе на всякаго рода пѣсни и развлеченія. Несомнѣнно, многія пѣспи и игры были безусловно вредны для чистоты нравственности; но нѣкоторые виды пѣсенъ и вообще народнаго творчества проникнуты глубокимъ нравственнымъ чувствомъ и высокой поэзіей, напр., былины, пѣспи историческія, одиночныя пѣспи и т. д. Кореннымъ религіознымъ недостаткомъ древней Руси было неумѣнье отличить существенное и важное отъ второстепеннаго и маловажнаго. Не было широкаго религіознаго кругозора, результатомъ чего было то, что догматъ смѣшивался съ обрядомъ. Оттуда мелочность и формализмъ въ дѣлахъ вѣры съ преобладаніемъ внѣшнихъ формъ надъ внутреннимъ содержаніемъ. Всеобщій невысокій уровень просвѣщенія не давалъ возможности замѣтить истинное положеніе дѣла. Вслѣдствіе этого древніе обычай и вѣрованіе обыкновенно видоизмѣнялись, а не исчезали, такъ какъ обличенія бывали направляемы не на самую сущность грѣховнаго обычая, а на его проявленіе. Итакъ, причиной относительной успѣшности борьбы съ древнимъ язычествомъ мы считаемъ низкій уровень просвѣщенія древней Руси. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать живучести вѣрованій и привязанности человѣка къ прошлому. Въ силу этого свойства человѣческой души древнія традиціи и вѣрованія переживаютъ вѣка и тысячелѣтія. Въ этомъ отношеніи Русь не могла быть исключеніемъ.

Говоря о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ древней Руси, мы указывали, что власти боролись противъ нарушеній чистоты брака, разгула, непристойныхъ пѣсенъ и плясокъ, кулачныхъ боевъ и проч. Вообще, историческіе памятники даютъ мрачную картину религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа. Картина въ общемъ, дѣйствительно, мрачная, но врядъ ли соответствующая дѣйствительности. Прежде всего необходимо указать, что согласно нашей задачѣ, нами отмѣчены только темныя стороны русской

жизни; но у насъ были и свѣтлыя явленія. У насъ были идеальныя личности,—преп. Сергій, митр. Филиппъ, Юліанія Муромская и множество другихъ. Необходимо имѣть въ виду, что обличенія нравовъ почерпаются изъ обличительной литературы, которая касалась только отрицательныхъ сторонъ жизни, и изъ грамотъ высшей духовной и свѣтской власти. Но и та и другая власть отмѣчала недостатки, бывшіе у нихъ на глазахъ. А потому мы полагаемъ, что наши историческіе документы, заключающіе въ себѣ обличенія пороковъ и недостатковъ общества, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ высшіе слои русскаго общества и населеніе большихъ городовъ или же разбогатѣвшіе монастыри. Торговля и промышленность у насъ всегда были слабо развиты, слѣдовательно денегъ у русскихъ людей всегда было мало. Пьянство и развратъ требуютъ денегъ, а ихъ всегда было у насъ недостаточно, и уже по одному этому мы съ осторожностью должны говорить о распространенности у насъ этихъ пороковъ среди простого народа. Конечно, на Руси бывали, какъ и бываютъ, случаи широкаго народнаго разгула, обыкновенно на праздникахъ. Извѣстно, что русскій человѣкъ не скрываетъ своихъ пороковъ, и пьяный крестьянинъ не останется въ своей избѣ. На самомъ же дѣлѣ русскій простолюдинъ въ общемъ выпиваетъ незначительное количество вина, но выпивши производитъ безобразіе. Вотъ эта то откровенность и обнаженность слабости и принимается у насъ, какъ доказательство низкаго уровня нравственности и распространенности пороковъ. Конечно, у насъ бывали нарушенія церковныхъ постановленій относительно брака. Но за исключеніемъ большихъ городовъ половой распущенности не было. Въ сожительствѣ безъ вѣнчанія, въ случаяхъ самовольнаго расторженія брака и проч. можно усматривать разныя причины. Это могло зависѣть отъ разбросанности населенія, временами не имѣвшаго возможности обращаться къ своимъ пастырямъ; частію сказывалась здѣсь живучесть древнихъ языческихъ традицій. Можно здѣсь усматривать и человѣческую слабость. Но въ цѣломъ русскій народъ всегда отличался высокой нравственностью. Вспомнимъ идеально прекрасный образъ русской Пенелопы, Настасьи Микулишны, жены богатыря Добрыни Никитича.

Наши историческіе и литературные памятники рисуютъ намъ неприглядную картину русскихъ нравовъ. Особенно сильныя обличенія нравовъ исходили отъ преп. Максима Грека. Понятно, что образованнѣйшій челоуѣкъ своего времени, идеалистъ-инокъ, аскетъ, не могъ быть удовлетвореннымъ русской дѣйствительностью, какъ не удовлетворяла его и западно-европейская жизнь. Что же касается сочиненій иностранныхъ писателей о Россіи, то къ этимъ авторамъ необходимо относиться съ большою осторожностью. Не зная или плохо зная русскій языкъ, иностранцы могли неправильно истолковать наблюдаемые нравы и обычаи. Симпатій къ Россіи у нихъ, конечно, не было: для Западной Европы наша родина была особымъ, отдѣльнымъ міромъ, съ иною культурою, иными историческими задачами и стремленіями. Сильная и обособленная Русь не давала себя въ обиду; съ Русью считались и ея боялись. Полагаемъ, что могущественность и ея замкнутая жизнь, вслѣдствіе чего иностранцы мало знали Россію и русскихъ, были причиной враждебныхъ къ намъ отношеній. Чтобы далеко не ходить за примѣрами, напомнимъ, что Флетчеръ считалъ русскихъ язычниками... Даже въ настоящее время Западная Европа мало и плохо знаетъ Россію и по-прежнему питаетъ антипатію къ москвитамъ, пьющимъ чай подъ тѣнью клюквы. Кореннымъ недостаткомъ древней Руси былъ низкій уровень не нравственности, а низкій уровень просвѣщенія. Полагаемъ, что въ до-монгольскій періодъ у насъ было просвѣщеніе. Мы не должны быть низкаго мнѣнія объ обществѣ, члены котораго могли создавать произведенія въ родѣ „слова о законѣ и благодати „митр. Иларіона, поученій Кирилла Туровскаго, изящнаго Слова о полку Игоревѣ. Татарщина надолго разорила насъ, задержала наше развитіе, оттерла насъ отъ Европы. Благотворное вліяніе Византіи прекратилось.—Запада наши предки боялись изъ политическихъ и религіозныхъ побужденій. Такимъ образомъ мы не создали самостоятельной науки. Грамотность и начитанность у насъ были значительно распространены, по крайней мѣрѣ такъ мы можемъ думать относительно до-монгольскаго періода и есть основанія думать о XVI—XVII вѣкахъ ¹⁾. Но науки у

¹⁾ Соболевскій. Образованность Московской Руси XV—XVI вѣковъ. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Петроградск. Университета за 1891 г.—Доп. къ Акт. Истор. V, 493. Щаповъ рус. раск. 185.

насъ не было. У насъ не было лицъ, подобныхъ Джордано Бруно, Леонардо да-Винчи, Галилею и т. д. Послѣдніе были представителями чистой науки; но въ большинствѣ случаевъ чистая наука и на Западѣ была достояніемъ немногихъ. Къ тому же мы знаемъ, что Джордано Бруно былъ сожженъ, бумаги Леонардо да-Винчи только въ XIX вѣкѣ стали разбираться и издаваться, Галилей былъ посаженъ въ тюрьму и проч. Это гении. Средній же человѣкъ западно-европейскаго средне-вѣкового общества врядъ ли многимъ превосходилъ средняго человѣка русскаго общества. Недаромъ же тотъ и другой читалъ одну и ту же книжку (напр. Люцидаріусъ), одинъ и тотъ же апокрифъ, оба раздѣляли одно и то же суевѣріе ¹⁾. У насъ были умные и начитанные люди, но не было представителей настоящей науки, вслѣдствіе чего мы не могли сдѣлать вклада въ сокровищницу европейской мысли; мы не были передовой націей. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что русскіе—нація ничтожная, не создавшая ничего творчески-самостоятельнаго. Говорятъ, что въ нашемъ прошломъ мы представляли изъ себя историческій народъ невысокаго достоинства ²⁾. Если судить о древней Руси по письменности XIV—XVII в.в., то этотъ взглядъ справедливъ. Но кромѣ письменности мы имѣемъ отъ древней Руси и иное наслѣдіе. Есть области, въ которыхъ русскій народъ проявилъ свою творческую мощь и силу. Мы имѣемъ въ виду богатѣйшую народно-устную словесность, народную и нашу церковную музыку. Отмѣтимъ, что народная поэзія проникнута высокимъ нравственнымъ началомъ. Такое творчество могло обнаружить только нація богато

¹⁾ Въ Западной Европѣ вѣрили, что въ Индіи есть люди съ пѣсьими головами—разговариваютъ лаемъ; иные бываютъ одновременно обоего пола—сразу мужчина и женщина. Въ странѣ Сициліи есть люди съ ушами такой длины, что ими можно покрыть все тѣло. Въ Эіопіи у иныхъ людей бываютъ рога, длинные носы и козли ноги. Во время реформаціи въ Германіи ходилъ слухъ, что во Фрейбергѣ родился теленокъ съ виду, какъ монахъ. Въ Бахарахѣ въ 1595 г. жена одного пьяницы родила младенца съ змѣйнымъ хвостомъ въ три локтя; это чудовище умертвило своего отца. Было множество рассказовъ о томъ, что женщины рождали поросятъ, ослиатъ и проч.; бывали случаи, что младенцы изъ чрева матери выходили въ брыжжахъ и франтовскихъ шароварахъ. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство, стр. 170.—И всему этому вѣрили.

²⁾ Голубинскій. Истор., I, I, стр. XVIII.

одаренная. Наше прошлое кажется намъ малозначущимъ и печальнымъ потому, что мы не тамъ ищемъ, гдѣ было въ дѣйствительности наше величіе. Укажемъ и на то, что ничтожный народъ не могъ бы создать столь обширнаго и крѣпкаго государства, какова Россія. Для вѣрнаго пониманія нашего прошлаго необходимо стать на историческую точку зрѣнія, примѣнить къ древней Россіи то мѣрило, которымъ она себя мѣрила. Вѣдь каждая эпоха ставитъ себѣ особую задачу, къ осуществленію которой и стремится. Главной заботой древней Руси было стремленіе усвоить и осуществить въ жизни христіанское вѣроученіе. Наши предки прежде всего были озабочены, какъ угодить Богу и достигнуть спасенія. Эти стремленія красной нитью проходили чрезъ государственную дѣятельность правительства, чрезъ всю общественную и частную жизнь. Наша древняя письменность и служила этимъ цѣлямъ по преимуществу. И мы должны признать, что наша духовная и свѣтская власти достигли значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ борьбы съ древнимъ язычествомъ: чрезъ два—три вѣка послѣ крещенія Руси смыслъ нашего язычества былъ забытъ совершенно. Правда, языческая старина не счезла безслѣдно. Многіе изъ до-историческихъ обычаевъ и вѣрованій дошли даже до нашихъ дней; но смыслъ этихъ обломковъ старины утерянъ, пониманіе ихъ внутренняго значенія давно и безвозвратно забыто. Это мы считаемъ результатомъ борьбы христіанства съ древнимъ язычествомъ.

Н. М. Гальковскій.

Открыта подписка на 1916-й годъ на двухнедѣльный журналъ

ЦЕРКОВЬ и ЖИЗНЬ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ СЛОВО.

Съ каждымъ годомъ въ русскомъ обществѣ замѣчается все большее оживленіе религіозныхъ интересовъ. Къ Церкви предъявляются новые запросы. Служеніе Евангелію становится шире, отвѣтственнѣе и сложнѣе по мѣрѣ проникновенія христіанскихъ принциповъ въ области „мірской“ культуры. Сама церковная жизнь нуждается въ безпристрастномъ, свободномъ отъ партійной односторонности освѣщеніи вопросовъ современности на основѣ соборности, этого фундамента православія. Свѣтская мысль—и научная, и художественная—тѣсно соприкасается съ религіозными проблемами и требуетъ религіозной оцѣнки. Отвѣчая на эти запросы времени, **«Церковь и Жизнь»** будетъ помѣщать статьи по слѣд. программѣ:

1. Вопросы вѣры въ связи съ жизнью и мыслью нашихъ дней.
  2. Церковно-обществ. жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.
  3. Свѣтская жизнь въ религіозномъ освѣщеніи.
  4. Вопросы религіи и Церкви въ свѣтской печати, въ частности—въ художественной литературѣ.
  5. Вопросы современности въ духовной печати.
  6. Хроника; корреспонденція.
- Т. о., журналъ будетъ имѣть характеръ церковно-общественной газеты.

«ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ СЛОВО» будетъ издаваться въ томъ же направленіи, въ какомъ оно издавалось нами въ теченіи двухъ лѣтъ въ качествѣ самостоятельнаго органа. Цѣлью его и было, и будетъ—содѣйствовать разрушенію той стѣны, которая исторически создалась между проповѣдникомъ и слушателями. Путь къ этой цѣли—приспособленіе пастырскаго слова къ тѣмъ нуждамъ и тому состоянию Русскаго народа, какія создаются въ послѣднее время и преобразуютъ духовный обликъ народа. Современность отодвигаетъ народъ отъ Церкви; поэтому требуется проповѣдь апологетическая, свидѣтельствующая о внутренней силѣ Евангелія и Церкви.

Въ журналѣ принимаютъ участіе проф. прот. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. В. З. Завитневичъ, Н. Д. Кузнецовъ, А. В. Карташовъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, В. П. Соколовъ (Credens), проф. В. И. Экземплярскій и др.

Подписная цѣна—7Р1 рубля въ годъ, 1 руб. 50 коп. полгода; мѣсяць—40 коп. На иные сроки подписка не принимается.

Адресъ редакціи—Петроградъ, Вас. Остр., 9 линія, д. 56, кв. 36.

Подписываться можно и чрезъ книжные магазины.

Отдѣльные номера—по 20 коп. съ пересылкою.

„Проповѣдническое Слово“ за 1914 и 1915 гг.—по 1 р. 50 коп съ перес.

Редакторъ-издатель *Вас. Соколовъ.*

Открыта подписка на 1916 годъ (V-й годъ изданія)
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„Голосъ Церкви“.

Журналъ „Голосъ Церкви“, вступая въ пятый годъ своего изданія, имѣетъ цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви. Посему въ „программу“ журнала входятъ:

Отдѣлъ I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религіозно-назидательнаго содержанія. 2) Вѣроученіе и нравоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управленіе. 5) Вопросы современнаго пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная миссія. 8) Внутренняя миссія. 9) Русское сектанство, расколъ, социализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и ино-вѣріе.

Отдѣлъ II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь человѣка. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библиографія и критика. 19) Политическое обзорѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, миссіонеры, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни.

1) Годовая цѣна журнала четыре руб., за $\frac{1}{2}$ года 2 руб.; съ дост. и перес. За границу пять руб. Деньги адресовать исключительно: „Москва, Кремль, Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“. Подписка принимается и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: Москвы, Петрограда, и другихъ городовъ, а также и въ „Конторахъ Объявленій и Подписки“. За перемѣну адреса подписчики вносятъ 25 коп. Велѣдствіе того, что при Чудовомъ монастырѣ издается еще журналъ „Душеполезное Чтеніе“, подписчики должны точно указывать, какой изъ двухъ журналовъ желаютъ получать.

2) Плата за объявленія на послѣднихъ страницахъ: 1 стр. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) Полныхъ комплектовъ журнала за прошлые годы не имѣется, имѣющіеся же неполные комплекты высылаются по расчету 35 коп. за экземпляръ. Отдѣльные №№ не продаются.

4) Литературный матеріалъ для „Гол. Церкви“ надлежитъ направлять и за справками обращаться исключительно по адресу: Петроградъ, Калашниковская набережная, д. 32, кв. 46. Телеф. 146—71. Ивану Георгіевичу Айвазову. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова Монастыря Епископъ Серпуховскій Арсеній и и. д. доцента Петроград. Духовн. Академіи Петроградскій епарх. миссіонеръ Иванъ Айвазовъ.

Принимается подписка на проповѣдническій журналъ

„ДУХОВНАЯ БЕСѢДА“,

Годъ VIII-й

который будетъ выходить въ 1916 г. ежемѣсячно, по слѣдующей программѣ:

1) Статьи и замѣтки по вопросамъ пастырскаго служенія вообще и проповѣдническаго въ особенности. 2) Избранныя и составленныя по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ слова и поученія на дни воскресные, праздничные и на разные случаи изъ практики пастыря и жизни христіанина. 3) Поученія катехизическія, миссіонерскія, воинамъ, инокамъ и заключеннымъ въ темницѣ. 4) Бесѣды по гигиенѣ, а также о болѣзняхъ человѣка и ихъ леченіи. 5) О кооперативныхъ товариществахъ, каковы: потреб. общества, пожарн. дружины, сельск. банкн, ссудо-сберег. товарищества, приходскія попечит., братства и т. п. 6) На злобы дня или отклики на современные запросы человѣческаго духа, въ которыхъ будутъ обстоятельно выяснены съ христіанской точки зрѣнія причины и послѣдствія недуговъ нашего времени и указаны средства къ исцѣлѣнію отъ ихъ недуговъ. Этотъ отдѣлъ предназначается, главн. образомъ, для интеллигенціи и людей образованныхъ, питающихъ серьезный интересъ къ религіи и законныхъ съ религіозными сомнѣніями. 7) Проповѣди для дѣтей или задушевные бесѣды законоучителя съ дѣтьми о предметахъ вѣры и благоповеденія христіанскаго въ храмѣ, школѣ и дома. 8) Поученія во время войны.

Кромѣ всего этого, шесть бесплатныхъ приложений:

1) Календарь-справочникъ на 1916 годъ, заключающій въ себѣ массу всевозможныхъ справокъ, необходимыхъ въ служебной и проповѣднической практикѣ пастыря и мірянина.

2) Живое слово. Оно будетъ заключать темы, планы и подробн. конспекты проповѣдей на весь годъ съ текстами, мыслями, изреченіями, подобіями и сравненіями, заимствованными изъ произведеній знаменитыхъ проповѣдниковъ и примѣрами изъ современной жизни, для проповѣдующихъ слово Божіе безъ книжки и тетрадки, составл. свящ. В. Бесѣдою.

3) Благовѣстникъ. Систематическій, разнообразный и самый полный сборникъ поученій и рѣчей на всевозможные случаи, обнимающій собою всю жизнь христіанина отъ рожденія до могилы. По полнотѣ и разнообразію предметовъ этотъ сборникъ будетъ превосходить всѣ изданія подобнаго рода и состоять изъ нѣсколькихъ большихъ томовъ. Въ 1916 г. данъ будетъ 5-й томъ. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й томы высылаются по 65 коп. каждый, и 2 руб. всѣ вмѣстѣ, при одновременномъ требованіи.

4) Бесѣды о правосл. Богослуженіи въ очеркахъ и разсказахъ.

5) Жизнь на войнѣ подъ руководствомъ церкви и духовенства. Назидат. сборникъ для проповѣдя и вѣбогослуженныхъ чтеній.

6) Наша любовь Катехизич. бесѣды на 10 запов. З. Моисеева, составленная свящ. В. Бесѣдою, съ туманными картинами.

„Духовная бесѣда“ дастъ своимъ подписчикамъ произведенія только лучшихъ проповѣдниковъ, отличающіяся краткостью, простотою, искренностью, теплотою и задушевною, вполне доступныя для пониманія самыхъ простыхъ слушателей и интересныя для городскихъ, т. к. поученія, входящія въ составъ „Дух. бес.“ будутъ отвѣчать на запросы духа, сильно волнующіе современныхъ христіанъ, иначе сказать, темами поученій будетъ служить современная жизнь со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Поэтому „Дух. Бес.“ необходима и полезна не только начинающимъ проповѣдникамъ, но и долготѣннымъ сѣятелямъ Слова Божія.

Въ предыд. годы „Духовная бесѣда“ имѣла значительный успѣхъ и большое распространеніе, встрѣтивъ полное сочувствіе въ печати и у подписчиковъ.

Подписная цѣна: въ Россіи 2 руб. 50 к., за границу 3 руб. 50 к. въ годъ съ перес. За 1909—1913 и 1915 г.г. журналъ разошелся, а за 1914 г. высылается за 2 руб. 50 коп.

На 1/2 года, наложенъ платеж. и по безденежнымъ заявленіямъ журналъ не высылается.

Адресъ: ПАВОЛОЧЬ, Кіевск. губ., въ редакцію „Духовной бесѣды“.

Редакторъ-издатель, прот. Серапіонъ Брояковскій.

ВЪ 1916 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ОТКЛИКИ НА ЖИЗНЬ

съ еженедѣльнымъ листкомъ „ЖИВАЯ БЕСѢДА“.

(Изданія годъ 5-й)

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1. Освѣщеніе Евангельскимъ свѣтомъ вопросовъ и явленій жизни.
2. Художественные очерки изъ жизни святыхъ, геніальныхъ людей и замѣчательные случаи.
3. Повѣсти, рассказы изъ быта народнаго, духовнаго, школьнаго и проч.
4. Дневники, наблюденія и воспоминанія.
5. Обзорѣніе общественной жизни.
6. Обзорѣніе свѣтской и духовной литературы.
7. Переписка съ читателями по вопросамъ и явленіямъ церковно-общественной жизни.

ЗАДАЧА ИЗДАНІЯ: дать живое, назидательное чтеніе христіанской семьѣ содѣйствовать образованію въ читателяхъ бодрого, свѣтлаго настроенія, помогать имъ разбираться въ вопросахъ душевной и общественной жизни—въ простой, образной, преимущественно повѣствовательной формѣ, изображать красоту христіанства, яркими примѣрами героевъ духа звать людей къ жизни доброй и разумной.

Цѣна 12-ти книжкамъ и 52-мъ листкамъ 3 руб. съ пересылкой.

Начало подписного года—ноябрь мѣсяцъ 1915 года.

За доплату 2-хъ рублей приложены будутъ 2 книги:

- 1) Драма современнаго священника, Повѣсть-хроника священника Владиміра Востокова. Книга рисуетъ картинами жизни смутную эпоху (съ 1905—1915 г.), характеризуетъ выпуклыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ. 2) Жизнь христіанина. Въ простыхъ, ясныхъ очеркахъ и рассказахъ книга обнимаетъ весь годъ церковный; можетъ служить настольной книгой христіанина.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Кузнецкая, 35.

Телефонъ 5-48-12.

Редакторъ-издатель свящ. Владиміръ Востоковъ.

Открыта подписка на 1915—16 годъ (7-й г. изд).

БЮЛЛЕТЕНИ

ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць книжками въ 5 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 №№ (около 2000 страницъ). „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

За истекшій годъ въ „Бюл.“ напеч. 238 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кроме того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн., 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ.

Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Отзывы печати: Утро Рос.: „Жур. заслуживаетъ особаго вниманія“. Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо“... Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ несомнѣнно культурно-популяризаторское значеніе“... Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настросній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“. Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы, особенно въ провинціи“. Рус. Молва: „Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ „Бюлл.“ самые широкіе круги читателей“... Кіев. М.: „Для провин. читателя, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый“. Ран. Утро: Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюлл.“. Вѣст. Восп.: „...Изданіе заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей“... Нижегород. Лист.: „...Изданіе, очень интересное по своему характеру“... Сибирь: „Типъ „Бюлл.“... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, дух. жизни современности““...

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 6 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 4 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл“. Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсту и разстоянію. Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06. Изда-тели: В. Крундіевскій и В. Посетковъ. Редакторъ В. Крундіевскій.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной школы и семьи

въ 1916 году

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ библіотеки народныхъ школъ. Всероссийскимъ миссіонерскимъ съездомъ „Божія нива“ включена въ число изданій, желательныхъ для миссіонерооъ.

ВЪ СОСТАВЪ ПРОГРАММЫ СЕГО ИЗДАНИЯ ВХОДЯТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посты и всходы. VI. Лѣтопись церковныхъ школъ. VII. Переписки нашихъ читателей. VIII. Нашъ дневникъ. Приложенія:

„Зернышки Божіей Нивы“. Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода 12 разъ въ годъ.

Годовая подписка **ОДИНЪ РУБЛЬ** съ пересылкою.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. Подписка принимается только въ редакціи. Желающіе подписываться черезъ книжные магазины должны предупредить о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб.)

Комиссіонная скидка не допускается.

Подписка на полгода и отдѣльные мѣсяцы не принимается.

При выискѣ одного или нѣсколькихъ томовъ Божіей Нивы, Зернышки могутъ высылаться по 3 коп. за экземпляръ. Пересылка же производится по почтовой таксѣ, смотря по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ всѣхъ Троицкихъ изданій одинъ и тотъ же: ТРОИЦКІЕ ЛИСТКИ, БОЖІЯ НИВА съ ея ЗЕРНЫШКАМИ, и ТРОИЦКОЕ СЛОВО—всѣ выходятъ подъ редакціей архіепископа Никона. Всѣ наши читатели составляютъ одну семью и приглашаются подписываться на оба журнала вмѣстѣ: ТРОИЦКОЕ СЛОВО и БОЖІЮ НИВУ съ приложеніемъ ЗЕРНЫШЕКЪ.

Подписная цѣна за оба изданія (50 №№ Троицкаго Слова, 12 №№ Божіей Нивы и 12 книжекъ Зернышекъ) два рубля съ пересылкою въ годъ.

Желающіе получить при первомъ же номерѣ Тр. Слово или Божіей Нивы въ будущемъ году особое приложеніе Православный календарь на 1916 годъ, заключающій въ себѣ полные святцы, разныя полезныя свѣдѣнія и статьи духовно-нравственнаго содержания съ рисунками,—благоволятъ прилагать еще 20 коп.

Редакторъ-цензоръ АРХІЕПИСКОПЪ НИКОНЪ.

Членъ Святѣйшаго Синода и Государств. Совета.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., Редакція „Божіей Нивы“..

ЖУРНАЛЬ

„Православный Благовѣстникъ“

органъ внѣшней миссіи

издается по новой расширенной программѣ и въ расширенномъ объемѣ, ежемѣсячно, книгами по 16—18 листовъ въ каждой.

Программа журнала: руководящія статьи; церковно-школьный отдѣлъ (инородч. школы); современное положеніе отечественныхъ миссіонерскія; очерки изъ исторіи миссіи; миссіонерская методика; миссія инославная; миссіон. хроника; библиографія. Приложение: распоряженія по миссіи Св. Синода; дѣят. Совѣта Правосл. Миссіон. Общества.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи. При редакціи организуется книгоиздательство по внѣшней миссіи.

Цѣна 6 р. въ годъ.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая, 18, кв. 1.

Плата за объявленія за одинъ разъ: страница—20 р., $\frac{1}{2}$ стр.—10 р., $\frac{1}{4}$ стр.—5 р., $\frac{1}{8}$ стран. 3 р.; при повторномъ печатаніи—уступка, по соглашенію.

Издатель: Совѣтъ Правосл. Миссіон. Общества.

Редакторъ: Синодальный Миссіонеръ-Проповѣдникъ

Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ*.

Открыта подписка на 1916 годъ на ежемѣсячный духовный журналъ, вступающій въ четвертый годъ существованія,

„Проповѣдническій Листокъ“

съ

„Пастырскимъ Читеніемъ.“

Программа „Проповѣдническаго Листка“: Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни года и на разные случаи приходской практики. Вѣббогослужебныя собесѣдованія. Избранныя святоотеческія поученія.

Программа „Пастырскаго Читенія“: Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ, по изъясненію Св. Писанія и богослуженія, статьи по другимъ богословскимъ вопросамъ. Обоарніе журналовъ и выдающихся явленій войны. Руководящія указанія по церковному уставу на каждый мѣсяць (недоумѣнные случаи).

Каждая книжка журнала заключаетъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ разсылается задолго до 1-го числа того мѣсяца, на какой предназначаются проповѣди. Въ виду этого редакція проситъ подписываться заблаговременно (не позднѣе первыхъ чиселъ декабря).

Подписная цѣна журнала—2 рубля въ годъ. Подпиской годъ съ 1-го января. Заграницу—3 руб. Выписывающіе 10 экз. журнала 11-й получаютъ бесплатно.

Годовые экземпляры журнала за 1914 и 1915 годы по 1 р. 50 коп., а за 1913 г. (съ апр.)—1 р. 20 коп.

Изданію журнала ни въ какомъ случаѣ не будетъ прекращено.

Адресъ: Кіевъ. Редакц. журн. „Проповѣдническій Листокъ“.

Редакторъ профессоръ Кіевской духовной академіи *М. Скабалланиновичъ*. Издатель преподаватель Кіевской семинаріи *А. Троицкій*.

Открыта подписка на журналъ
„Труды Императорской Кіевской Духовной
Академіи“
на 1916 годъ

(пятьдесятъ седьмой годъ изданія).

(Кіевъ, Ильинская, № 5).

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами въ 10—15 листовъ: въ немъ будутъ помѣщаться слова и рѣчи, изслѣдованія и трактаты по наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, статьи по современнымъ церковно общественнымъ вопросамъ, историческіе матеріалы, сообщенія изъ академической жизни, критическіе отзывы и библиографическія замѣтки о новыхъ книгахъ.

Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ печататься: переводы твореній бл. Августина и Тертуллиана, составляющіе продолженіе издаваемой Кіевской Академіей „Библиотеки твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“, извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Академіи и отчеты существующихъ при Академіи обществъ.

Цѣна годового изданія съ пересылкой 7 руб., за границу 8 руб.

ГОДЪ 4-й ИЗДАНІЯ.

Открыта на 1916 годъ подписка:

НА 1-е ИЗДАНИЕ:

Ежемѣсячный журналъ

„СВЯТЕЛЪ“

и яа еженедѣльные иллюстр. листки

„КРУПИЦЫ ПИЩИ ДУХОВНОЙ“.

2000 интересныхъ, полезныхъ, назидательныхъ листовъ, рассылаемыхъ подписчикамъ еженедѣльно, а потому для сельскихъ жителей вполне замѣняющихъ еженедѣльную газету, по слѣдующей программѣ:

1. Поученія и бесѣды, 1 вып. (по 10 листовъ) въ недѣлю, 500 л. въ годъ.

2. Житія святыхъ, 1 вып. (по 10 листовъ) въ недѣлю, 500 л. въ годъ.

3. Обзоръ войны и новостей, 1 вып. (по 10 листк.) въ недѣлю, 500 л. въ г.

4. Житейско-практическаго содержанія совѣты и рецепты, по 1 вып. (по 10 листовъ) въ недѣлю, 500 л. въ годъ. Итого по 4 выпуска (40 листовъ) въ недѣлю; 50 вып. (2000 листовъ) въ годъ.

НА 2-е ИЗДАНИЕ:

Ежемесячный журналъ

„СЪЯТЕЛЬ“

Болѣе 1000 стр. текста. Поученія и бесѣды на всѣ воскресные и праздничные дни всего года, и много другихъ полезныхъ и интересныхъ статей. Въ „Святель“ перепечатываются также полностью и всѣ листки „Крупницы пищи духовной“, почему не выписывающимъ листки для бесплатной раздачи народу достаточно подплатиться на одинъ только журналъ „Святель“ 2 е издание, за 2 руб.

Листки: „Крупницы пищи духовной“ отдѣльно отъ журнала высылаются за наличный расчетъ посылками по 1000 экземпляровъ, можно разныхъ названій, но только цѣлыми сотнями, по цѣнѣ съ пересылкой 4 руб. за тысячу, въ Сибирь и Среднюю Азію 5 руб.

Все необходимое для пастырей и пасомыхъ.

Журналъ „Святель“ замѣняетъ нѣсколько дорогихъ проповѣдническихъ сборниковъ и журналовъ.

Листки „Крупницы Пищи Духовной“ замѣняютъ народу дорогую газету и отчасти устное слово проповѣдниковъ.

Просимъ не смѣшивать вашъ журналъ „Святель“ съ издававшимся въ Петроградѣ одноименн. сектантскимъ изданіемъ, на время войны запрещеннымъ.

Нашъ православный журналъ „Святель“ одобренъ и рекомендованъ къ выпискѣ двумя министерствами и многими Архипастырями народолюбцами.

Важно для о.о. Благочинныхъ и обществъ трезвости.

Подписная цѣна: на 1-е изд. годовое и полугодовое на 2-е изд. (за 2 руб.) только годовое 1-е изданіе: журналъ „Святель“ и листки „Крупницы пищи духовной“ 5 руб. въ годъ, 2 руб. 75 коп. за 1/2 года. 2 изданіе: журналъ „Святель“ безъ листкозъ „Крупницъ Пищи Духовной“ 2 р. въ годъ.

При одновременной подпискѣ на нѣсколько экземпляровъ на каждые 10 годовыхъ экземпляровъ—11-й экземпляръ бесплатно.

Адресъ для выписки: Г. Уфа, редакціи журнала „Святель“.

Редакторъ-Издатель Священникъ *Іоаннъ Хохловъ*.

Открыта подписка на 1916 годъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО В. М. СКВОРЦОВА

дастъ своимъ подписчикамъ за 14 руб. 3 періодическихъ органа и 6 названій отдѣльныхъ изданій, а именно:

ежедневную политическую, общественную и церковную газету

„КОЛОКОЛЪ“

XI годъ изданія, въ годъ 800 №№.

Подписная цѣна: на годъ 6 р., на 1/2 3 р., на 1 мѣсяць 50 коп.

Ежемѣсячный богословскій и миссіонерско-апологетическій журналъ

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

12 №№ съ бесплатными приложеніями.

XXI годъ изданія.

1) Церковные вопросы на Думской наедрѣ.

1. Обеспеченіе духовенства; 2. Устройство прихода; 3. Вѣроисповѣдныя вопросы въ области расколо-сектантства и инославія.

2) Разоблаченіе тайнъ масонства.

Сочиненіе Шавла Николо.

2 части съ предисловіемъ епископа Перари Жуана. Переводъ Валентины Коршъ.

Въ текущемъ году чрезвычайно цѣнное и интересное сочиненіе это не могло быть издано, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непредвидѣнной трудности во время войны получить изъ-за границы разрѣшеніе автора на переводъ и изданіе. Подписчики нынѣшняго года, кои не пожелаютъ болѣе оставаться нашими читателями въ новомъ году, имѣютъ право на полученіе этого сочиненія, сдѣлавъ о семъ особое заявленіе Редакціи.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на 1/2 года 3 руб.

Еженедѣльный иллюстрированный, популярно-апологетическій и духовно-литературный журналъ

„ГОЛОСЪ ИСТИНЫ“

VII годъ изданія, 52 №№.

съ бесплатнымъ при немъ приложеніемъ:

12 вып. „ВЕЛИКОПРАЗДНИЧНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“ 12 вып.

Подписная цѣна на годъ 3 руб.

Условія подписки въ 1916 году.

Редакціи Петроградскихъ газетъ, въ виду поднятія цѣнъ во время войны на матеріалы печатнаго дѣла, особенно же на бумагу, а также вслѣдствіе и вздорожанія труда наборщиковъ и печатниковъ, пришли къ соглашенію поднять въ новомъ 1916 году подписную плату на свои органы.

1. Наше издательство, зная стѣсненность въ средствахъ многихъ изъ своихъ читателей, принадлежащихъ къ приходскому духовенству, народнымъ учителямъ и сельскимъ грамотѣямъ, рѣшило въ ущербъ своимъ интересамъ оставить годовую подписную плату на всѣ 8 органа безъ измѣненія, но увеличило противъ прошлыхъ лѣтъ подписную сумму для коллективныхъ подписчиковъ на всѣ три органа, которые въ новомъ году будутъ высылаться за 14 руб., вмѣсто прошлогоднихъ 12 руб.

2. Въ силу упомянутаго соглашенія редакцій, а также въ предположеніи увеличить въ началѣ года объемъ „Колокола“ до размѣра большихъ газетъ, Редакція оставляетъ за собою право на повышеніе подписной платы для подписавшихся на сроки, менѣе года, — на годовыхъ же подписчиковъ „Колокола“ и на подписчиковъ коллек-

тивныхъ настоящес условіе о возвышеніи платы во время подписного года не простирается.

3. Подписка на „Голосъ Истины“ съ бесплатнымъ къ нему приложеніемъ 12 кн. „Великопраздничнаго Собесѣдника“ будетъ приниматься только отъ одновременно подписавшихся и на другое наше изданіе, на „Колоколь“ или „Миссіонерское Обзорѣніе“ и внесшихъ при подпискѣ не менѣе 7 руб., а остальные—2 руб. должны быть внесены не позже 15 іюля.

Подписчики на всѣ три изданія вносятъ при подпискѣ 10 руб., остальные 4 руб. не позже 15 іюля.

Г.г., возобновляющіе подписку, если не могутъ почему-либо выслать къ 1-му января подписныя деньги, благоволятъ не позже 15-го декабря с г. прислать открытку съ извѣщеніемъ:—„подписку прошу возобновить на такія-то изданія, деньги высланы будутъ тогда-то“ и приклеить свой адресный билетикъ 1915 г.

Подписку просимъ избѣгать направлять чрезъ книжные магазины, такъ какъ и Редакція и адресать теряютъ 50/о, а адресовать исключительно на редакцію:

Петроградъ, Невскій, № 153, Редакція „Колоколь“.

Издатель-Редакторъ В. М. Скворцовъ.

Редакторъ В. Ѳ. Смирновъ.

Открыта подписка на 1916 годъ НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И ЖИЗНЬ“.

Изданіе Братства Св. Михаила, кн. Черниговскаго.

5-й годъ изданія.

Журналъ издается при Братствѣ св. Михаила, князя Черниговскаго, и выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками размѣромъ въ 9—10 печатныхъ листовъ каждая.

Ставя своей задачей—проводить въ сознаніе мыслящаго чело-вѣка истинно-разумное рѣшеніе главныхъ вопросовъ міробытія и христіанское освѣщеніе и уясненіе различныхъ сторонъ и проявленій человѣческой жизни, въ частности—выдающихся событій церковной и общественно-государственной жизни, сложныхъ явленій изъ про-свѣтительно пастырской практики и, въ особенности, неотложныхъ задачъ дѣятельности приходскихъ братствъ,—журналъ на своихъ страницахъ отводитъ мѣсто статьямъ популярнаго содержания изъ различныхъ областей научно-философской и богословской мысли.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) богословско-философскаго (научно-популярныя статьи по вопро-самъ православно-христіанскаго богословія и философіи). б) па-стырско-миссіонерскаго (статьи по разнымъ вопросамъ пастырской практики, миссіонерства и проповѣдничества), в) церковно-историче-скаго (статьи по церковной и гражданской исторіи, археологіи и пр.), г) литературно-педагогическаго (статьи по литературѣ, педагогикѣ, художественныя произведенія), д) церковно-общественнаго (обзоръ главнѣйшихъ событій церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей и хроника мѣстной епархіальной жизни), е) официальной части (правительственныя распоряженія и официальные сообщенія).

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой 6 руб. 50 к., на пол-года 3 р. 50 к., отдѣльный номеръ 50 к.

Адресъ: Черниговъ, Духовная Семинарія, Редакція журнала „Вѣра и Жизнь“.

Открыта подписка на 1916 годъ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Издание Училищнаго Совѣта
при Святѣйшемъ Синодѣ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXI.

Въ 1916 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: I. Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни („Уголки школьной жизни“) II. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. IV. Обзорѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьной практики (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы; примѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). VII. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. IX. Библиографическій листокъ. X. Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библиографическія замѣтки и ноты).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложений: 1) Школьный Календарь на 1916—1917 учебный годъ. 2) Книжки для учительской библіотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и Книжки для ученической библіотеки (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для классаго пѣнія. Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. Н. Бахтинъ, проф. А. А. Бронзовъ, К. М. Ванчаковъ, проф. Д. И. Введенскій, Н. С. Дренгельнъ, К. В. Ельницкій, Я. И. Ковальскій, А. А. Коринскій, свящ. А. Кулясовъ, Кл. Лукашевичъ, П. Н. Луповъ, А. П. Налимовъ, Н. Новичъ, И. И. Полянскій, Г. Л. Поповъ, М. М. Поповъ-Платоновъ, В. Родниковъ, В. Л. Розенбергъ, Я. И. Рудневъ, свящ. Е. Сосунцовъ. И. Тичеръ, В. Федоровъ, проф. В. Шимкевичъ, акад. М. В. Яновскій и многіе другіе.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ допущенъ въ народныя библіотеки и читальни,—равно и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

На международной Выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ 1904 года журн. „Народное Образование“ удостоенъ золотой медали.

Подписная цѣна три рубля за годъ съ пересылкою. Въ виду того, что журналъ „Народное Образование“ даетъ ежегодно 2 тома свыше 700 страницъ каждый, кромѣ Календаря и бесплатныхъ приложений, указанная цѣна три рубля является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ пониженіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (Петроградъ, Кабинетская, 13).

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: Пг., Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. „Народное Образование“.

Редакторъ П. Мирносицкій.

Открыта подписка на 1916-й годъ

на ежемѣсячный журналъ

„Миссіонерскій Сборникъ“,

издаваемый Братствомъ св. Василя, Еп. Рязанскаго.

XXVI-й (26) годъ изданія—юбилейный.

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ свою цѣлю путемъ раскрытія положительной истины Евангелія и православія указать заблуждающимся ложь расколосектантства, магометанства и современнаго невѣрія во всѣхъ его видахъ, съ цѣлю привлеченія ихъ въ лоно Христовой церкви. „Цѣль эта,—какъ отмѣтили и „Синодальныя Церков. Вѣдомости“,—посильно выполнялась Редакціей „Миссіонерскаго Сборника“ въ теченіе 24 лѣтъ (а теперь уже 25 лѣтъ), при сотрудничествѣ нашихъ іерарховъ и многочисленныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, заявившихъ себя апологетическими и миссіонерскими трудами“... (№ 49-й за 1914 г., стр. 2061—„Прибав. къ Церк. Вѣд.“)—Объединяя лучшія рабочія силы по спеціальному вопросамъ миссіи, „Миссіонерскій Сборникъ“ всегда стремился и особенно стремится въ настоящее тяжелое время объединить и духовенство и всѣхъ ревнителей православія въ великомъ и святомъ дѣлѣ защиты Вѣры Христовой, Православія и національныхъ устоевъ общественной и государственной жизни Россіи. И призывъ къ такому единенію, особенно необходимому въ наши дни, къ общей нашей радости, находитъ для себя глубокой и горячей откликъ. Это подтверждается всѣмъ тѣмъ, что говорятъ о нашемъ журналѣ лица, глубоко заинтересованныя успѣхомъ миссіонерскаго дѣла въ Россіи, которыя сами призваны на борьбу съ невѣріемъ и всѣми сектантскими заблужденіями и совращеніями и въ этой борьбѣ напрягаютъ всѣ свои силы для одолѣнія врага, для славы и торжества Евангелія, для побѣды христіанства надъ современнымъ язычествомъ, разлагающимъ Церковь и Государство, семейную и общественную жизнь.—„Я уже рекомендовалъ,—пишетъ Саратовскій Епископъ Палладій, опытный миссіонеръ,—особому вниманію духовенства прекрасный журналъ „Миссіонерскій Сборникъ“, издаваемый въ Рязани Братствомъ Св. Василя, подъ редакціей преподавателя духовной семинаріи Николая Ивановича Остроумова. Этотъ журналъ теперь блестяще вступилъ въ 25-й годъ своего существованія.

Какъ и въ прежніе годы „Миссіонерскій Сборникъ“ и теперь представляетъ намъ образецъ не узко спеціальнаго журнала, доступнаго и занимательнаго лишь для знатоковъ, а изданія широкаго по программѣ, увлекательнаго по изложенію и важнаго для читателя пастыря и ревнителя православія въ виду современности обсуждаемыхъ вопросовъ. Чтобы не сбиться съ пути, чтобы не терять времени и силъ въ утомительныхъ поискахъ прямого пути, въ блужданіяхъ окольными путями, необходимъ опытный руководитель. Этимъ руководителемъ для насъ можетъ быть „Миссіонерскій Сборникъ“, одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ миссіонерскихъ журналовъ, постепенно расширяющій свою программу и привлекающій все новыхъ и новыхъ сотрудниковъ“. („Сар. Еп. Вѣд.“ № 6—21 февр. 1915 г., 232—237).

А вотъ что пишетъ ревнитель православія крестьянинъ Т. В. Сауткинъ: „Миссіонер. Сборникъ“ служитъ для меня духовной пищей, которой питаю меня въ столь голодное время духовной пищи, время безвѣрія и суевѣрія, время атеизма. „Миссіонер. Сборн.“ по моему мнѣнію есть оружіе духовное, съ которымъ вѣрно и смѣло можно идти противъ враговъ Православной Церкви; имѣя это оружіе, я смѣло выступаю на борьбу со всѣми врагами Христовой Церкви. Если бы побольше насъ—крестьянъ получало такія современной духовной техники оружія, то волки въ овечьей шкурѣ не врывались бы въ наши мирныя стада. Приношу сердечное спасибо всѣмъ со-трудникамъ „Миссіонерскаго Сборника“. (Письмо отъ 7 авг. 1915 г.).

„Миссіонер. Сборникъ“, признанный и всероссійскими Сѣздами спеціалистовъ миссіонеровъ полезнымъ для дѣла православной внутренней миссіи, является самымъ доступнымъ, особенно въ настоящее тяжелое время, по цѣнѣ (3 р. за годовое изданіе съ пересылкой) для православнаго приходскаго духовенства, школъ, дух.-учебн. завед., законоучителей и всѣхъ тружениковъ святого миссіонерскаго дѣла.

**„Миссіонерскій Сборникъ“ въ 1916 году издается по про-
граммѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ.**

Отдѣлъ первый (официальный).

Отдѣлъ второй (литературный). Собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, равно какъ слова и поученія, направленные противъ нихъ.—Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектантства и раскола.—Библиографическія замѣтки о книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезныхъ для мѣстныхъ миссіонеровъ и пастырей Церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ.

Списки для миссіонерскихъ библиотекъ книгъ и брошюръ.—Неизданные матеріалы для исторіи сектантства и раскола, а также полемики съ ними.

Отдѣлъ третій (епархіальные извѣстія).

Отдѣлъ четвертый (иноепархіальные извѣстія).

Отдѣлъ пятый („обзоръ періодической печати по вопросамъ миссіи и расколосектантства“).

Кромѣ сего, въ виду насущныхъ потребностей народа и школъ, Редакція будетъ продолжать изданіе въ 1916 г. особымъ приложеніемъ къ журналу Листковъ „Живое слово по вопросамъ вѣры и нравственности“ (Вышло уже около 50-ти №№-въ). Цѣль изданія ихъ—дать твердыя основы вѣры и нравственности чрезъ выясненіе Евангелія, укрѣпить христіанскія начала семьи, общества и государства.

А въ переживаемый нынѣ 2-й годъ міровой войны Редакція въ спеціальному отдѣлѣ „Година великаго общенароднаго испытанія“ и въ листкахъ „Живое Слово“, выясняя міровыя явленія въ жизни человѣчества, будетъ раскрывать самыя основы, на которыхъ зиждется наша государственная и религіозно-нравственная жизнь.

„Миссіонерскій сборникъ“, выходя ежемѣсячно книжками отъ 5—6 печатныхъ листовъ, дастъ въ годъ подписчикамъ болѣе 65 печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 3 р., съ приложеніемъ „Критическаго разбора Толстовскаго Евангелія“ 4 р., а со всѣми другими (подъ цифрами 2, 3 и 4) 7 р. 50 к.

Адресъ: Рязань, Редакція „Миссіонерскаго Сборника“.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи, Н. Остроумовъ.

Слѣдуетъ каждому на 1916 годъ

въ подарокъ для нашихъ раненыхъ защитниковъ Родины выписать въ одинъ изъ извѣстныхъ Вамъ лазаретовъ ихъ любимый журналъ „Унтеръ-Офицеръ“.

Открыта подписка на 1916 годъ

(4-й годъ изданія)

на еженедѣльный, художественно-литературный, иллюстрированный журналъ для арміи, флота и народа.

„УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ“

Журналъ въ теченіе подписного года дастъ 50 еженедѣльныхъ богато-иллюстрированныхъ номеровъ, въ общей сложности до 1000 страницъ большого формата разнообразнаго, полезнаго и увлекательнаго чтенія, въ видѣ повѣстей и рассказовъ военно-бытового характера, описанія живописныхъ путешествій по всеѣмъ частямъ свѣта съ параллельнымъ поясненіемъ великихъ явленій природы, бесѣдъ воспитательно-воспитательнаго характера и знакомство съ новѣйшими открытіями и изобрѣтеніями, поясненіе всеѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій, спортъ, отдѣлъ научныхъ развлеченій (рѣшеніе задачъ, шарадъ на преміи), почтовый ящикъ и проч.

Главное свое вниманіе „Унтеръ-Офицеръ“ обратитъ на ознакомленіе своихъ читателей съ событіями переживаемой великой освободительной отъ нѣмецкаго засилія войны, для чего на страницахъ журнала помимо „лѣтописи событій войны“, будутъ даваться обзоры военныхъ дѣйствій, поясняемые подробными картами и схемами.

Журналъ разрѣшенъ и рекомендованъ Гл. штабомъ для выписки во все войсковыя части и въ лазареты.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкой и пересылкой въ Россію—5 руб.; за 6 мѣс.—3 руб.; съ приложеніемъ „Другъ Солдата“ (12 книжекъ) за годъ—6 руб. 20 коп.; за 6 мѣс.—3 руб. 50 коп.

Петроградъ, Серпуховская, 3.

Открыта подписка на 1916 годъ

Почаевскій Листокъ

(29 годъ изданія).

Почаевскій Листокъ журналъ назидательный, патріотическій, народно-русскій съ рисунками.

Почаевскій, Листокъ защищаетъ святыни русскаго народа—Православную Вѣру Самодержавнаго Царя и свободу русскаго народа—отъ штурма на нихъ инородцевъ и той русской интеллигенціи, которая продалась и предалась врагамъ Россіи.

Почаевскій Листокъ пишетъ: 1) какъ жить надо христіанину; 2) что дѣлается у насъ на Руси, куда, кто и какъ направляетъ жизнь страны; 3) насколько успѣшно идетъ война и какихъ героевъ породила наша матушка Русь Святая; 4) что дѣлается въ чужихъ земляхъ, кто тамъ за насъ, кто противъ насъ и какія козни строить; 5) что даетъ намъ мѣстная жизнь, особенно, какъ живутъ бѣженцы, ихъ разореніе, ихъ надежды, гдѣ найти средства вернуть имъ свое благополучіе; 6) какъ заживетъ Россія послѣ войны своей самобытною жизнью, очистившись отъ прежнихъ грѣховъ кровію своихъ сыновъ.

Животрепещущія новости съ послѣдней получки почты помѣщаются на обложкѣ журнала.

Почаевскій Листокъ при каждомъ номерѣ даетъ особо назидательное чтеніе—листокъ на благословеніе.

Въ 1916 году будетъ законченъ печатаніемъ и разосланъ „Ирмологій“ церковно-славянской печати.

Съ первыми номерами журнала будетъ разосланъ настольный „Почаевскій Календарь“ на 1916 годъ.

Подписная цѣна на годъ пять рублей, на полгода—три рубля, на 2 мѣсяца—1 рубль.

Адресъ для писемъ, денегъ и посылокъ: Самгородокъ, Кіевской губ., Редація Почаевского Листка на Андреевскій хуторъ.

Издатель А. Виталій.

Редакторъ І. Алексій.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

и иллюстрированная газета

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

30-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

Адресъ Редакціи: Москва, Мясницкая улица, д. Николаевской церкви.

За 4 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1916 году
будетъ дано:

52 №№ журнала иллюстрир., въ объемъ 1½ печатн. листовъ большого формата каждый, по слѣдующей программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. 2) Церковь въ ея настоящемъ. 3) Христіанское богослуженіе. 4) Христіанское искусство. 5) Церковная географія. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли. 7) Христіанская мысль. Вѣрученіе и нравоученіе. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Разказы изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты Современная Лѣтопись по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальнаго начальства. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь за границей. 6) Корреспонденціи. 7) Полезныя свѣдѣнія. 8) Разныя извѣстія. 9) Смѣсь.

50 №№ Воскресныхъ листовъ, гдѣ будутъ помѣщаться простые назидательные разказы изъ житій святыхъ съ нравственнымъ приложеніемъ для простаго народа.

12 вып. поученій „БОЖЬЯ НИВА“ на воскресные и праздничные дни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всеми приложеніями съ пересылкой и доставкой на годъ 4 р., на ½ года 2р. 50 к.

Благочинные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экземпляровъ, получаютъ еще одиннадцатый экземпляръ бесплатно.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая ул., д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель протоіерей С. Уваровъ.

Открыта подписка 1916 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Душеполезное Чтеніе“.

Съ 1916 года „Душеполезное Чтеніе“, вступая въ 57-й годъ своего изданія, будетъ выходить по прежнему при Московскомъ въ Кремлѣ Кааедральномъ Чудовомъ монастырѣ.

Программа: 1) Труды по изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и Богослуженія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія и на современныя явленія въ общественной и частной жизни. 3) „Публичныя богословскія Чтенія“. 4) Слова, поученія и вѣдбогослужебныя бесѣды, особенно изъ святоотеческихъ твореній и знаменитыхъ пастырей Церкви. 5) Церковно-историческіе рассказы. 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 7) Письма и разныя изслѣдованія пресвященнаго Теофана Затворника, іеросхимонаха о. Амвросія Оптинскаго и другихъ. 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 10) Данныя о расколѣ. 11) Свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, различныхъ сектахъ, съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ. 12) Литературное обозрѣніе. 13) Современная печать. 14) Критика. 15) Стихотворенія. 16) Повѣсти и рассказы.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 г. за № 477 постановлено: издаваемый въ Москвѣ журналъ „Душеполезное Чтеніе“—одобрить для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и сотрудниковъ. Журналъ выходитъ двухмѣсячными книжками. Годовая цѣна журнала: два рубля, $\frac{1}{2}$ года—1 руб., съ доставкой и пересылкою. За границу 4 рубля. За перемѣну адреса подписчики вносятъ 25 коп.

Вслѣдствіе того, что при Чудовомъ монастырѣ издается еще Журналъ „Голосъ Церкви“, ежемѣсячный 4 руб. въ годъ, г.г. подписчики должны точно указывать, какой изъ двухъ журналовъ желаютъ получить.

За прошлые годы комплектовъ журнала „Душеполезное Чтеніе“, не имѣется. Отдѣльныя №№ не продаются.

Объявленія на послѣднихъ страницахъ печатаются 20 руб. за 1 стр. 10 руб. $\frac{1}{2}$ стр. 5 руб. $\frac{1}{4}$ стр. 3 руб. $\frac{1}{8}$ стр.

Подписныя деньги адресовать исключительно: Москва. Кремль, Чудовъ монастырь. Въ редакцію журнала: „Душеполезное Чтеніе“. Можно подписываться и въ „Конторахъ объявленій и подписки“ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Литературный матеріалъ для „Душеполезнаго Чтенія“ надо направлять и за справками о таковомъ обращаться исключительно по адресу: Петроградъ, Калашниковская набережная д. 32, кв. 46. Тел. 146-71. „Ивану Георгіевичу Айвазову“. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

Редакторы: Намѣстникъ Чудова монастыря Пресвященный Епископъ Серпуховскій Арсеній и и. д. доцента Петроградской Дух. Академіи Петроградскій епарх. миссіонеръ Иванъ Айвазовъ.

V г. изданія   Открыта подписка на 1916-й годъ.   V г. изданія

НА

Церковно-педагогическій и общественный журналъ

„Законоучитель“

выходить два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: на годъ пять рублей; на полгода два рубля и 50 коп.

Съ особымъ прибавленіемъ: „Миссіонеръ-Законоучитель“ годовая цѣна—6 р., $\frac{1}{2}$ г. 3 р. На другіе сроки подписка не принимается. Адресъ редакціи: г. Житомиръ, Иларіоновская 2, кв. 3.

Программа: I Отдѣлъ. Передовыя статьи по вопросамъ церковно-педагогическимъ и общественнымъ. Сюда входятъ статьи по средней школѣ и статьи методическаго характера по низшей школѣ.

II Отдѣлъ. Правительственныя распоряженія и мнѣнія по школьнымъ дѣламъ.

III Отдѣлъ. Сообщенія о законоучительствѣ въ предѣлахъ русскаго государства (извѣстія внутри Имперіи).

IV Отдѣлъ. Положеніе Закона Божія за границей (заграничныя извѣстія).

V Отдѣлъ. Корреспонденціи по Россіи.

VI Отдѣлъ. Печать.

VII Отдѣлъ. Изъ области юридическо-законоучительской. Отвѣты редакціи по недоумѣннымъ вопросамъ законоучительства.

VIII Отдѣлъ. Библиографія. Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе профессора Академіи, Университета, многіе архипастыри, видные церковно-общественные дѣятели и опытные о.о. законоучители Россійскихъ гимназій. Имѣются собственные корреспонденты по Россіи, а также за границей.—

Изъ отзывовъ печати о журналѣ „ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ“.

Проф. Д. П. Вѣликовъ, б. предсѣдатель Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, называетъ журналъ полезнымъ, а проф. богословія Унив. св. Владимира о. Н. М. Боголюбовъ „прекраснымъ и очень полезнымъ“.

Журналъ „Кронштадтскій Пастырь“ отмѣчаетъ, что „Законоучитель“—хорошій, нужный журналъ, который составляетъ интересно и занимательно.

Разнообразіе темъ и ихъ жизненный характеръ—отличительная черта журн. „Законоучитель“, пишетъ прот. Гр. Ампелонскій.—„Законоучитель“ не замыкается въ области отвлеченныхъ теоретическихъ умствованій, чѣмъ грѣшатъ наши академическія изданія, а идетъ навстрѣчу жизни, считается съ ея требованіями и запросами и, съ знаніемъ дѣла, освѣщаетъ и разрѣшаетъ спорные и запутанные вопросы въ дѣятельности законоучителя, заявляетъ Курскій епархіальный органъ.

Заслуженный проф.-прот. Н. П. Виноградовъ свидѣтельствуетъ о высокополезности „Законоучителя“, говоря: „всѣцѣло присоединяюсь къ выраженнымъ разными учеными педагогами и профессорами мнѣніямъ касательно полезности, серьезности, идейности и практической важности „Законоучителя“.

Какъ журналъ новый и первый для спеціальнаго дѣла, „Законоучитель“ представляетъ отрадное явленіе какъ практическое руководство, какъ идейный будильникъ мысли, какъ историческая хроника нашей, по преимуществу, свѣтской школы.

Журналъ безпристрастно и корректно освѣщаетъ твердыя и слабыя стороны нашего дѣла, даетъ мѣсто голосу pro и contra насъ, дѣятелей школы не умалчивая и тогда, когда голосъ этотъ диктуется, какъ своего рода правило и предложеніе къ исполненію.

Въ „Законоучителѣ“ нашемъ,—пишетъ проф.-прот. П. Я. Свѣтловъ,—сразу чувствуется не мертворожденное, а жизнеспособное изданіе не только по назрѣвшей потребности въ немъ, но и по умѣлой постановкѣ его, не оставляющей ничего желать лучшаго, кромѣ расширенія дѣла въ разѣ принятомъ направленіи. Можно привѣтствовать о.о. законоучителей, что они обрѣли въ „Законоучителѣ“ органъ для взаимнаго единенія путемъ обмѣна мыслями, совѣтами, желаніями, своими впечатлѣніями, служебными воспоминаніями и т. д. каждый себѣ въ утѣшенію и ободренію и на общее благо.

Журналъ рекомендованъ многими законоучительскими Епархіальными Съѣздами и Учебными Округами. Редакторъ-Издатель, Протоіерей А. А. Голосовъ.

2-2

При каждомъ № „Нивы“ подписчики получаютъ по одной книгѣ, всего въ годъ 52 книги.

Открыта подписка
НА 1916 ГОДЪ
 (47-й годъ изданія)
 на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
 со многими приложеніями.

НИВА

Гл. подписчики „Нивы“ получаютъ въ теченіе одного 1916 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств.-литер. журн. „Нива“: повѣсти и рассказы, критич. и популярно-науч. очерки, біографіи, военные и политич. очерки и обзорѣнія, рис. въ краскахъ, снимки съ картинъ, рисунки, портреты и иллюстраціи съ театра военныхъ дѣйствій.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдутъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „Литературныя и популярно-научныя приложенія“: повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы бібліографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 книгъ „Сборника Нивы“, которыя подписчики получаютъ въ теченіе одного 1916 года, содержатъ:

Вторую серію полного собр. сочин. Д. И. Мамина-Сибиряка.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Гарина-Михайловскаго.

Новыя посмертныя сочиненія Антона Павл. Чехова.

Романъ Шарля де-Костера: „Библія Бельгій“ („Уленспигель“).

2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго.

12 №№ „новѣйшихъ модъ“. До 200 отолбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 листовъ: до 300 рукодѣльныхъ и вышивныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 „отрывной ежемѣсячный календарь“ на 1916 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна „Нивы“ со всеми приложениями на годъ: въ Петроградѣ: безъ доставки—8 р. 50 к., съ доставкой—9 р. 50 к. Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—9 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—9 р. 50 к. Съ пересылкою во все мѣста Россіи 10 р. За границу—14 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается разсрочка платежа на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1916 г., еще первую серію (18 книгъ) соч. Мамина-Сибиряка, прилож. при „Нивѣ“ 1915 г., доплачиваютъ 3 р. 50 к. съ перес. въ Европ. Россіи.

Адресъ: Въ Контору журнала „Нива“, Петроградъ, улица Голя, № 22.

2—2

Открыта подписка на 1916 годъ НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ „СТРАННИКЪ“

(57-ой годъ изданія),

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотеки.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1916 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе полу столѣтія. При журналѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, издается „Общедоступная Богословская Библіотека“ (издано уже 37 томовъ), имѣющая свою цѣлью сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

По отзыву одного обозрѣвателя современной духовной литературы „приложенія „Странника“ представляютъ собою то цѣнное и солидное, что надолго останется въ русской богословской наукѣ и будетъ необходимою настольною принадлежностью сельскаго и городского священника“

Въ 1916 году всеѣмъ подписчикамъ будутъ даны приложенія: четвертый и пятый томъ извѣстнаго сочиненія Проф. А. П. Лолухина: **БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ** при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. (Изданіе 2-е).

Цѣль настоящаго изданія дать русскому образованному обществу такую книгу, въ которой оно, знакомясь въ общедоступномъ изложеніи съ лучшими результатами новѣйшихъ библейско-апологетическихъ изслѣдованій и открытій, находило бы для себя надлежащую опору въ борьбѣ съ явно и тайно вторгающимся къ намъ рационализмомъ и отрицаніемъ и укрѣпилось въ убѣжденіи, что какія-бы бури не вздымалъ духъ новѣйшаго новѣрія, онъ безсиленъ пошатнуть ту непреборимую скалу, на которой покоится вѣковѣчная истина Св. Писанія.

Новые подписчики (впервые подписавшіеся на „Странникъ“) кромѣ того получаютъ при январской книжкѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія еще сочиненіе „Исторія христіанской церкви въ 19 вѣкѣ. Православный Востокъ“ (760 стр. текста и 93 иллюстрацій и портретовъ выдающихся церковныхъ дѣятелей). Сочиненіе это въ отдѣльной продажѣ стоитъ 3 рубля.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ). Цѣна а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ 2-хъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ восемь (8) руб. съ пересылкой; б) за границей 11 руб. съ пересылкой.

Примѣчанія. а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богословской библіотеки“ 2 руб. 50 коп. за томъ безъ пересылки и 3 руб. съ пересылкой.

б) Желающіе имѣть выпускъ „Библіотеки“ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 коп. за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить вышедшіе пять томовъ „Библейской Исторіи“, прилагаютъ при выпискѣ всѣхъ по 1 руб. 25 коп. за томъ (въ переплетѣ 1 руб. 75 коп.) а при выпискѣ на выборъ по 1 руб. 50 коп. (въ переплетѣ по 2 руб.).

Адресоваться: Въ Редакцію духовнаго журнала

„СТРАННИКЪ“

Петроградъ, Невскій пр., № 182.

2—2

Съ 1 января 1916 года въ Кіевѣ будетъ выходить

новый ежемѣсячный журналъ

„Христіанская Мысль“.

Журналъ ставитъ своей задачей служить, по мѣрѣ силъ, росту христіанской мысли въ Россіи, отвѣчая на религіозные запросы современнаго общества и содѣйствуя выясненію въ его сознаніи по-длинно христіанскихъ основъ жизни.

По своему руководящему началу, „Христіанская Мысль“ является органомъ православнаго самосознанія, одушевленнаго вѣрой въ жизненное значеніе Христова Евангелія. Но журналъ будетъ въ то же время внимательно слѣдить за всѣми, по возможности, религіозными исканіями и настроеніями, какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами.

„Христіанская Мысль“ имѣетъ въ виду не только лицъ богословски-образованныхъ, но и широкіе круги русскаго общества. Этимъ будетъ опредѣляться и выборъ статей, и форма ихъ изложенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе представители богословской науки и философской мысли въ Россіи, равно какъ и многіе изъ извѣстныхъ русскихъ писателей по религіознымъ вопросамъ.

Подписная цѣна на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. Цѣна отдѣльной книжки 75 к. Адресъ редакціи: Кіевъ, Волошекая, 4.

Редакторъ-Издатель *Василій Экземлярскій.*

2—2

Открыта подписка на **1916 г.** (31-й годъ изданія).

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Духовно-литературный иллюстрированный журналъ издается съ 1885 года. Пробный № бесплатно. Одобрены всеми вѣдомствами.

52 №№ журнала большого формата, въ обложкахъ, свыше 1000 страницъ текста и около 800 иллюстр.

52 №№ хроника войны. Описание очевидцевъ и фотографическіе снимки военныхъ корреспондентовъ.

Въ числѣ №№ журнала „Русскій Паломникъ“ будутъ даны 12 специальныхъ №№ **Св. войны земли русской.** Эти №№ будутъ посвящены подвигамъ защитниковъ родины, коихъ церковь причисляла къ лику святыхъ.

Кромѣ еженедѣльныхъ №№ будетъ дано, особенно цѣнное именно теперь, полное описание Святой Земли въ историческомъ, археологическомъ, географич., этнографич., бытовомъ и др. отношеніяхъ,

Роскошное на- **ПАЛЕСТИНА** въ изложеніи извѣстн. историческое изданіе — чешск. писателя В. П. Лебедева. съ предисловіемъ извѣстн. духовн. писателя публициста Е. Поселянина

18 книгъ больш. форм., свыше 1.000 стр. текста и до 500 иллюстрацій и фотографій, воспроизведенныхъ извѣстнымъ путешественникомъ и знатокомъ Св. Земли Л. А. Коробовымъ, потратившимъ на свое путешествіе въ Палестину около трехъ лѣтъ, а также и путешественникомъ В. А. Мамаемъ, извѣстн. лектор. о Св. Землѣ.

Продолжая принятый на себя трудъ дать своимъ читателямъ полное собраніе твореній **Св. Іоанна Златоустаго**, редація „Русскаго Паломника“ въ 1916 г. дастъ

10 книгъ, полное собраніе проповѣдей приведенныхъ въ строгую систему (на праздники, воскресн. дни и дни святыхъ и расположен. въ порядкѣ годичнаго церковн. круга). Последнее обстоятельство дѣлаетъ наше приложеніе, интересное для каждого христианина, особенно цѣннымъ для пастырей церкви.

Первыя 26 книгъ (въ 5-ти томахъ), полного собранія твореній **Іоанна Златоустаго** новые подписчики могутъ получить за доплату 8 руб. 50 коп.

12 книгъ, свыше 1.500 стр. большого формата: ежемѣсячный иллюстрированный литературный журналъ Историческая Лѣтопись.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ со всеми приложен. безъ дост. въ Петроградѣ 7 р. Съ дост. и перес. по всей Россіи 8 руб.

Допускается разсрочка. Въ 2 срока: при подп. 4 р. и къ 1 июля остальн. 4 р. Въ 3 срока: при подп. 3 р., къ 1 апр. 3 р. и къ 1 июля 2 р.

Главная контора и редація: Петроградъ, Стремянная, 12, соб. д.

Редакторъ **Е. А. Поповицкій.**

Издатель **П. П. Сойкинъ.**

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борнсовъ“ Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каѳолической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.— „Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузин).— „Религія, ея сущность и происхожденію“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголова.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Ляницкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. П. Н. Страхова.— Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Чтоиѣ по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жакне, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено. Редакція проситъ доставлять ей свои статьи переписанными на ремингтоновой машинѣ и, по возможности, четко и на одной сторонѣ полулиста.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по согласенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи ж. «В. и Р.» открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журналовъ, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журналовъ особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы:	Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ. Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминъ.
I. Богословско-философскаго журнала.	
II. Журнала Пастырь и Царства".	Архимандритъ Митрофанъ.